

6

2012

РОСССНЯ XXI

6. 2012 ноябрь-декабрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Преодоление хаоса: атомизированный
социум и политика _____ **6**

Ярлыки и мифы

Андрей Ранчин

К истолкованию теории «Москва – Третий Рим»
в русской культуре Нового времени _____ **26**

Владимир Лапин

Адмирал Нахимов в национальной памяти __ **58**

Страницы истории

Нина Хайлова

«Смотря на поход двенадцатого года глазами
историка». А.А.Корнилов и М.М.Ковалевский
о войне 1812 года _____ **88**

Сергей Нефедов

О предпосылках сталинской
коллективизации _____ **100**

Россия в мире

Александр Полунов

Православие на международной
арене. 1914–1918.

Историко-культурный концепт
и его эволюция _____ **112**

Редакционная почта

Наталья Ксенофонтова

Женские автодокументальные
материалы как зеркало

идентичности _____ **136**

*Владимир Бородулин,
Алексей Тополянский*

К истории научных школ:
основоположник учения о лечебном
питании М.И.Певзнер

и его школа _____ **158**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

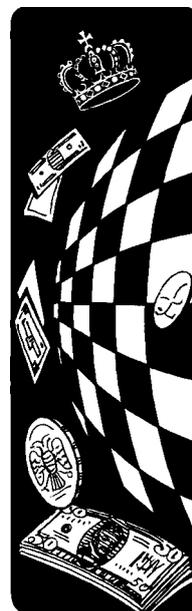
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Я уважаю людей, которые точно знают, чего хотят. Большая часть бед во всем мире происходит от того, что люди недостаточно точно понимают свои цели. Начиная возводить здание, они тратят на фундамент слишком мало усилий, чтобы могла выстоять башня.

Иоганн Вольфганг фон Гете

**Идеал в тебе самом. Препятствия
к достижению его – в тебе же.
Твое положение есть
тот материал,
из которого ты должен
осуществить этот идеал.**

Томас Карлейль

Сергей Кургинян

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА:
АТОМИЗИРОВАННЫЙ
СОЦИУМ И ПОЛИТИКА**

УДК
323

The article deals with the current political situation in Russia, with the current elites' struggle, with problems of the current situation analysis, and with the growing confrontation of political groupings within Russia that inevitably affects the spiritual condition of the Russian society as well as the RF foreign policy, the RF relations with its close neighbors. Overcoming the chaos under conditions of atomized society is the task that should be solved by people who are engaged in politics and in accordance with grand purposes and values that are aimed at preservation of the country, its people, its culture and the future of Russia.

Ключевые слова: противоборство политических группировок; духовное состояние российского социума; задача преодоления хаоса.

Key words: confrontation of political groupings; the spiritual condition of the Russian society; the task to overcome the chaos.

E-mail: ecc@ecc.ru

Все, что происходит сейчас в России, требует вдумчивого исследования, поскольку ситуация чрезвычайно опасная и двусмысленная. Любое действие, любое движение в той среде, которую представляет собой современная российская действительность, современная внешняя и внутренняя политика, не похожи на действия и движения в среде отрегулированной, где работают предсказуемые принципы, где есть законы и правила, существует, так сказать, регулярность. Здесь все иначе. Внешняя политика и внутренняя политика погружены в сложный хаос. Постепенно становится ясно, что от любого неправильного действия, от неверных прогнозов, от близорукости и самонадеянности спасает аналитика современного политического бытия, тот опыт, который приобретает благодаря погружению в современный политический процесс, где нет устойчивости, где по внешним проявлениям (индикациям) нужно судить о двусмысленных и невидимых предпосылках.

Начнем с того, что происходит у нас с вами в ближнем зарубежье.

НА ОПАСНОЙ ГРАНИ

Грузия

В Грузии все рухнуло. И начинает обнаруживаться, что были попытки в тюрьмах, что идет жуткая грызня, что сейчас, когда диктаторский клан Саакашвили отброшен, во власть врываются те люди, которых этот Саакашвили душил. И они туда врываются совсем не для того, чтобы строить милые, дружеские отношения. При этом Грузия остается столь же НАТОвской, сколь и была, но она готова признать, что преступник Саакашвили начал войну с Осетией, потому что ей это выгодно. И нам выгодно, чтобы они это признали. Нам выгоднее всего, в каком-то смысле, чтобы Грузия оставалась по отношению к нам агрессивной и одновременно признавала, что грузины начали войну. Грузинам это нужно, потому что им нужно сейчас, прежде всего, стереть в пыль Саакашвили, и у нас тут есть общий интерес.

Рассчитывать же на то, что Иванишвили станет нашим другом, что мы получим дружественную Грузию в той или иной конфигурации, нам не приходится. Более того, не только о дружественности идет речь. Грузия не снимет с повестки дня вхождение в НАТО. А мы не можем допускать движение НАТО еще ближе к нашим границам. Не можем – и

все. Значит, никакой дружественности по определению быть не может. Мы не можем сделать вид, что, ах, теперь пришли дружественные нам силы, и мы переиграем решение абхазско-осетинской проблемы. Слава богу, мы этого сделать не можем, хотя балансировали на опасной грани. На сегодняшний день мы просто показываем, что грузинский миф рухнул. Туда ему и дорога.

Приднестровье

А вот с Приднестровьем все намного серьезней.

«Министр обороны Молдавии Виталие Маринуца вчера обвинил Россию в том, что она начала по-

ставлять в Приднестровье вооружение для миротворцев без согласования с Объединенной контрольной комиссией (ОКК), контролирующей зону безопасности на Днестре. Молдавский министр утверждает, что поставки не предназначены для миротворческих операций. Это заявление было сделано после того, как министр безопасности Приднестровья Владислав Финагин сообщил "НГ", что на молдавском военном полигоне может быть размещена база НАТО (Значит, и здесь все поплыло. – С.К.).

Напомним, 13 сентября, находясь в Тирасполе, посол по особым поручениям МИД РФ Сергей Губарев отметил: "В случае утраты РМ суверенитета (т.е. вхождения Молдовы в Румынию, а это неизбежно рано или поздно произойдет. – С.К.) или нейтралитета (т.е. вхождения республики Молдова в НАТО или приобретения определенными объектами на территории республики Молдова статуса баз НАТО. – С.К.) Россия вернется к вопросу реализации Приднестровьем права на самоопределение". Иными словами – подумает о его признании»¹.

Это очень важно. Кем бы ни был этот посол, он, по определению, человек, не лишенный осторожности, и сделать подобное заявление он может только с определенной санкции.

Я хочу сказать: лучше поздно, чем никогда. Увы, это пока только слова. Но о реализации этих слов нужно думать как можно быстрее. Потом будет поздно. Потому что Молдова войдет в НАТО. Потому что рано или поздно Румыния поглотит Молдову. Это объективно так. Та-

¹ Гамова С. Кишинев предъявил новый счет Москве // Новая газета. 18.10.2012.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

кова европейская конфигурация. И произойдет одновременно и потеря суверенитета, и потеря нейтралитета.

После того, как все это произойдет, к нам приблизится НАТО. И единственное, что мы можем сделать, это стремительно выдвигать некоторые свои контингенты на территорию Приднестровья с тем, чтобы другая сторона была поосторожней. В противном случае мы получим ракеты в такой близости от своих границ, которая несовместима с нашими самыми примитивными национальными интересами.

Белоруссия

Лукашенко рассказывает о том, как именно он посредничал в диалоге с Саддамом Хуссейном, как в принципе он хорошо строит свои отношения с Западом и как говорил аме-

риканцам, что в Ираке не было ядерного оружия.

«Их ответ был: "Мы вам верим, но военную машину уже не остановим". Я клянусь вам, что этот разговор действительно произошел (рассказывает он «The Independent». – С.К.)»².

Он рассказывает о том, что не хочет, чтобы его дети заняли его место и т.д. То есть Лукашенко ведет некую игру с Западом. Будем внимательно наблюдать, в чем она состоит. Факт в том, что она имеет место.

Я двигаюсь от ближнего зарубежья к субъектам нашей федерации.

Татарстан и Башкирия

Якобы найдены террористы, которые убили Якубова и ранили Файязова и которые хотели уничтожить Файязова тоже. Говорится о том, что эти боевики ликвидированы. По-

скольку они ликвидированы, то возникает масса вопросов. При этом совершенно ясно, что негативные процессы в Татарстане и Башкирии нарастают.

«Прошедший 13 октября 2012 года в Уфе IX съезд Центрального духовного управления мусульман стал своеобразной вехой в истории российского ислама. Предыдущий съезд проходил 13 лет назад в 1999 году, поэтому необходимость собраться для обсуждения назревших текущих

² Дружинин А. Лукашенко назвал себя посредником между США и Хусейном. URL: lenta.ru. 20.10.2012.

проблем за последние годы была очевидной. Тем более, последние трагические события в Татарстане в июле 2012 года, которые озвучивались красной нитью в выступлении чуть ли не каждого второго докладчика, неизбежно вынуждали задуматься о тех проблемах, которые переживает сегодня российская умма. (Раис Сулейманов, автор статьи – один из лучших специалистов по теме, наблюдающий процессы из Татарстана и Башкирии. – С.К.)

Открывая работу съезда, с приветственным словом выступил президент Башкортостана Рустем Хамитов, отметивший, что ЦДУМ всегда препятствовало распространению религиозного радикализма в России. "Духовное управление сделало ставку на подготовку мусульманского духовенства в российских духовных учебных заведениях, а не в зарубежных университетах", – заявил глава республики.

Начальник Департамента по взаимодействию с религиозными организациями Администрации президента Российской Федерации Илья Баринов в своем приветствии публично назвал ЦДУМ "единственным муфтиятом в России, в приходах которого нет имамов-салафитов". Федеральный чиновник это сделал после выступления верховного муфтия России Талгата Таджуддина, который обрушился с критикой насаждаемой последние годы идеологии "Аль-Васатыйи" – кувейтской формы ислама. "Экспортных вариантов ислама нам не нужно, если уж на то пошло, у нас есть своя «васатыйя» – это наш традиционный ислам, который сохранили наши предки, и мы его продолжаем исповедовать", – отметил глава ЦДУМ...

Талгат Таджуддин при этом выступил резко против богохульства в отношении Русской православной церкви, которое в России продолжается в последнее время: "Как разительно сходится подобная логика с логикой людей, возбудивших (в том числе и в нашей стране!) протестный хор вселенского масштаба в защиту тех, кто по своему полному невежеству, по недомыслию, по откровенной, простите, дурости и хамству (что признается, кстати, всеми!) устроил кощунственный маскарад в Храме Христа Спасителя"³.

То есть духовное управление мусульман дает некоторые отпоры зарубежному влиянию на мусульман. Но это зарубежное влияние, в свою очередь, нарастает, поэтому, с одной стороны, мы наблюдаем радую-

³ Сулейманов Р. IX съезд ЦДУМ в Уфе стал местом объявления курса на борьбу с ваххабизмом // АПН. 18.10.2012.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

ший нас процесс: вроде бы уничтожены террористы, которые покусились на тех, кто нам дорог, вроде бы IX съезд Центрального духовного управления мусульман выразил все, что он должен выразить. А с другой стороны, под этой поверхностью продолжает разгораться огонь этого самого зарубежного влияния. И никакие слова духовного управления мусульман этот огонь не погасят. Этот огонь таким образом не гасят.

Напротив, чем больше будет слов, тем сильнее этот огонь будет разгораться.

А теперь перейдем к нетривиальным аспектам нашей внутренней политики.

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Самый нетривиальный аспект Это, конечно, расследование хищений в Оборонсервисе. Все мы понимаем, что долгие годы продолжается то, что продолжается. Во главе Министерства обороны находился Сердюков, а при нем очень специфическая команда. Она всегда была специфической. Команда эта лихорадочно занята, в том числе бизнесом. Природа этого бизнеса тоже понятна. Это распродажа так называемых «непрофильных активов». Кроме того, всего вообще, что только можно коммерциализировать. И, наконец, реформа армии. Она вызывает очень много вопросов, потому что непонятно, под какой тип войны происходит эта реформа и готовится ли все хоть к какому-то типу войны.

Но это все происходит давно. Сердюков все эти годы был нужен, и было понятно, почему он нужен.

Во-первых, он нужен потому, что классический генералитет (что бы он про себя ни говорил) – это тоже далеко не ангел с крылышками. И для того, чтобы каким-то образом остановить ту «машинку», которую крутил этот генералитет (он крутил машинку, ничуть не менее разрушительную для армии), нужен был человек со стороны. И этим человеком был Сердюков.

Во-вторых, есть и другая причина, как мне кажется, наиболее важная: Сердюков, будучи человеком абсолютно чужим, ненавидимым и одновременно достаточно «крутым», в этом качестве и был нужен. Он был чужой, непопулярный в своей среде и ненавидящий эту среду, (не-

навидящий, я подчеркиваю). У нас был министр обороны, ненавидящий запах сапог, вид военных. От одного вида десантника он впадал в некоторое внутреннее бешенство. Вспомним историю, когда он церковь потребовал разобрать. Зачем они что-то там с церковью сделали на территории воинской части? Какое ему, собственно говоря, было дело до этого, непонятно. Но ясно, что из него просто прет ненависть. И он был достаточно резкий, сильный человек для того, чтобы всю эту военную среду подавить.

Сердюков в этом качестве и был нужен, потому что некоторый элитный консорциум, я назову его условно – имени Юрия Владимировича Андропова (подчеркиваю, *имени* Юрия Владимировича Андропова), не хотел иметь сильную армию вообще и, конечно, укрепления ГРУ (Главного Разведывательного Управления) в особенности, в том числе и элитно-силовой компоненты ГРУ – спецназа. И хотел со всем этим разбираться как повар с картошкой. Этот элитный клуб держал Сердюкова, помимо всего прочего, просто для подавления армии с ее главными опасными слагаемыми. Для того чтобы в армии что-то еще было в качестве противовеса, всегда существовал Шаманов, но это все же не могло охватить в целом всей армейской структуры. Начальники Генерального штаба были слабые, все, что было связано с ГРУ, находилось в такой фазе разгрома, что ни в сказке сказать ни пером описать. И эта картинка всех устраивала.

Теперь ломается эта картинка. Обратите внимание на то, что я говорю: ломается вся эта картинка в большей или меньшей степени. Следственный комитет приходит к даме сердца Сердюкова и застаёт там Сердюкова. Как вы понимаете, СК прекрасно знал, что он там его застанет. Следственный комитет – это что, автономная структура? Это часть Клуба имени Юрия Владимировича Андропова. Она бьет сейчас по Сердюкову. Природа этого очень сложна, потому что, с одной стороны, конечно же, Сердюков в ходе событий последнего года продемонстрировал, что он готов резко склониться в сторону Медведева, и это ему запомнили. Пусть он знает, что ему это запомнили. И очень всерьез.

Но это не вся картина. Убирают Сердюкова. Идет лихорадочная перестановка фишек на игровом поле. Все эти карликовые оппозиции, все эти координационные советы и все прочее – это одно. А другое играет совсем иначе. И никого здесь не интересуют хищения в Оборонсервисе. Вот единственное, что я могу всем твердо сказать, что это не интересует вообще никого. Понимаете? Сколько бы он там ни расхитил. Волоса его

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

не упадет, бровью никто не поведет, но в момент, когда что-то понадобится для серьезной большой игры, все обнаружат, что он возмутительный расхититель.

То же самое касается Полтавченко. Ну, конечно, он подзавел народ тем, что называл негодующих по поводу того, что Медведев катается по городу, блокировав движение вообще, жлобами. Ему начали орать соответствующие кричалки. Кричалки, конечно, надо срепетировать, но там много и естественного, стихийного.

Все это негодование, тиражируемое по поводу гиперценны строительства стадиона «Зенит», например. Или других суперделок, которые вдруг как бы поражают сердца наших либералов, начинающих говорить: «Боже мой, что же такое происходит».

А вы не понимаете, что происходит? Так я объясню. В конце 80-х годов прошлого века Горбачев и иже с ним разгромили не просто все смыслы, на которых держалось наше общество. Не важно, как вы называете это общество – советским народом или союзом народов, мне ближе «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». В любом случае, Горбачев разгромил все смыслы, причем сделал это в монопольном режиме. И это было преступлением по отношению к стране. Партия монопольно контролировала информационное оружие. Ни у кого из нас не было ничего того, что находилось в руках партии.

А партия открыла огонь по площадям, по целям – по всему. И это был только первый пласт проблемы. Были разгромлены сами смыслы.

Был и второй пласт, потому что ниже смыслов лежит почва, из которой они могут произрастать. Вот у вас есть одни смыслы, и они скрепляют одно государство, потом есть другие, и они скрепляют другое. Как эта почва называется? Назовем ее «идеальное». Можно назвать более точное слово, но в первом приближении можно говорить об «идеальном» как почве, из которой произрастают все смысловые деревца.

Горбачев и другие выжгли всю эту почву, а не только сами смыслы. Этого не делал никогда ни один революционер в истории человечества, потому что каждый революционер хотел потом властвовать, а Горбачев с компанией работали на собственной территории так, как работают только враги, действующие на чужой территории. Которую надо уничтожить и которой им вовсе не надо управлять, – им плевать, что будет потом. Пусть она будет валяться в обездвиженном состоянии. Вот эти враги это и делали, и теперь продолжают делать. И льют крокодиловы

слезы по поводу нашей криминализации. Понятно? Я могу этих врагов назвать поименно.

При Ельцине продолжалось все то же самое. Апофеозом того же самого был рассказ Козырева о беседе, которая якобы произошла в Совете Безопасности, где все говорили, что нужна хоть какая-то национальная идея. То есть какую-то почву надо оставить. Где-то и откуда-то надо что-нибудь вырастить. Хоть для укрепления своей-то власти. И решили, что такой идеи нет, и поэтому пусть деньги станут национальной идеей.

Это культ золотого тельца со всеми вытекающими отсюда вещами... Неважно. Я не буду сейчас подробно разъяснять, что это культ Баала, он же Сета, он же бог знает еще кого. Я просто хочу сказать, что это называется «все на продажу», все. Если деньги – национальная идея и они выше всего, то вы должны продавать за деньги своих детей, свою любовь, свою честь и все что угодно. Это классическая идеология криминального государства. Не путайте с криминализированным. Криминально-го. Это делал уже Ельцин, продолжавший преступное дело Горбачева на поле смыслов и идеального. Концерн Гусинского, как и другие СМИ, работали по целям и по площадям.

Одновременно Ельцин добавил к первому слагаемому этой работы второе. Первое – работа на поле идеального по его уничтожению, а второе – уничтожение материального. Все предпосылки полноценной материальной хозяйственной жизни были уничтожены за счет того, что за 5 лет – с 1991 по 1996 – Ельцин действительно построил капитализм, забыв сказать гражданам России, что это может быть только криминальный капитализм. Вот его он и построил.

Криминальный капитализм

Это раковая опухоль. Она пустила метастазы во все поры нашего общества, в том числе, конечно же, в систему управления. Возникло единое целое, состоящее из этих метастаз и самой опухоли. Из преступного класса, как его базиса, и надстройки. Разумеется, в системе было достаточно много некриминальных элементов, но они постепенно либо вымывались, либо парализовывались.

Совокупность этих действий превратила нашу территорию в Большую Помойку, или «зону Ч» (если кому-то нравятся Стругацкие), или «Град обреченный», или «Пикник на обочине», но я буду использовать

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

термин «Большая Помойка». На Помойке царил хаос. По ней бегали помоечные псы. Грызли все подряд. Грызлись друг с другом. Царивший хаос приводил к тому, что помойка разваливалась и должна была развалиться до двухтысячного года.

Что сделал Путин? Он процессы на помойке организовал, упорядочил. Помойку, всю большую помойку, разделили на куски: это пищевые отходы, это металл, это какие-нибудь остатки цистерны с бензином, это золото, а это еще что-то. Ее разделили на части, поставили наблюдающих, создали координационную систему, упорядочили прибыль, выкинули наиболее отвязанных особей и создали некую регулярную помоечную жизнь. У которой есть плюс в том, что она регулярная или упорядоченная, и минус в том, что она помоечная. Теперь кто-то из тех, кто хочет ее дискредитировать, кричит «она помоечная, помоечная, помоечная», а кто-то, кто ее хочет восхвалять, кричит «она упорядоченная, упорядоченная, упорядоченная». Она упорядоченная плюс помоечная.

Внутри этой помойки царит помоечная логика и все прочее. В пределах этой помойки стадион «Зенит» рано или поздно построят за сумму в 10 раз больше, чем самый крупный европейский стадион. И к какому-то знаменателю Сочи приведут, вложив в строительство в 20 раз больше, чем Сочи стоит. И мосты даже какие-то будут имени Дарькина или не знаю кого еще, за тройную или четверную цену (и которые будут захлестывать море!), но они тоже будут.

И так далее, такая вот жизнь, поэтому вопли по поводу того, что она такая... В ней идет борьба за то, какая часть Помойки подключится к Западу и как подключится Помойка к Западу: целиком или нет. Кому передать ресурсы Помойки? С кем поделиться? Как их использовать-утилизировать? Но это все равно помойка. Упорядоченная помойка – это суперпомойка, это такая же помойка, как помойка неупорядоченная, но еще как бы более концентрированная.

Крики о том, что помоечные ресурсы неправильно распределяются, вызваны одной простой причиной: часть этого помоечного ресурса генерализованное помоечное руководство тем не менее должно отдать обычным обитателям помойки, а помоечный правящий класс не хочет, чтобы делились с обычным обитателем помойки. И говорит, что все должно остаться ему. А генерализованное руководство отвечает: «Если все достанется тебе, то общество нас свергнет». А помоечный правящий класс говорит: «И пусть оно вас свергнет. Мы поставим других людей. На вас все дерьмо спишем». А они отвечают: «А мы не хотим, поэтому

мы будем делиться с рядовыми обитателями помойки». А правящий класс говорит, что не будем.

Я был на презентации Александра Андреевича Проханова. Проханов говорит: мы пойдем к победе через болото. Да? Во-первых, кто сказал, что мы куда-то идем? Во-вторых, если, как Проханов говорит, в этом болоте все время тонут танки, орудия и люди, то все зависит от того, сколько потонет до того, как мы дойдем. А если 100% потонет? В-третьих, кто сказал, что мы выходим на твердую почву? Это бы значило, что постепенно глубина трясины уменьшается, но она увеличивается. С моей точки зрения, спасти нас может только одно: нужно жесточайшими средствами преодолеть помоечную парадигму, а не совершенствовать структуру Помойки.

И не называть Помойку ничем, кроме как Помойкой

Я использую очень давно термин зооциум, чтобы не говорить социум. Социум порван на части – его нет. «Зона Ч» – это абсолютно особое состояние общества, порожденное деятельностью двух преступников. Прямой ответственности за деятельность этих преступников Путин не несет. При Горбачеве он не был даже старшим офицером, находился далеко за пределами той Родины, на которой это все творилось. А при Ельцине он был соответствующим, постепенно продвигающимся куда-то мелкогабаритным работником. Творили это все другие.

В момент, когда Путин получил власть, он мог выбрать для себя две возможности: преодоление помоечности или урегулирование помоечности. Он выбрал вторую. Мог ли он обеспечить первую? Опираясь на кого он мог бы ее обеспечить? Тут же ключевой вопрос – об опоре. Весь правящий класс, за вычетом каких-то отдельных представителей, – это помоечный правящий класс. Как выбираться из этой ситуации – отдельный вопрос.

Чтобы продемонстрировать вам, что такое Помойка, я сошлюсь на великолепную статью Минкина, сила которой в том, что он сам ничего не говорит⁴. Статья содержит в себе стенограмму заседания суда, где свидетельствует госпожа Нарусова, которую сейчас отозвали из Совета Федерации, и все спрашивают, почему ее убрали. Потому ли, что ей

⁴ URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/10/16/761833-lzhesvideteli-i-lzhesudi.html>

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

отомстили за Ксению Собчак и т.д. Или по другой причине... Пишут и пишут письма в пользу людей, которых Минкин называет уголовниками. Но это все было бы ничто, если бы не было упомянутой стенограммы. Я лучшего документа в последние месяцы не читал. Очень рекомендую вам с ним ознакомиться.

Я вам говорю: это Помойка. Почему-то никто не связывает отставку Нарусовой с этой Помойкой. А это Помойка.

Внутри этой Помойки и сюжет с Говоруном. Говорун – это глава Минрегионразвития. Является, как все понимают и пишут в газетах, одним из ключевых сотрудников Управления внутренней политики в эпоху Владислава Юрьевича Суркова, нынешнего главы аппарата Медведева. Удар по Говоруну – это часть передвижения фишек на игровом поле, такого же передвижения фишек, как и вопрос с Оборонсервисом, или такого же передвижения фишек, как и вопрос с Нарусовой и все остальные вопросы.

Мы не можем рассматривать это все в отрыве друг от друга. Мы только одно можем зафиксировать: отставки Говоруна и Нарусовой, так же как и обнаружение хищений в Оборонсервисе, – это все части передвижения фишек на очень-очень крупной доске для освобождения поля, на которое кто-то должен войти. И вот вам еще одно поле – доклад президента «Центра стратегических разработок» Михаила Дмитриева.

Наконец, Дмитриев разродился очень серьезным докладом. Он сказал о том, что революция неизбежна, что об этом говорят все данные фокус-групп, что революционная ситуация назревает (я, кстати, абсолютно убежден, что она не назревает). Но при этом он сказал, что спасти ситуацию может отставка Медведева. Одновременно он говорит о том, что доклад этот заказан Кудриным.

А Кудрин, что бы ни говорили по поводу того, как он сейчас обнимается с Медведевым, – жертва Медведева. Он в соответствующем состоянии проклял этого Медведева, а тот потребовал его отставки. И его убрали. Т.е. Кудрин не любит Медведева. И заказывает доклад Дмитриеву о том, что будет революция, если не убрать Медведева. И мы это все, проходящее у нас на глазах, а не где-то под ковром, должны называть социологическим исследованием?.. Это помоечное социологическое исследование.

При этом я говорю и повторяю, что поскольку Медведев – это концентратор либерально-проамериканских тенденций в нашей политике, то отставка нынешнего правительства – это великое благо. Но если

Кудрин хочет поменять правительство Медведева на правительство Кудрина–Чубайса, то это значит, что мы «меняем быка на индюка».

Идеологические порывы кремлевской Администрации не вызывают у меня никакого отторжения, потому что ничего плохого там нет: создано новое управление, оно будет заниматься идеологией фактически. Это очень хорошо. Так же хорошо, что создан Изборский клуб. Это замечательно.

Весь вопрос заключается в том, что если мы на этих клубах вместе с Администрацией будем изображать, что из болота выходим на твердую почву... и начинаем что-то развертывать в момент, когда видим Помойку... то есть если все это будет делаться по принципу «вижу, что дано, а отношусь как задано», т.е. вижу Помойку, а отношусь к этому как к преодолеваемому болоту... то в результате мы окажемся уже не просто на Помойке, а на кладбище.

Кроме того, поскольку консервативный клуб (Изборский) непонятно на кого опирается, а Валдайский клуб с Карагановым очень понятно на кого опирается (а опирается он на весь совокупный либеральный истеблишмент), то всякий диалог здесь превратится в поглощение более разветвленной и интегрированной в систему структурой – структуры менее разветвленной и интегрированной.

Пока не происходит интеграции в систему, малый, неинтегрированный в систему клуб и огромный, интегрированный клуб могут на равных воевать. Но как только малый клуб соглашается на интеграцию в систему, то большая интегрированность поглощает меньшую интегрированность. Я просто обращаю внимание на то, что это даже не опасность, это практически аксиома.

У нас как бы произошло триумфальное событие. КПРФ отмежевалась от жуткой удалцовщины. И Зюганов заявил, что он давно говорил о том, что так и должно быть, он много раз предупреждал Удальцова, что не надо якшаться с либеральными элементами, которые его используют. А Миронов сказал, что либеральные силы реванша, и они же силы смуты, – это не то, что нужно «Справедливой России».

Что должен был добавить Миронов? Простую вещь – «я думал иначе, я об этом крайне сожалею, я ночами просыпаюсь и кусаю губы, я не сразу это все распознал». И все было бы замечательно. Но он этого не сказал. А ведь он болтался с белой лентой у всех на виду. Теперь, естественно, скажут, что он струхнул и отпрыгнул. Про Зюганова это скажут тем более.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

Значит, эти люди не обладают честностью и желанием признавать ошибки... А у нас все любят болтать о покаянии, но никто не хочет каяться за свои собственные ошибки и исправлять их, все говорят о чужих ошибках – народа, истории, усопших, или изгнанных, или посаженных в тюрьму людей, а о своих ошибках – ни-ни. Так вот, это свойство приводит к тому, что все погружаются все больше и больше в ту самую трясины, из которой, как Проханов говорит, они все вылезают.

Нельзя вылезать из трясины, не сказав, что это за трясина. Трясина-то откуда? Трясина эта – что? Когда она углубляется, а когда она, наоборот, становится все ближе и ближе к твердой поверхности, к твердому дну? Это же мистическая, метафизическая трясина!

К сожалению, что мы видим? «Анатомию протеста». Говорится какое количество слов, смотрим невероятно мутный сюжет, некто сообщает, что его пытали. Так сейчас каждый уголовник скажет, что его пытали. Это же каким-то образом должно быть обследовано, зафиксировано. Потом, что же это за угрозы и пытки, после которых некто говорит, что ему угрожали и его пытали? Что делают люди, которым угрожали и пытали? Ну, вы вдумайтесь в происходящее, как взрослые люди, предполагающие, что те, кто это делает, тоже взрослые люди.

Удалцов, показанный в этом фильме, что исполняет? Он говорит: я к кому-то приехал, не знал к кому и начал на его территории вести невесть какой разговор. И что? Ты политик. Ты имеешь право с кем-то встречаться, вообще не спросив, кто этот человек? Кто организует твою встречу? И что это за профессиональный политик, да еще играющий на грани фола, который не знает, с кем он встречается? Все по этому поводу что-то обсуждают, а тут все как на ладони, и обсуждать это таким образом можно только в помоечном состоянии сознания, в помоечном помрачении, в помоечном обществе.

Выборы в Координационный совет оппозиции

Новодворская по этому поводу сказала: «Ребята, вы впрягаете коня, трепетную лань и бог знает кого еще. Вы о чем думаете?» Ей никто вообще не отвечает. У Новодворской есть позиция. Она говорит: я не хочу Путина, потому что он консерватор, а я хочу либерала. По мысли Новодворской⁵, если вы ультра-

⁵ URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/novodvorskaya/944094-echo/>

консерваторов сажают и явно они придут, то зачем нужно избавляться от Путина, чтобы получить Демускина или неизвестно кого? И я следую той же логике. Я не хочу Медведева. Не хочу Касьянова. Не хочу Новодворскую и других. Поэтому, если мне говорят: «Путин плохой. Давайте поставим их». Я отвечаю, что они для меня гораздо хуже, поэтому я должен разгромить их политически.

Самые интересные песни, конечно, поет Чубайс, который говорит о том, что выйдут еще на улицу миллионы. Не сейчас, так потом. Это интересно, почему они выйдут и почему Чубайс так думает. Но в целом это все помоечный, кривляющийся сумасшедший дом.

Размышляют о Путине Павловский, Белковский и Гонтмахер. Павловский это делает в длинной статье. Это просто нечто. «Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним» – это Павловский дает интервью Масюк. На пяти полосах с фотографиями – сидит в величественной позе. Он же профессионал и знает, что это называется «портянка». Но он это дает. Интервью посвящено двум вещам: психоанализу глубинных процессов в сознании Путина и его бессознании, подсознании, сверхсознании и т.д. И экзистенциально кризисным ситуациям в путинском менталитете. Первая часть полностью исчерпывается знаменитой фразой из «Бориса Годунова» Пушкина: «Ни жизнь, ни власть меня не веселят». Можно даже вместе с предыдущей фразой: «Напрасно мне кудесники сулят Дни долгие, дни власти безмятежной – Ни власть, ни жизнь меня не веселят». Если вместе с этим припомнить и Дмитриева с Центром стратегических разработок, то «предчувствую небесный гром и горе». И это все. Остальное – Фрейд, Адлер, Юнг и так далее.

Но Павловский – аналитик, журналист. Ясно, что он скрывает суть и не хочет анализировать ситуацию с Путиным. Он боится. Все, что он говорит, продиктовано страхом и невозможностью что-либо сказать. Он говорит так много, чтобы не сказать ничего, а говорить надо. В ходе говорения он доходит до того, что начинает вычеркивать из текста интервью Масюк ее негативную информацию о Павловском, которую та предлагает читателю в виде размышлений Елены Боннер или когонибудь еще о том, что Павловский нехороший. Он все нехорошее о себе вычеркивает у Масюк. Что делает Масюк? Она все это восстанавливает и говорит: «А Павловский у меня все это вычеркнул». Это типичная помоечная жизнь!

Гонтмахер просто говорит: $2 \times 2 = 4$, $3 \times 3 = 9$, $2 \times 3 = 6$. Если на столбец сказать, что $2 \times 2 = 4$, на следующем – что $2 \times 3 = 6$, а потом – что $3 \times 3 = 9$, то

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

уже получится статья. А Белковский твердит «надоело это, надоело это, надоело это, надоело это, и на этом теперь не прожить», «не хочу писать, не хочу писать, не хочу писать, пошли б вы все вон, шли б вы все вон, шли б вы все вон» – вот уже и целая колоночка получилась. И это – помоечная рефлексия. В ней нет ни Путина, ни авторов, ни страны, ни обеспокоенности – ничего.

Далее. Пионтковский говорит о том, как нужно перейти от «паханата» к республике. Переходный период, ювелирная операция, учредительное собрание, что надо еще делать?

Все они используют при этом противопоставление «легитимное» / «нелегитимное», которого не понимают. Они не понимают, что на попойке не может быть легитимности. Потому что легитимность – это не легальность, как соответствие неким нормам законодательства. Легитимность – это другое. Это соответствие законам ценностям, разделяемым большинством общества. Значит, нужно иметь ценности, разделяемые большинством общества, а преступники Горбачев и Ельцин уничтожили ценности вообще. И даже то, что под ними было. Поэтому у нас нет общества, у нас есть разорванные социальные среды. И то, что ценно для одних, не ценно для других. У нас нет консенсусной рамки, с помощью которой это можно сделать, поэтому легитимного быть не может вообще.

Я просто хочу, чтобы вы вдумались, какой мрак сгущается. Вот вроде ничего не происходит, а мрак-то сгущается! Из такого-то мрака обязательно что-нибудь вылезет.

Есть еще статьи совсем другого типа, которые тоже хотелось бы обсудить. В Росбалте, в двух номерах подряд⁶, выходят статьи про Хомякова и другие, как бы националистические, группы. И вдруг начинаешь видеть, что вся эта игра на националистическом поле комплексная. Что есть несколько игроков, каждый из которых пытается сложным способом замкнуть на себя некое националистическое поле, получить здесь какой-то потенциал, прибирает к рукам фишки.

И борьба идет за промежуточную фишку – убрать ее вообще или усилить и т.д.! А рядом есть центр, который тоже передвигает фишки на этом националистическом поле.

Само это националистическое поле меняется. Вместо имперского национализма, против которого я вообще ничего не имею, возникает

⁶ *Росбалт. 8.10.2012. 15.10.2012.*

что-то совсем другое, вплоть до безгосударственного статуса русского народа или до малых осколочных государств. И мне кажется, что за этим всем стоит мятущаяся западная мысль.

Вживитесь в образ западного аналитика, который думает над происходящим. Войдите в образ! Встаньте на его место и подумайте, что он видит. Он видит, что «хомяки» не могут ни расшатать власть, ни тем более ее низвергнуть. Не могут – и все! Они могут власть существенным образом дискредитировать. Но ни расшатать, ни низвергнуть ее они не могут. Поэтому если этот аналитик ставит перед собой именно такую задачу, то он должен от «хомяков» перейти к какому-нибудь экстремизму, причем достаточно консолидированному. И это первая возможность. Тогда нужны «Хизб-ут-Тахрир», какие-нибудь радикалы и союзы с ними, социальные волнения и все прочее.

И вот мы видим, как «хомяки» хомякствуют, выбирают свой координационный совет и совершают другие шутовские действия, экстремисты медленно-медленно обнюхивают друг друга, а наверху идет перестановка фишек на игровом поле. Там игра крупная, никто не хочет сделать ошибку, и все медленно переставляют фишки.

Когда мы видим на поверхности отставку Говоруна, то под поверхностью – те, кто держит предприятие под названием «Говорун», и те, кому это предприятие не нужно.

Когда мы видим (и это – самое крупное!) на поверхности «Оборонсервис», то под поверхностью идет борьба за пост министра обороны.

Это не мелочь! Это вам не образование, не культура, это суперигра! А мы видим, что эту игру играет клуб имени Ю.В.Андропова, да? Тем самым игра становится еще масштабнее.

И вот сумма всех этих игр – на экстремистских полях, с Удальцовым, с националистами и всем прочим, – весьма глубока, потому что, когда мы видим эти игры на поверхности, мы понимаем, что под ними есть те, кто явным образом перераспределяет фишки.

Мы явно видим, как сгущение помоечных облаков над Помойкой соединяется с перемещением неких масс не только на поверхности помойки, но и в ее потаенных подвалах. И мы прекрасно понимаем, что все это ничего, кроме беды, породить не может. В этом не может быть добра.

Никакими крупными экономическими сделками, никакими сдержками и противодействиями, никакими идеологическими благопожеланиями это все не вылечишь. Другая болезнь, другая стадия, другие

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА: АТОМИЗИРОВАННЫЙ СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

средства лечения. И другая потребность в мобилизационных идеальных проектах, которые готовы столкнуться со всеми этими черными тучками и тучечками, каждая из которых, возможно, не так и опасна. Но стягиваясь в единое и имея подпитку внутри всей помоечной безблагой ситуации, эти тучи обязательно сконцентрируются так, что из них вылезет очень крупная, в том числе и международная, гадость.

Остановить ее, дать ей отпор, сразиться с нею может только накаленное идеальное. Если его нет, то любое размышление по поводу того, что бы значило каждое из этих темных облачков и как они стягиваются вместе, бессмысленно.

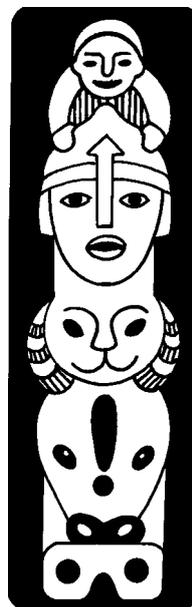
И никуда мы тут не денемся от средства под названием «накаленное идеальное», от новых исторических проектов и новых субъектов, способных эти проекты воплощать, а другим, темным инициативам давать соответствующий отпор.

Московская теория не может быть рассматриваема как благочестивое пожелание частного человека. Она ... служит основанием для политических притязаний московского правительства, словом, она получила у нас государственно-правовое значение... Должно признать, что русские в конце XV века ничем не хуже обставили свои политические притязания, чем римляне...

Ф.И. Успенский

Исторический элемент в народном мышлении обнаруживается не только в законченных исторических представлениях, он пребывает в таких наших понятиях и суждениях, как отечество, слава, геройская смерть, честь, верность, долг, государственные интересы, прогресс; он дает себя чувствовать в каждом слове, в каждом поступке. Мудрость и заблуждения прошлых веков непрерывно говорят в нас.

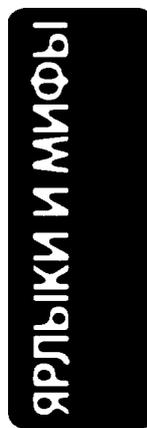
Йохан Хейзинга

Андрей Ранчин

**К ИСТОЛКОВАНИЮ
ТЕОРИИ «МОСКВА –
ТРЕТИЙ РИМ»
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
НОВОГО ВРЕМЕНИ**

УДК
281.93

The author deals with 'Moscow as the Third Rome' theory and with its perception in the culture of the Modern time, first of all in the Peter the Great epoch. The author demonstrates inconsistency of opinion set forth by Yu. M. Lotman and B. A. Uspensky who suggested that theory of Philophei, a scribe from Pskov, influenced ideology of Peter I and, in particular, formation of Saint-Petersburg concept as the new Rome. The author adduces new arguments in favor of 'Moscow as the Third Rome' theory interpretation in purely religious concept that belonged to philosophy of history and not to political or ideological dimensions.

Ключевые слова: Теория «Москва – Третий Рим»; древнерусская словесность; русская культура; Петровская эпоха; историософия; идеология; структурализм.

Key words: 'Moscow as the Third Rome' theory; Ancient Russian literature; Russian culture; epoch of Peter I; philosophy of history; ideology; structuralism.

E-mail: aranchin@mail.ru

Непосредственным поводом к написанию этого текста послужила известная статья Ю.М.Лотмана и Б.А.Успенского «Отзвуки концепции "Москва – третий Рим" в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)»¹, посвященная семиотике петровского идеологического проекта новой столицы. Петербург Петра I рассматривается как своеобразная семиотическая проекция Рима и Ватикана на русскую культурную почву: название города («Санкт-Петербурх / Санкт-Петербург») и его герб (перекрещенные якоря) соотносятся с названием Рима – «города святого Петра» – и с гербом Рима (Ватикана) – перекрещенными ключами. Сакрализация петербургского локуса в текстах петровской эпохи также рассматривается как трансформация сакрального римского пространства. При этом использование Петром I римской парадигмы и семиотической модели осмысливается как филиация теории «Москва – третий Рим».

**КАК ЦАРЬ ПЕТР НОВЫЙ РИМ
СТРОИЛ**

По мнению авторов статьи, «[и]дея "Москва – третий Рим" по своей природе была двойственной. С одной стороны, она подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от "нечистых" земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, т.е. в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность: в Византии видели *мировую империю*, наследницу римской государственной мощи. Таким образом, в идее "Москва – третий Рим" сливались две тенденции – религиозная и политическая. При выделении второго момента подчеркивалась связь с *первым Римом*, что влекло затушевывание религиозного аспекта и подчеркивание аспекта государственного, "императорского". Исходной фигурой здесь делался не Константин, а "Август-кесарь". Выступая на первый план, государственность могла не освящаться религией, а сама освящать религию. <...>

Итак, двойственная природа Константинополя как политического символа позволяла двоякое истолкование. В ходе одного подчеркивались благость и священство, в ходе другого – власть и царство. Символическим выражением первого становится Иерусалим, второго – Рим.

¹ Первая публикация в сб.: *Художественный язык Средневековья. М., 1982.*

Соответственно идеал будущего развития Московского государства мог кодироваться в терминах той или иной символики. <...>

Таким образом, символ Византии как бы распадается на два символических образа: Константинополь понимается как новый Иерусалим – святой, теократический город – и вместе с тем как новый Рим – имперская, государственная столица мира. Обе эти идеи и находят воплощение в осмыслении Москвы как нового Константинополя или третьего Рима, которое появляется после падения Византийской империи. Существенно при этом, что покорение Константинополя турками (1453 г.) приблизительно совпадает по времени с окончательным свержением в России татарского господства (1480 г.). Оба эти события естественно связываются на Руси, истолковываясь как перемещение центра мировой святости: в то время как в Византии имеет место торжество мусульманства над православием, в России совершается обратное, т.е. торжество православия над мусульманством.

С падением Константинополя московский государь оказывается единственным независимым правителем православного мира, если не считать Грузии, которая с московской позиции представлялась скорее легендарным царством, нежели географической и политической реальностью. В условиях средневековой идеологии, когда только за носителями истинной веры признается право на истинное бытие, другие народы оказываются как бы несуществующими, таким образом, глава Московского государства оказывается, на языке этих понятий, властителем всего мира. В этих условиях политический и конфессиональный аспекты доктрины "Москва – третий Рим" соединяются в общем теократическом значении.

В новое время, когда за другими народами признается право на самостоятельное бытие вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, равновесие разрушается. Перед Москвой открываются два пути, требующих выбора быть новым Иерусалимом или новым Римом².

Петр I воспринял теорию «Москва – Третий Рим» прежде всего в ее «государственническом» аспекте: «Во многих идеях, на которых строилась система отношений петровской государственности с Западом, просматривается – то в виде полемики, то в форме продолжения, часто

² Лотман Ю.М., Успенский Б.А. *Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)* // Лотман Ю.М. *История и типология русской культуры*. СПб., 2002. С.352–354. Выделено в оригинале.

связанного с коренными трансформациями, – концепция "Москва – третий Рим". Идея эта в определенные моменты оказывала давление на реальную политику, в то время как на других этапах приобретала чисто семиотический характер.

Семиотическая соотнесенность с идеей "Москва – третий Рим" неожиданно открывается в некоторых аспектах строительства Петербурга и перенесения в него столицы. Из двух путей – столицы как средоточия святости и столицы, осененной тенью императорского Рима, – Петр избрал второй. Ориентация на Рим, минуя Византию, ставила естественно вопрос о соперничестве за право исторического наследия с Римом католическим». Петровская культура выработала «представление о Петербурге как Новом Риме»³.

При этом абсолютно превалировало понимание Рима не как центра святости, а как квинтэссенции и модели «правильной» государственной власти: «Подлинность Петербурга как нового Рима состоит в том, что святость в нем не главенствует, а подчинена государственности. Государственная служба превращается в служение Отечеству и одновременно ведущее к спасению души поклонение Богу». Соответственно, «[с]вятость Петербурга – в его государственности. С этой точки зрения и папский Рим (в отличие от Рима императорского), и Москва представляются синонимическими символами ложной, "ханжеской" святости. С позиции обожествленной государственности старорусское православие казалось подозрительно смыкающимся с "папезным духом". Это определяло и известную симпатию Петра и Феофана к протестантизму, и актуальность критики католического Рима как Рима ненастоящего. Создавалась парадигма идей, в которой Рим "папезный" и Москва допетровская объединялись в противопоставлении Петербургу – истинному Граду Святого Петра»⁴.

Осмысление Петербурга как нового Рима происходило в рамках мифологической темпоральной модели, которая сохраняет актуальность в русской культуре еще, по крайней мере, на протяжении XIX столетия: «Идейное бытие Петербурга мыслилось в связи с тремя временными моделями. Как "новая Голландия", реальное воплощение идеала "регулярного государства", Петербург включался в европейское реально-историческое время. Это проявилось в речах Петра и его сотрудников, подчеркивавших быстроту создания нового города и акцентировавших момент переживаемого времени. Однако связь с идеей "Москва – третий

³ Там же. С.354.

⁴ Там же. С.356–357.

Рим" могла включать Петербург и в мифологическую модель времени. В этом случае он, с одной стороны, с самого момента своего основания трактовался как вечный город, что явилось отражением веры в то, что, будучи новым и истинным "третьим Римом", он исключает возможность появления четвертого. С другой стороны, эта же мифология допускала возможность противоположного толкования. Противники реформы, считая, что истинный третий Рим – это Москва, и отрицая возможность четвертого, утверждали, что Петербурга нет вообще, что он имеет только кажущееся бытие, "мнится" и минет как наваждение.

Все три точки зрения отразились в последующих культурных моделях Петербурга. Первая – в частности, во вступлении к "Медному всаднику" ("Прошло сто лет, и юный град... вознесся"). Вторая получила специальную трактовку в соединении с идеей исторической молодости Петербурга: если, говоря о Риме как "вечном городе", обычно имеют в виду его непрерывное бытие сквозь толщу прошедших веков, то "вечность" Петербурга осмыслялась как "вечность будущего". Третья точка зрения отразилась в широком круге текстов "петербургской" литературы (в первую очередь Гоголь, Достоевский, символисты)⁵.

Анализ Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским «римских» компонентов в семиотике петровского Петербурга отличается тонкостью и основательностью, а конкретные выводы – аргументированностью. Однако идея, что парадигматической основой для рецепции Рима как модели, по которой формировалась семиотика новой российской столицы, была теория «Москва – Третий Рим», вызывает определенные сомнения. Прежде всего, как будто бы неизвестны какие-либо данные о знакомстве основателя Петербурга с теорией старца Филофея. Такое утверждение, вы-

⁵ Там же. С.361. Выделено в оригинале. – Я намеренно отказываюсь от рассмотрения более поздней работы (ограничиваясь оценкой лишь одного из ее положений) Б.А.Успенского (Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // Успенский Б.А. Избранные труды. Изд. 2-е, испр. и перераб. М., 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры), несмотря на то что в ней содержатся очень важные дополнения, а отчасти и коррективы к трактовке теории старца Филофея, представленной в статье «Отзвуки концепции...». Во-первых, новая характеристика теории «Москва – Третий Рим» принадлежит только одному из авторов более раннего исследования. Во-вторых, в статье Б.А.Успенского уже не рассматривается возможное воздействие этой теории на символические акции, предпринятые Петром I, в том числе и на реализацию проекта Петербурга. Моей же задачей является именно исследование интерпретации Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским рецепции теории «Москва – Третий Рим» в русской культуре Нового времени.

сказанное автором этих строк, не занимавшимся профессионально петровской эпохой, могло бы выглядеть самонадеянным и легковесным; но показательно, прежде всего, что сами Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, в компетенции которых как исследователей культуры и истории XVIII в. невозможно усомниться, не приводят абсолютно никаких свидетельств такого знакомства⁶. Кроме того (и это главное), вероятное знание державным основателем Петербурга тех или иных текстов, в которых отражена доктрина старца Филофея, еще не является доказательством влияния теории на семиотическую практику Петра.

ТЕОРИЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» И НАСЛЕДИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский для обоснования своей идеи ссылаются только на пассаж о рождении Христа в пределах империи Августа в Послании Ивана Грозного Полубенскому⁷.

В нем Иван Грозный объясняет упрочение и расширение империи Августа именно этим событием: благодаря рождению Богочеловека в пределах Римского царства языческая держава получила божественную санкцию и была благословлена власть Августа. Однако, во-первых, не обосновано право рассматривать идеи первого русского царя в качестве основания для реконструкции идейного смысла, присущего (пусть лишь потенциально) концепции другого книжника. И нужно помнить, что в послании Полубенскому попросту не упоминается теория старца Филофея и выражение «Третий Рим» отсутствует. Во-вторых, в утвер-

⁶ Петр I, вероятно, должен был знать Уложенную грамоту Московского собора 1589 г., содержащую перефразировку теории «Москва – Третий Рим», и ее издание в составе Кормчей книги 1653 г. (См. о формуле «Третий Рим» в этих памятниках: Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С.299–305). Из неофициальных памятников, в которых отразилась теория Филофея, Петр мог знать псевдоисторическую «Повесть о зачатии Москвы». В «Сказании о зачатии Москвы и Крутицкой митрополии» теория редуцирована и уже практически неразличима: сообщается, что на месте будущей Москвы князь Данил Иванович обнаруживает «хижину малу», в которой обитает римлянин Подон (См.: Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 2006. Т.15. XVII век. С.140).

Р.Николози, проведший скрупулезное исследование панегирической литературы петровской эпохи, в личной беседе подтвердил мои предположения, что в этих сочинениях отсутствуют отсылки к теории «Москва – Третий Рим».

⁷ См.: Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С.Лихачева и Я.С.Лурье; Пер. и коммент. Я.С.Лурье. М.; Л., 1951 (Серия «Литературные памятники»). С.200.

ждении Ивана Грозного в данном случае нет ровным счетом ничего нового, происхождение выраженной в нем идеи легко узнаваемо, и восходит она, очевидно, не к Филофею и не является оригинальным компонентом царской доктрины. Венценосный книжник всего лишь перефразирует мысль, характерную для византийской историософии / политической идеологии, содержащуюся, например, в Летописце Еллинском и Римском второй редакции:

«<...> родися Господь наш Исус Христос <...> въ 37 лѣто царства Августа. Тѣмь поистине великий царь и нарочит паче всѣх Август сильный бысть и обладая всѣми царствии, занеже въ днехъ его Господь, царь всѣх, родися <...>»⁸.

Эта же идея представлена и в переводной Хронике Георгия Амартола⁹. Из хронографов ее, по-видимому, заимствовал и Филофей.

Для Ивана Грозного была значима не теория Филофея, а доктрина, устанавливающая родословие Рюриковичей от Пруса – родственника императора Августа – и символически представляющая преемство власти русских правителей от Царьграда в дарении царских регалий императором Константином Мономахом князю Владимиру Мономаху: «Иван Грозный, ссылаясь в своих дипломатических посланиях на легендарную генеалогию от Августа–Пруса <...> не обращался к формуле "третьего Рима"»¹⁰. Это учение представлено в таких памятниках, как «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и «Сказание о князьях Владимирских».

Идеи «Послания...» и «Сказания...» были запечатлены в таком официальном памятнике историографии эпохи Ивана Грозного, как «Степенная книга царского родословия». В «Степенной книге...» (степень IV, глава 8) представлен, хотя и в трансформированном и в избавленном от анахронизмов виде, сюжет о дарах – регалиях греческого императора Константина Мономаха, врученных киевскому князю Владимиру Мономаху, разработанный в «Послании о Мономаховом венце» и в «Сказании о князьях Владимирских»:

⁸ Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т.1. Текст / Основ. список подгот. О.В.Твороговым и С.А.Давыдовой; Вступ. ст., археографич. обзор и критич. аппарат изд. подгот. О.В.Твороговым. С.199 (список Библиотеки Академии наук, 33.8.13, л.81 а).

⁹ См.: Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т.1. Текст. С.10.

¹⁰ Сеницына Н.В. Указ. соч. С.244.

«Его же ради мужества и греческаго царя Конъстантина Манамаха диадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа приемъ, и порамницю царскую и крабицю сердоличную, из нея же веселяшеся иногда Августъ кесарь Римьскій, и чѣпь златую <...>. И не просто реши такому дарованію не отъ челоуѣкъ, но Божиимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяще и преводяще славу Греческаго царства на русскаго царя. Вѣнчан же бысть тогда в Киевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ <...> отъ святейшаго митрополита Неофита Ефесьскаго и отъ прочихъ святителей Митулинскаго и Милитинскаго <...> пришедшихъ отъ Царьграда»¹¹.

В этомъ памятнике сообщалось также о созданиіи Константинополя Константиномъ Великимъ какъ регулярнаго города и о переселеніи в него сановниковъ и прочихъ горожанъ изъ старой столицы – Рима:

«Великий же Конъстантинъ о семь възмутися зѣло, но обаче слова ихъ повелѣ написати, а магистровъ и дѣлателей градскихъ повелѣ раздѣлити надвое. И единой странѣ повелѣ размѣрити градския стѣны и стрѣлници и начати градъ дѣлати, а другой странѣ повелѣ размѣрити улицы и площади на римскіи обычаи, и тако начати дѣлати церкви Божіа и дворъ царскій, и иныя дома славнымъ вельможамъ и мегистаномъ и всѣмъ сановникомъ, и воды сладкіа приводити.

В седмое же лѣто видѣ царь мало живущихъ въ градѣ, зане великъ бѣ зѣло, и тако сътвори: посла изъ Рима и отъ инѣхъ странъ, събравъ достославныхъ велможъ и мегистанъ и сановниковъ съ множествомъ людей ихъ, ту приведе, и дома велиа създавъ, даде имъ жити в градѣ съ устройеніемъ велиемъ и царскими чинами, яко и своя дома и отечество забыти. Създа же царь и полату великую, иподрому дивную, и двѣ поле устрой, сиирѣчь улицы покровены на торгованіе, и назва градъ той Новыи Римъ»¹².

Имеется в «Степенной книгѣ...» также пророчество о будущемъ владеніи Константинополемъ «русскимъ родомъ», представляющее собой вариацию фрагмента изъ «Повести о взятіи Царьграда турками» Нестора Искандера:

¹¹ *Степенная книга царскаго родословія по древнейшимъ спискамъ: Тексты и комментарий. В 3 т. / Отв. ред.: Н.Н.Покровский, Г.Д.Ленхофф. М., 2007. Т.1. Житіе св. княгини Ольги. Степени I–X. С.408–409, списокъ Государственнаго Историческаго музея (далее – ГИМ), Чуд.358, л.225–225 об.*

¹² *Там же. М., 2007. Т.2. Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. С.174, списокъ ГИМ, Чуд.358, л.570–570 об.*

«Но убо да разумѣши, о окаяннѣ, аще вся прежде реченная Мѣфодиемъ Патрьскимъ и Львомъ Премудрымъ и знаменія о граде семь съвръшишяся, то и послѣдняя не преидуть, но тако же съвръшится имуть. Пишетъ бо: "Рускїи же родъ съ прежде создателными всего Измаилта побѣдять и Седмохолмага примуть съ прежде законми его, и в немъ въцарятя"¹³.

Рим именуется в «Степенной книге...» «старым Римом», тем самым Константинополь-Царьград трактуется как новый Рим¹⁴. Однако ровным счетом никаких ссылок на теорию «Москва – Третий Рим» в этом памятнике нет. В тексте развернуто символическое сопоставление с другим городом: «Авторы С[тепенной] К[ниги] воспринимали Москву как Новый Иерусалим, ее жителей – как избранный народ, а расширение Московского государства описывали как путь в Землю Обетованную»¹⁵.

«Степенная книга...», как известно, интересовала Петра I, который повелел составить на ее основе краткое историческое сочинение о русских правителях и ссылался на нее в своих указах. «В январе 1719 года Головкин писал Макарову: "По его, царского величества, повелению посылаю Краткий летописец или выписку о житии великих князей российских до государствования царя Ивана Васильевича, которая делана по указу его царского величества у нас в канцелярии из книги большой, зовомой Степенной, и обретающиеся в той книге многие излишества, которые к сей гистории не приличны, выпущены; но что надлежит к житию великих князей, то все в ту выписку внесено"¹⁶. «Степенная

¹³ Там же. С.190, список ГИМ, Чуд.358, л.587. – Ср. у Нестора Искандера: «Но убо да разумѣши, окааннѣ, аще вся прежереченная Мѣфодиемъ Патаромскимъ и Львомъ Премудрымъ и знаменія о градѣ семъ съвръшишяся, то и послѣдняя не преидут, но такоже съвръшится имут. Пишетъ бо: "Рускїи же родъ съ прежде создателными всего Измаилта побѣдять и Седмохолмага примуть съ прежде законными его и в немъ въцарятя и судръжатъ Седмохолмага русы, языкъ шестый и пятый, и насадитъ въ немъ зелье и снѣдятъ отъ него мнози в отмицение святымъ"» (БЛДР. СПб., 2005. Т.7. Вторая половина XV века. С.68).

¹⁴ Властители многих земель, в том числе из «старого Риму отъ папы и отъ цесаря, и ис Царяграда отъ турьскаго салтана», присылали к великому князю Московскому со словами о мире и любви (Степенная книга... Т.2. С.250, список ГИМ, Чуд.358, л.644). Ср. приведенное выше именование Царьграда «Новый Рим» (Там же. С.174, список ГИМ, Чуд.358, л.570 об.).

¹⁵ Ленхофф Гейл Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга... Т.1. С.135–136.

¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн.8. 1703 – начало 20-х

книга...» была не только одним из источников «Истории о владении российских великих князей вкратце» Федора Поликарпова¹⁷. В собрании Петра I был список Степенной книги, ныне хранящийся в Библиотеке Академии наук под инвентарным номером 32.8.5¹⁸. Магистр Иоганн Вернер Паузе по поручению Петра I в 1711 году написал «Историю Царьградскую», в которой использовал текст «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера¹⁹. «Прямая ссылка на С[тепенную] К[нигу] введена в Устав "О наследии престола" (от 5 февраля 1722 г.): обосновывая свое право не только назначать, но и смещать уже назначенного наследника, Петр опирается на описанный в книге прецедент, созданный Иваном III <...>»²⁰.

Петр I мог идею создания новой регулярной столицы заимствовать из рассказа об основании Константинополя Константином Великим²¹, содержащегося в «Степенной книге...», хотя этот памятник не был единственным источником для плана русского царя²². Но примеры-

годов XVIII века. Т.16. С.546.

¹⁷ См. об этом подробнее: Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С.24.

¹⁸ Там же. С.31.

¹⁹ Там же. С.36.

²⁰ Ленхофф Гейл Д. Указ. соч. С.121.

²¹ Появление орла во время осмотра Петром I места основания будущего города, описанное в анонимном сочинении петровского времени «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга» (Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.258–262), «отсылает к легенде об основании Константинополя (то есть к легенде об основании децентрированной столицы, в традиции которой воспринимается Петербург)» (Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика / Пер. с нем. М.Н.Жаровой под ред. К.А.Богданова. М., 2009. С.8. Ср.: Вилинбахов Г.В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып.18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. С.53). О появлении орла при заложении Царьграда сообщает, в частности, «Степенная книга...».

²² При этом между основанием (и его мифологизацией) Рима и Константинополя, с одной стороны, и Петербурга, с другой, – есть существенные различия: «Несмотря на то что нацеленные на будущее притязания Петербурга сопоставимы с притязаниями Рима и Константинополя, в данном случае можно говорить уже не об основании города (*urbem condere*), а о космогоническом возникновении города, для которого победа демиурга над стихиями хаоса более значима, чем постепенная трансформация пустого пространства в имперский город» (Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века. С.54. Выделено в оригинале).

образцы, которые преподносила Петру I «Степенная книга...», никак не соотносятся с теорией «Москва – Третий Рим».

«Римская идея» богато представлена в панегирических виршах XVII века, у Симеона Полоцкого. Панегирическим топосом является уподобление царя Алексея Михайловича римскому императору Константину Великому, сделавшему христианство официальной религией державы. Так, в «Метрах на пришествие во град отчистый Полоцк <...> царя <...> Алексея Михайловича <...>» сказано:

Жий, другий Константине, второй Владимеру,
Разшыр православную во всех краях веру.

И далее:

Вторый Константин, Алексею царю,
Всего Востока верный господарю,
Се тебе чае град новаго Рыма,
Мнячи тя быти свойго Константина²³.

Но это уподобление имеет чисто условный, сугубо риторический характер (в отличие от сути концепции «Москва – Третий Рим») и, между прочим, не предполагает реального подражания московского государя римскому императору и попытки восстановления русским царем Римской империи / Византии. Не случайно далее в этих же виршах встречается уподобление царя Алексея Михайловича Иисусу Навину²⁴.

В стихотворении «Winszowanie obrania na królestwo Polskie» Симеон даже обещает царю Алексею Михайловичу: «<...> [ю]ж тебе Корона Полская витае» и торжественно обращается к московскому государю:

Приими митру литовску, приими и корону
Полскую, Алексею, под свою оброну.
За тым даст Бог тры шведких на остаток в небе,
Труда ради о веру увеньчают тебе.

И далее:

Витай, орел, Короне Полской зготованый!
Витай, царю литовский, митре княз обраный²⁵.

Аналогично в 6-й строфе стихотворения «Диалог краткий о государе царевиче и великом князе Алексие Алексиевиче» говорится:

²³ Симеон Полоцкий. *Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и комментарии В.К.Былинина, Л.У.Звонаревой. Минск, 1990. С.28; 30.*

²⁴ Там же. С.31–32.

²⁵ Там же. С.39; 40.

царевич будет глава
И Польше. Над то кому? Швед-
скому. А Крыму? И Рыму.
Тем буди царь всем страном, агаряном, иным
Народом дивным²⁶.

Подобные уподобления и щедрые обещания, естественно, не обладали ни историсофской глубиной (в отличие от Филофеевой теории), ни политической весомостью, являясь не более чем гиперболами и оставаясь принадлежностью только риторике. Не только покорение Рима, но и польская корона ни царю Алексею Михайловичу, ни его сыну и не снились.

Эта же топка присуща и виршам Симеона Полоцкого²⁷ на рождение царевича Петра Алексеевича (будущего Петра I), которые были прочитаны на торжественном «столе» по случаю крещения новорожденного 29 июня 1672 г. Вирши, по-видимому, сохраняли актуальность и в петровское время: в списке Государственного архива Калининской (ныне Тверской) области они находятся в окружении текстов, посвященных отношениям с Турцией после заключения мира 3 июня 1700 г. Составление рукописи связано с Прутским походом, список сделан между 20 мая и 3 июля 1712 г.²⁸ Однако эта политическая актуализация имеет, по-видимому, уже вторичный характер²⁹, а главное, никак не пересекается с теорией «Москва – Третий Рим». Здесь содержится мотив избавления новорожденным в будущем Царьграде от турок:

Радость велию сей месяц май явил есть,
а преславный царь Алексей царевича Петра родил есть,
Вчера православный Царьград от турок пленися,
ныне избавление преславно явися.

²⁶ Там же. С.69.

²⁷ В списке Государственного архива Калининской (ныне Тверской) области, №1752 вторым автором назван Епифаний Грек (т.е. Епифаний Славинецкий). Публикатор И.Ф.Голубев это указание на соавторство Епифания отводит (Голубев И.Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (далее – ТОДРЛ). Л., 1969. Т.24. С.256).

²⁸ Там же. С.257–258.

²⁹ Идея отвоевания Царьграда у турок, как известно, действительно занимала царя Алексея Михайловича. Но в жанре панегирических виршей она могла быть только чистой условностью.

О, Константине граде, зело веселися,
и святая София соборная церкви просветися.
Преславный родися ныне нам царевиц,
Велий князь московский Петр Алексеевич.
Тщится благочестием нас укрепити
и всю бусорманскую ересь низложити.
И ты, царствующий граде Москва, просветися,
ибо радость велия в тя вселися³⁰.

Панегирические вирши вообще развивают имперский, вселенский мотив, а в этом только смысле и римский. Рим важен лишь как маркер, знак этой вселенскости. Этот имперский мотив, например, заявлен и у Кариона Истомина в «Книге Любве знак и честен брак», написанной на бракосочетание Петра I и Евдокии Лопухиной:

Желаем сего сердцем и душою,
да царствуете вселенною всею,
Благочестие всюду пространяти,
Царство Российско от враг защищати³¹.

В виршах Симеона и других панегиристов XVII в. как будто бы нет ссылок на теорию «Москва – Третий Рим», зато присутствует именование России «новый Израиль»³².

В середине XVII столетия в России происходит «византинизация» придворной культуры и ритуала. При царе Алексее Михайловиче устанавливается практика причащения царя по чину священнослужителей, как это делали византийские императоры³³. «Стремление возродить вселенскую православную империю реализовалось прежде всего в семиотическом плане. Русский царь стремится вести себя как византийский император, и в этих условиях византийские тексты (в широком семиотическом смысле) обретают новую жизнь. Можно сказать, что

³⁰ Голубев И.Ф. Указ. соч. С.258, список ГАКО, №1752, л.219.

³¹ Цит. по: Сазонова Л.И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. С.790 (оригинал: ГИМ, собр.Уварова, №908, л.8 об.).

³² «Да возвеселится Израиль новый (царство Российское) о сотворшем его и сынове Сиона Московскаго да возрадуются о тебе, царь своем» (Предисловие к «Гусли добродогласной» // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, статья и коммент. И.П.Еремина. Репринтное воспроизведение издания 1953 года. СПб., 2004 (Серия «Литературные памятники»). С.112).

³³ См.: Успенский Б.А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С.153–166.

заимствуется текст императорского поведения, и это должно дать России новый политический статус.

Исключительно показательно в этом плане стремление Алексея Михайловича (а также его преемника Федора Алексеевича) наделить себя символическими атрибутами константинопольского василевса. Так, Алексей Михайлович выписывает из Константинополя яблоко и диадему, сделанные "против образца благочестивого Греческого царя Константина" <...>. Во время венчания царя Федора Алексеевича (естественно, что изменения, происходившие в царствование его отца, могли сказаться только на его чине венчания, но не на чине венчания самого Алексея Михайловича) царь причащается на алтаре по священническому чину, как это делали и византийские императоры <...>. Тем самым русский царь как бы получает определенное место в церковной иерархии (как это было и с византийскими императорами <...>)³⁴.

«Византинизация» проявилась, по-видимому, и в царском законодательстве: «Можно думать, что по образцу византийских императоров действовал Алексей Михайлович и издавая Уложение 1649 г.: для византийских императоров законодательная деятельность, в том числе и издание законодательных сводов, была одной из важнейших привилегий верховной власти, поскольку император выступает как формальный источник закона или даже – по выражению Юстиниана – "одушевленный закон" (Корпус, III, с.507), законодательство оказывается здесь важнейшим знаком императорского достоинства, и именно в этом качестве перенимает его Алексей Михайлович»³⁵.

«Византийско-римская» тематика виршевой поэзии вписывается в этот контекст. Но при этом, как показала Н.В.Синицына, словесность XVII века, в том числе панегирические тексты, культивировавшая тему России – преемницы Рима / Византии, была совершенно равнодушна к теории «Москва – Третий Рим». «Апелляции к идее "Третьего Рима" не содержала развивавшаяся в XVII в. мысль о "константинопольском наследии" (в разных его составных частях) и о роли русского царя в освобождении Константинополя»³⁶. Это утверждение исследовательницы представляется обоснованным.

³⁴ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. С.223.

³⁵ Там же. С.224.

³⁶ Синицына Н.В. Указ. соч. С.310. Опровержение противоположного мнения: Там же. С.311–312.

Традиционное уподобление русского царя Константину Великому присуще и панегирической словесности петровского времени. В описании триумфальных врат из «Преславного торжества свободителя Ливонии» (1704) как образец для подражания названы врата «царя Константина в Риме победившего Максентиа»³⁷. Тема сходства переноса столиц Константином и Петром I присутствует в сочинениях П.Н.Крекшина: в его «Тетради о четвертой северной монархии»³⁸ и в записке «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга»³⁹, которую П.Н.Крекшин атрибутирует П.А.Кропотову⁴⁰. В «Тетради о четвертой северной монархии» при характеристике четырех сменяющих друг друга монархий даются ссылки на библейских пророков, то есть источник концепции тот же, что и в конечном итоге у теории «Москва – Третий Рим», – Книга пророка Даниила⁴¹. Но П.Н.Крекшин не опирается на теорию «Москва – Третий Рим».

В «первом тексте петербургского панегирика» (Р.Николози) – проповеди Стефана Яворского «Три сени, от Петра созданныя» (1708), развертывается параллель между обещанием апостола Петра построить сени Христу и явившимся Моисею и Илии (Мф. 17: 4) и обыгрывается подобие основателя Петербурга самому Иисусу Христу; никаких аллюзий на теорию «Москва – Третий Рим» в ней нет. «Слово в похвалу Санктпетербурга и его основателя <...>» (1717) Гавриила Бужинского – «центральный текст петербургского панегирика Петровской эпохи» (Р.Николози) – построено на аллюзиях на Книгу пророка Исаии. «В похвальной речи, главная цель которой – узаконение Петербурга как нового центра России, важную роль играет предикат "новый Иерусалим"»⁴². Образ Нового Иерусалима служит апологии строительства Петербурга как сакрального деяния: «Мифологема преодоления пустыни и превращения ее в столицу воспринимается в первую очередь как са-

³⁷ *Панегирическая литература петровского времени / Изд. подгот. В.П.Гребенюк; Под ред. О.А.Державиной. М., 1979 (Серия «Русская старопечатная литература /XVI – первая четверть XVIII в./). С.154.*

³⁸ *Есипов Г.В. Эпизод из жизни Крекшина // Древняя и новая Россия. 1878. №4. С.339–340.*

³⁹ *Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание. №359.*

⁴⁰ *Кропотов П.А. Начало Санкт-Петербурга. Тайны старинной рукописи // Менишиковские чтения – 2005: Материалы чтений. СПб., 2005. Вып.3.*

⁴¹ *См. о роли Книги пророка Даниила в формировании теории «Москва – Третий Рим»: Синицына Н.В. Указ. соч. С.16–18 и др.*

⁴² *Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века. С.42–44; 45, 46.*

К ИСТОЛКОВАНИЮ ТЕОРИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»

кральное пространство, становящееся у Бужинского идеологическим оружием в борьбе за легитимацию нового города. Ее потенциал усиливается благодаря использованию топического образа Нового Иерусалима, который, будучи святым городом *par excellence*, служит символом божьего покровительства и преодоления запустения»⁴³.

Отсылка к теории «Москва – Третий Рим» у Гавриила Бужинского тоже нет.

Тем не менее в исследовательской литературе после Ю.М.Лотмана и Б.А.Успенского высказывалось мнение, что сам петровский семиотический проект Петербурга как города-символа и мифа преемственно связан с теорией «Москва – Третий Рим». Это мнение кратко изложено Р.Николози: «<...> [П]етр I называл свое творение "парадизом" <...>. С.Л.Бер <...> в работе, посвященной мифу о рае в России XVIII в., указывает на преемственность представлений о русском земном рае в допетровское и петровское время. Не позднее, чем со времени появления "Посланий..." Филофея, в которых была разработана доктрина "Москва – третий Рим", в самоописании русской культуры закрепляется мотив русской православной церкви и русского государства как земного рая, как последнего пристанища веры, некоторым образом предвосхищающего постапокалиптическое единство неба и земли <...>».

По замечанию И.П.Смирнова, Петербург, как утопический конструкт, отнюдь не является новшеством в русской культуре. Напротив, его основание вписывается в ряд проводившихся на русской почве попыток "историзировать утопическое" или, иными словами, в ряд попыток ретуализации внутри одного культурного контекста, воспринимающего себя как реализованную утопию»⁴⁴.

Однако в данном случае можно говорить не о преемственности по отношению к конкретной концепции, а всего лишь о сходстве, определяемом спецификой механизма русской культуры.

⁴³ Там же. С.49. См. также: Там же. С.140–145. Подробнее об этом см.: Николози Р. *Laudatio Petropolis* и «Новый Иерусалим» («Слово в похвалу Санкт-Петербурга» Гавриила Бужинского) // *Риторическая традиция и русская литература: Межвузовский сборник / Под ред. П.Е.Бухаркина. СПб., 2003.*

⁴⁴ Николози Р. *Петербургский пантеон XVIII века. С.108. Речь идет о работах: Смирнов И.П. Петербургская утопия // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.). Л., 1989. С.92–100; Baehr S.L. *The Paradise Myth in Eighteen-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, CA, 1991.**

Трактовка Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским семиотики петровского Петербурга как филиации теории «Москва – третий Рим» объясняется, по-видимому, презумпцией рассмотрения культурных инноваций как проявлений работы «больших» культурных парадигм, рассматриваемых как своего рода порождающие модели, функционирующие на протяжении нескольких исторических эпох. Теория «Москва – Третий Рим» выступает, с этой точки зрения, как своеобразная скрепа, обеспечивающая преемственность и своеобразие культуры, а ее якобы существовавшие различные и даже противоположные трактовки – как проявления культурных сломов, взрывов. Эта установка характерна для работ Ю.М.Лотмана и Б.А.Успенского 1970-х годов.

Впрочем, довольно часто – причем не только в суждениях дилетантов, но иногда и в научной литературе – в качестве вариантов теории «Москва – Третий Рим» рассматриваются идеи, выраженные в «Послании о Мономаховом венце», в «Сказании о князьях Владимирских», в «Степенной книге...» и в других памятниках, имевших или приобретших официальный статус, – в памятниках, в которых в той или иной форме присутствует мотив *translatio imperii* – от Рима и Константинополя к Московскому царству. Ограничусь цитатами из одного автора:

- конец XV в. – «начало формирования официальной идеологии Московского царства ("Москва – Третий Рим"), возводящей династию московских князей к императорскому Риму, легендарному Прусу, родичу самого Августа ("Сказание о князьях Владимирских") <...>»;
- «"Сказание" <...> о князьях Владимирских напрямую объединяло генеалогическими связями Москву и "первый" Рим в обход Византии, а также Польши, Литвы и Валахии-Молдовы, генеалогические легенды которых также возводили своих правителей к выходцам из "первого" Рима – потомкам самого Августа <...>»;
- западная «дипломатия организовала многозначительный и даже символический брак Ивана III с Софией Палеолог (1472), заложив тем самым, парадоксальным образом, один из краеугольных камней известной доктрины "Москва – Третий Рим", которая хотя так и не стала никогда в полной мере лозунгом русской политики, но постоянно служила идеологическим основанием русского мессианского самосознания, а значит – и русской обособленности перед лицом Запада»⁴⁵.

⁴⁵ Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры.

При *таком* понимании теории «Москва – Третий Рим» от нее действительно можно провести преемственную линию к петровскому петербургскому проекту; весь вопрос лишь в том, насколько правомерно это понимание.

Свидетельств, что женитьба Ивана III на Софии Палеолог стала символическим событием, повлиявшим на формирование теории «Москва – Третий Рим», нет. Нет даже прямых данных, указывающих на то, что этот брак воспринимался современниками как символ преемственности по отношению к канувшей в небытие империи. Даже происхождение герба – двуглавого орла – из Византии сомнительно; скорее он восходит к гербу Священной Римской империи⁴⁶ (то есть «второй Рим» с ним не ассоциировался непосредственно). «Женитьба Ивана III на Софье, племяннице последнего византийского императора, Константина IX⁴⁷ <...> как представляется, не оказала никакого воздействия на имперские притязания Руси»⁴⁸.

ЭСХАТОЛОГИЯ. И НИКАКОЙ ПОЛИТИКИ

Существование теории «Москва – Третий Рим» в качестве политической программы может быть поставлено под сомнение; «миф, что Москва стремилась представить себя третьим Римом, был создан позднейшими интерпретаторами и кажется намного более влиятельным, чем исконный миф о Москве – третьем Риме»⁴⁹. Тема Послания Филофея великому князю Василию III⁵⁰

М., 2000. Т.1 (Древняя Русь). С.16–17; 366; 333.

⁴⁶ См.: Алев Г. Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного // Из истории русской культуры. М., 2002. Т.2. Кн.1. Киевская и Московская Русь. С.621–641 (пер. с англ. И.И.Соколовой). Первая публикация: 1966 г. – К тому же в Византии это изображение не исполняло роли собственно герба (Hellmann M. *Moskau und Byzanz* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1959. Bd.17. S.332–338).

⁴⁷ В российской историографической традиции его принято называть Константином XI – А. Р.

⁴⁸ Ebbinghaus A. *Reception and Ideology in the Literature of Muscovite Rus'* // *Culture and Identity in Muscovy, 1459–1584*. Moscow, 1997 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol.3). P.70, со ссылкой на работы: Hellmann M. *Op. cit.* S.326, 330–332; Nitsche P. *Moskau – das Dritte Rom?* // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1991. Bd.42. S.345 ff.

⁴⁹ Ebbinghaus A. *Op. cit.* P.69.

⁵⁰ Принадлежность этого произведения Филофею небесспорна; его имя упоминается только в поздних списках (См.: Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» (Опыт тексто-

– «не историческое место России как преемницы Византии, но дела Церкви»⁵¹. Что касается другого сочинения, излагающего эту доктрину, Послания Мисюрю Мунехину, то в нем Филофей «не триумфально провозглашает особую историческую роль России, как долгое время полагали ученые, но выражает свое видение опасной ситуации. Переноса это пророчество на современную ситуацию, Филофей заключает, что падение Римского имперского мира (*the Roman empire world*) привело к разрушению всего мира. <...> Цель Филофеева сочинения – увещательная: он никогда не намеревался легитимизировать притязания Москвы на роль третьего Рима, но пытался предостеречь о необходимости спасения последней христианской империи»⁵².

Контекст формулы «Москва – Третий Рим» у Филофея, действительно, богословский. По характеристике В.В. Колесова, «главным сочинением Филофея является его послание псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину. Повод к написанию послания был следующий. Николай Булев, известный публицист, переводчик и врач при великом князе Василии III, любекский немец по происхождению, приблизительно в 1522 г. перевел астрологический "Альманах" Штоффлера, содержащий предсказание о потопе в 1524 г. Перевод попал в руки Федора Карпова <...> и М.Г. Мисюря-Мунехина, каждый из них обратился за разъяснениями к знающим лицам. Для Федора Карпова таким близким корреспондентом оказался Максим Грек, для М.Г. Мисюря-Мунехина – старец Филофей. Оба ответа совпадают в своем отрицательном отношении к астрологии и датируются концом 1523 – началом 1524 г. <...>».

Рассуждение Филофея отличается последовательностью и стройностью. Прежде всего он отвергает какое-либо значение астрологии, поскольку звезды, как тела неодушевленные, не могут оказывать влияния на судьбы людей или народов. Астрологии он противопоставляет иное объяснение исторического процесса: причиной изменений является божественная воля, причиной падения царств – неспособность удержаться в истинной вере. Эта историко-богословская концепция целиком находится в русле библейской историософии (см. ее полное выражение в Дан. 2, 21–22), но старцу Филофею необходимо примирить с нею падение православного Константинополя в

логического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т.29. С.68–96; Сеницына Н.В. Указ. соч. С.140, 153–165). Но традиционно оно считалось и считается филофеевским.

⁵¹ Ebbinghaus A. Op. cit. P.70.

⁵² Ibid. P.71.

1453 г. и сохранение католическим Римом своего видимого благополучия. Объяснение Филофея звучит следующим образом: "Аще убо великаго Рима стены... не пленены, но души их от диавола пленены быша опреснок ради". Вслед за этим он дает пространное обоснование подлинности причастия квасным (дрожжевым) хлебом, что позволяет ему объявить истинным Римом московскую Русь как единственно независимое и безупречное христианское государство. Признание за Римом первенствующего значения опирается на традиционную христианскую еkkлесиологию (учение о Церкви).

Есть две возможности понимания смысла этой концепции. Во-первых, можно думать, с чем мы обычно и сталкиваемся, что послание Филофея дает политическое обоснование преемственности имперской власти от Рима к новому Риму – Константинополю – и далее к Москве. В этом случае мысль Филофея развивается параллельно или под влиянием так называемой концепции «переноса империи» (*translatio imperii*), которая в условиях средневековой Европы давала обоснование для возведения новых европейских монархий в достоинство юридически правомочных наследников Римской империи. В нашем случае, однако, изложение политической идеи формулируется на типичном для московской публицистики языке богословия, хотя немаловажным моментом оказывается употребление старцем Филофеем терминов "царь" и "царство" и хорошо разработанной царской титулатуры во втором из публикуемых посланий. Напомним, что приобретение титула "царь" вместо прежнего "великий князь" стало позже одной из забот Ивана Грозного.

Другая трактовка послания не признает за ним политического значения. Так, Вл. Соловьев обратил внимание на то, что для Филофея не существует императорского Рима, но только папский, и это препятствует рассмотрению концепции в русле европейской модели *translatio imperii*, к тому же автор отмечает, что римская государственность сохраняет свое существование ("ромейское царство неразруσιμο")⁵³. По мнению Н. Ульянова (Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. №4. С.152–162), имперский мотив Москвы – третьего Рима уходит своими корнями не в XVI в., а в идейный и политический климат царствования Александра II, т.е. связан с "восточным вопросом" и развитием русского империализма. Лишь в наше время было установлено, что в наиболее авторитетном списке послания речь

⁵³ Подразумевается сочинение В.С. Соловьева «Византизм и Россия». – А. Р.

идет не о "росском" или "россейском", а о "ромейском" царстве, что, конечно, меняет понимание соответствующего пассажа»⁵⁴.

Соловьевская оценка и точка зрения Н.Ульянова представляются предпочтительными. Правда, по мнению Н.В.Синицыной⁵⁵, «мысль Филофея связана с идеей *translatio imperii* двойным узлом: судьбы поработанных христианских царств, которые, "попрани от неверных", теперь сосредоточены метаисторически в России ("снидошася"); к ней переходит функция "неразрушимого" Ромейского царства. В пророчестве Филофея речь не могла идти о повторении, замещении, наследовании Греческого царства, неистребимые судьбы которого предрекал Псевдо-Методий. Наш пророк писал после его гибели и возвел Россию непосредственно к Ромейскому царству, которое было "старше" Византии и родилось с рождением христианства, чем и обеспечена гарантия его вечности, прочности его "стояния". Оппозиция "Ромейское – Греческое" нужна Филофею, чтобы противопоставить разоренному второму неразрушимое первое и сделать его вместилищем России»⁵⁶.

Существенно, однако, что у Филофея говорится именно о метаисторическом «Ромейском царстве», которое при этом мыслится не как политическое образование, а как духовная сущность. Политического наследования ни первому, ни второму Риму его доктрина не предполагает.

В «Послании о злыхъ днехъ и часѣхъ», адресованном Мисюрю Мунехину, говорится:

«Девятдесят лѣтъ, како греческое царство разорися и не созижеться: сия вся случися грѣхъ ради наших, понеже они предаша православную гречскую вѣру в латынство»⁵⁷.

Как заметил В.В.Колесов в комментарии к Посланию, «если под разорением греческого царства понимать взятие Константинополя турками в 1453 г., то время написания послания устанавливается как 1543 г. Эта датировка не согласуется с другими обстоятельствами написания послания <...> поэтому большинство исследователей склонно считать, что Филофей имеет в виду Ферраро-Флорентийский собор, установивший церковную унию. Собор имел место в 1438–1439 гг., и такая дати-

⁵⁴ Колесов В.В. [Комментарии к посланиям Филофея] // БЛДР. СПб., 2000. Т.9. Конец XV – первая половина XVI века. С.539–540.

⁵⁵ Являющейся исследовательницей теории, ее контекста и метаморфоз в позднейшей русской культуре.

⁵⁶ Синицына Н.В. Указ. соч. С.267.

⁵⁷ БЛДР. Т.9. С.294.

ровка лучше согласуется с предполагаемым временем написания послания. Общий контекст послания позволяет считать, что моментом падения Византии Филофей считает заключение унии»⁵⁸.

Утверждение, что Греческое царство (Византия) не возродится, имеет, конечно, историософское, а не политическое основание. Падение первого Рима понимается также не в историческом, а в религиозном смысле. Речь идет отнюдь не о завоевании Рима варварами, не о так называемом конце Римской империи (475 г.)⁵⁹; Филофей должен был знать, что Римское царство по-прежнему существует политически – как Священная Римская империя. Особенное понимание падения первого Рима акцентировано и пояснено книжником:

«<...> аще убо великаго Рима стѣны и столпове, и трекровныя полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опрѣснок ради».

Причем далее объясняется, что греки (бывшие насельники второго Рима, попавшие под власть турецкого султана-мусульманина) правую веру как раз сохранили, несмотря на власть мусульман – «агарян»:

«Аще убо Агарины внуци греческое царство приаша, но вѣры не повредиша, ниже насилствуют греком от вѣры отступати <...>»⁶⁰

Неразрушимость, вечность метаисторического Ромейского царства Филофей связывает с тем, что Иисус Христос был вписан в римскую перепись, тем самым освятив бытие Империи⁶¹. Далее автор послания переходит к оценке России:

«<...> мала нѣкаа словеса изречем о нынѣшнем православном царствии пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже въ всей поднебесной единого христианом царя и брододержателя святых Божиихъ престоль, святыа вселенскиа апо-

⁵⁸ Колесов В.В. [Комментарии к посланиям Филофея]. С.541.

⁵⁹ В этом отличие от формулы «Тырново – новый Царьград» из болгарского перевода (XIV в.) Хроники Константина Манассии, где падению Рима в V веке противопоставлен «наш новый Царьград» (Тырново), который «растет и силится» (См. об этой формуле, которая могла повлиять на формулировку теории Филофея: Бадаланова-Покровская Ф.К., Плюханова М.Б. Средневековые исторические формулы (Москва / Тырново – Новый Царьград) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1989. Вып.23 (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып.855). С.80–94).

⁶⁰ БЛДР. Т.9. С.296.

⁶¹ Еще раз напомню, что эта идея византийского происхождения была хорошо известна на Руси, в частности, по переводным хроникам.

столския церкви, иже вмѣсто римской и константинопольской, иже есть в богоспасном граде Москвѣ святого и славнаго Успения пречистыя Богородица, иже едина въ вселеннѣи паче солнца свѣтитя. Да въси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостоль Павел поминает Рима в посланиих, в толкованиих глаголет: "Рим – весь мир!"⁶².

В Послании великому князю⁶³ московский правитель – хранитель благочестия, единственный христианский царь. Падение первого Рима здесь также осмысляется как отступничество от православия, но падение второго – как покорение мусульманами – потомками библейской Агари. Здесь нет не только прямого утверждения, что завоевание Царьграда было карой за уклонение в унию с католиками, но и намек на это, присутствующего в Послании Мисюрю Мунехину:

«Иже от вышня и от всемошняя вся содръжащия десница Божия, имже царие царствуют и имже величии величаются и силнии пишут правду тебѣ, пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему государю великому князю, православному христианскому царю и всѣх владыцѣ, брододержателю святых Божиих престолѣ, святыя вселенския соборныя апостольския церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения иже вмѣсто римския и константинопольския просиавшу, – стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордѣи разсѣкоша двери, сиа же нынѣ третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царства святая соборная апостольскаа церкви, иже в концых вселенныа в православной христианстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтитя, – и да въсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския вѣры снидошася въ твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь <...>»⁶⁴

Это уникальное положение единственной истинно христианской державы, однако предмет не гордости, а тревоги, ибо обременено особой ответственностью. И автор предостерегает венценосного ад-

⁶² БЛДР. Т.9. С.298.

⁶³ «Послани к великому князю Василию, в немъже о исправлении крестнаго знамения и о содомском блудѣ».

⁶⁴ БЛДР. Т.9. С.300, 302.

ресата и напоминает ему о страхе Божиим и его обязанностях единственного христианского властителя – заботиться о Церкви и искоренять нечестие:

«Подобает тебѣ, царю, сие держати со страхом Божиимъ, убойся Бога, давшаго ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сиа здѣ собрана и на земли здѣ остают. <...> Второе: да исполниши святыя соборныя церкви епископы, да не вдовѣствует святая Божия церкви при твоёмъ царствии! Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды – великий Константинъ, и блаженный святой Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихъж корень и до тебе. Не обиди, царю, святыхъ Божиихъ церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови в наслѣдие вѣчныхъ благъ на память послѣднему роду, о семъ убо святой великий Пятый соборъ страшное запрещение положи»⁶⁵.

Частный мотив общей темы охранения благочестия – требование искоренения содомии:

«<...> [П]ишу и плача горцѣ глаголю, яко да искорениши из своего православнаго царствия сий горкий плевель, о немъж и нынѣ свидѣтельствуеть пламень жупелнаго горящаго огня в содомскихъ стогнахъ <...>»⁶⁶

Формула «Москва – Третий Рим» связана с этой миссией охранения истинной веры и помещена в Послании в эсхатологический контекст со ссылками на Откровение святого Иоанна Богослова и на Слово Ипполита Римского об Антихристе:

«Да аще добро устроиши свое царство – будеши сынъ свѣта и гражданинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писахъ ти и нынѣ глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство инѣм не останется, по великому Богослову, а христианской церкви исполнися блаженнаго Давыда глаголь: "Се покой мой в вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ его". Святой Ипполитъ рече: "Егда узримъ обстоимъ Римъ перскимиъ вои, и перси на насъ с скифаны сходящася на брани, тогда неблазненно познаемъ, яко той есть Антихристъ". Богъ же мира, и любви, и долготѣства, и здравия,

⁶⁵ Там же. С.302.

⁶⁶ Там же.

молитвами пречистыя Богоматере и святых чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ – да исполнитъ твое державно царство!»⁶⁷

Эта эсхатологическая перспектива⁶⁸ является семантической доминантой в теории псковского старца. Москва является последним Римом, потому что приблизились последние времена, в преддверии которых число приверженцев истинной веры, согласно Откровению святого Иоанна Богослова, уменьшится. Именно поэтому эстафета передачи метаисторического Ромейского царства уже завершена. Но неизвестно, удастся ли и Москве – Третьему Риму исполнить свою миссию, свое оправдание перед Богом.

Филофей ни разу не ссылается ни на генеалогическую концепцию родословия Рюриковичей от Пруса⁶⁹, ни на акт дарования царских регалий византийским властителем Владимиру Мономаху⁷⁰, ни на реальное

⁶⁷ Там же. С.304.

⁶⁸ См. о ней подробнее: Сеницына Н.В. Указ. соч. С.183–187.

⁶⁹ Упоминание среди «прадѣдов» (БЛДР. Т. 9. С. 302) Василия III помимо реальных предков – Владимира Святого и Ярослава Мудрого – еще и Константина Великого имеет, конечно, не генеалогический смысл, а значение символическое: оба властители единственных для своего времени христианских царств и охранители истинной веры. Предполагать, что Филофей мог считать Константина Великого потомком императора Августа – «сродника» Рюриковичей, нет никаких оснований: псковский книжник хорошо знал римскую историю по хронографам и не мог сделать подобного допущения. Так же невероятно, чтобы Филофей посчитал Константина предком матери Василия.

⁷⁰ А.В.Каравашкин считает, что «[и]сториософия Филофея не противоречила генеалогическому преданию о происхождении Рюриковичей от Августа-кесаря. Очевидно, что династическая теория московских государей приобретала в данном случае особый всемирно-исторический смысл и напряженное эсхатологическое звучание» (Каравашкин А.В. Московская Русь и «Ромейское царство» // Россия XXI. 1999. №3. URL: http://www.ecc.ru/XXI/Rus_21/ARXIV/1999/karavashkin_1999_03.htm#_ftnref75). С тезисом об отсутствии противоречий между двумя доктринами нельзя не согласиться, но причина не в «эсхатологическом звучании» генеалогической теории (нигде не зафиксированном), а в том, что две теории говорят о разном. Принять же утверждение А.В.Каравашкина (основанное на трактовке выше охарактеризованного мною Послания Ивана Грозного Полубенскому), что «обе эти идеи, генеалогическая и собственно историософская, в эпоху Ивана Грозного были восприняты и по-своему взаимодействовали, дополняя друг друга», трудно. У теории Филофея и у генеалогической теории, действительно, есть общность, но она ограничивается тем, что обе доктрины – реакции на ситуацию возвышения Москвы «после конца Империи».

родство Василия III с последней византийской династией, хотя и называет великого князя Московского панегирически царем. «В русском восприятии первичным и основным был именно апокалиптический минор. <...> Если Москва есть Третий Рим, то и последний, – то есть: наступила последняя эпоха, последнее земное "царство", конец приближается. <...> С тем большим смирением и с "великимъ опасениемъ" подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить заповеди. <...> Только уже вторично эта апокалиптическая схема превращается в своеобразную теорию официального хилиазма. Если забыть о Втором Пришествии, тогда уже совсем иное означает утверждение, что все православные царства сошлись и совместились в Москве, так что Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь. Во всяком случае, даже и в первоначальной схеме Третий Рим заменяет, а не продолжает Второй. Задача не в том, чтобы продолжить и сохранить непрерывность Византийских традиций, но в том, чтобы заменить или как-то повторить Византию, – построить новый Рим взамен прежнего»⁷¹.

Как заметила М.Б.Плюханова об идее «богоизбранности русского государства», питавшей теорию Филофея, «[э]то была богоизбранность скорее для высокаторжественной гибели, чем для исторического бытия»⁷².

По характеристике современного исследователя, «центральный момент концепции "Москва – Третий Рим" <...> особая ответственность русского царя как последнего православного монарха. Этот момент требует осмысления с учетом господствовавших в ту эпоху эсхатологических чаяний. Послания Филофея пронизаны мироощущением последних времен. Царь – защитник и хранитель истинной православной веры, и от того, как исполняет он свое служение, зависит продление или сокращение сроков миробытия. Поэтому слова "а четвертому не быть" – не похвальба, а предостережение: Бог дал нам последнюю возможность; если мы не воспользуемся ею, земная история придет к концу. Таким образом, концепция "Москва – Третий Рим" не должна рассматриваться ни как проявление мании величия, ни как обоснование "московского империализма". Куда вернее видеть в ней эсхатологически окрашенное

⁷¹ Флоровский Г., *прот. Пути русского богословия*. Киев, 1991 (Репринтное воспроизведение издания: Paris, 1983). С.11. Выделено в оригинале.

⁷² Plukhanova M. *Традиционность и уникальность сочинений протопопа Аввакума в свете традиции Третьего Рима* // *Christianity and Eastern Slavs* / Ed. by B.Gasparov and O.Raevsky-Hughes. Berkeley, 1991. Vol.1 (California Slavic Studies. Vol.16). P.297.

убеждение, в основе которого лежали идеи, воспринятые из средневековой Византии»⁷³.

Впрочем, В.М.Живов и Б.А.Успенский, признавая, что «[р]елигиозно-политическая идеология, обусловленная восприятием Москвы как Третьего Рима, может быть определена как теократическая эсхатология»⁷⁴, полагают: «Эта идеология претерпевает коренное изменение в царствование Алексея Михайловича. Москва утвердилась в своем качестве православной столицы, и на этом этапе концепция Москвы – Третьего Рима получает не теократический, а политический смысл. Это предполагает отказ от культурного изоляционизма и возвращение к идее вселенской православной империи. Соответственно, вновь делается актуальным византийское культурное наследие. Алексей Михайлович стремится в принципе к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу всех православных. Русский царь должен теперь не только занимать место византийского императора, но и стать им. Традиционных русских представлений для этой новой функции явно недостаточно, русский царь осмысливается по византийской модели, и это обуславливает активную реконструкцию византийского образца. Русские традиции рассматриваются как провинциальные и недостаточные – отсюда положительное отношение к грекам, которые могут восприниматься как носители византийской культурной традиции.

Стремление возродить вселенскую православную империю реализовалось прежде всего в семиотическом плане. Русский царь стремится вести себя как византийский император, и в этих условиях византийские тексты (в широком семиотическом смысле) обретают новую жизнь. Можно сказать, что заимствуется текст императорского поведения, и это должно дать России новый политический статус.

⁷³ Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005. С.56–57.

⁷⁴ «Москва остается последним православным царством, а задачи русского царя приобретают мессианистический характер. Россия как последний оплот православия противопоставляется всему остальному миру, и это определяет отрицательное отношение к внешним культурным влияниям (в той мере, насколько они осознаются). Чистота православия связывается с границами нового православного царства, которому чужды задачи вселенского распространения; культурный изоляционизм выступает как условие сохранения чистоты веры. Русское царство предстает само по себе как изоморфное всей вселенной и поэтому ни в каком распространении или пропаганде своих идей не нуждается. <...>» (Живов В.М., Успенский Б.А. Указ. соч. С.222).

Исключительно показательно в этом плане стремление Алексея Михайловича (а также его преемника Федора Алексеевича) наделить себя символическими атрибутами константинопольского василевса»⁷⁵.

Б.А.Успенский утверждает, что представление о Москве как третьем Риме «оказывает существенное влияние на русскую историю, определяя политические амбиции русских монархов и в конечном счете – появление Московского царства, ставшего затем Российской империей». Исследователь признает правоту протоиерея Георгия Флоровского: «Третий Рим мыслится <...> как последнее земное царство, которое предшествует Царству Небесному, когда "времени уже не будет" (Откр. X, 6); это царство, таким образом, завершает человеческую историю. Послание Филофея окрашено, соответственно, эсхатологическими и мессианистическими настроениями: особая миссия Москвы как третьего (и последнего!) Рима видится в контексте апокалиптических пророчеств <...>»⁷⁶.

Тем не менее, отталкиваясь от выраженной Филофеем мысли, что «[з]емное воплощение Христа освящает как императора, при котором Он родился, так и саму империю, в которой это случилось», Б.А.Успенский делает неожиданный вывод: «Соответственно, Московское государство претендует на связь с Римской империей, а русские государи – на родство с императором Августом»⁷⁷.

Это случай смешения исследовательской логики с семантикой источника и вменение дедуктивной логики интерпретатора истолковываемому тексту. Между тем эта интерпретация не поверяется фактами. Филофей абсолютно безразличен к римскому и константинопольскому политическому и культурному наследию. Кроме того, совершенно не очевидно, что даже политическое представление о государстве / его столице как о Третьем Риме должно непременно порождать генеалогические легенды наподобие сюжета об Августе и его родственнике Прусе – предке Рюриковичей. Константинополь в Византии воспринимался как новый Рим, однако эта идея отнюдь не влекла за собой таких генеалогических игр и вообще не устанавливала несменяемость династии (на протяжении большей части истории Византии). Доктрина «Москва – Третий Рим» приобрела официальный характер в документах, связан-

⁷⁵ Там же. С.222–223.

⁷⁶ Успенский Б.А. *Восприятие истории в Древней Руси...* С.104; 97.

⁷⁷ Там же. С.96.

ных с учреждением патриаршества в 1589 году⁷⁸. Но в этих документах доктрина имеет церковный, а не политический характер.

Игнорирование теории «Москва – Третий Рим» государственной идеологией уже во второй половине XVII в. и позднее объясняется, по-видимому, не только тем, что она использовалась старообрядцами, как остроумно предположила Н.В.Синицына⁷⁹, но и (и прежде всего) тем, что это была именно религиозная, а не политическая теория. Н.В.Синицына, отмечая попытки в исследовательской литературе придать теории «Москва – Третий Рим» едва ли не тотальный характер и рассматривать ее как государственную идеологию XVII в., предостерегла от некорректных заключений: «Главной методологической предпосылкой <...> исследования должно быть простое и методологически безупречное правило – привлекать для выводов о значении и функционировании концепции в XVII в. лишь те тексты, где присутствует формула "Третьего Рима", ее терминология, вербальное выражение». Между тем в исследовательской литературе «формула "Третьего Рима" используется как некий аксиологический знак, произвольно накладываемый на факты и идеи XVII в., без всяких ссылок на тексты, которые действительно содержали бы эту формулу. Происходит, в частности, подмена "Третьим Римом" мысли о "втором Константинополе", "константинопольском наследии"; смешиваются два комплекса идей <...>»⁸⁰.

КАК СДЕЛАНА ТЕОРИЯ ФИЛОФЕЯ

Своеобразие теории «Москва – Третий Рим» определяется несколькими моментами. Во-первых, это сама формула, ставшая обозначением доктрины; во-вторых, это идея сме-

ны трех царств – Римов при сохранении до конца времен Римского царства как метафизической, метаисторической реальности; в-третьих, это эсхатологически окрашенная идея невозможности возникновения чет-

⁷⁸ Помимо грамоты московского собора 1589 г. это ответ первого русского патриарха Иова посланникам константинопольского патриарха Иеремии и грамота царя Федора Ивановича Иеремии (1592) (См. об этих документах: Синицына Н.В. Указ. соч. С.303. О некоторых других – маргинальных – случаях использования выражения «Третий Рим» как полуофициального см.: Там же. С.306).

⁷⁹ Синицына Н.В. Указ. соч. С.313–317 и др.

⁸⁰ Там же. С.305.

вертого Рима. Комплекс текстов, действительно содержащих теорию «Москва – Третий Рим», весьма невелик.

«Филофеева формула – единственный случай появления идеи тройственности среди московских историософских формул, таких, как "Москва – Новый Иерусалим", "Новый Царьград", "Новый Киев"⁸¹. Филофеева формула имеет сугубо книжный характер, являясь искусственным конструктом; по мнению М.Б.Плюхановой, именно поэтому она не получила широкого распространения в древнерусской словесности: «Общезвездно, что, кроме прочего, наименование Москвы Третьим Римом было результатом необходимости выразить представление о Москве как дважды Новом Риме, то есть Новом по отношению к Третьему Риму. Но при кажущейся простоте этого результата он мог быть достигнут лишь через специальное индивидуальное умственное усилие, традиционнее и естественнее было бы выразить идею мирового центра государственности через принятое у славян имя "Царьград". В формуле "Москва – Третий Рим" есть некая отчужденность от русского языкового обихода, некая необычная приближенность к собственно византийскому и европейскому образу исторического мышления. Вероятно, поэтому она не могла самозародиться подобно формуле "Москва – новый Царьград" или "Новый Иерусалим", а нуждалась в постоянном контакте со своим первоисточником, была именно Филофеевой формулой. В связи с этим не следует уделять ей исключительное внимание, имея цель представить себе Московское царство с точки зрения, характерной для XVI–XVII столетий. Формула "Москва – Третий Рим" не должна быть выпущена из поля зрения, но ее нужно воспринимать как одну и наиболее искусственную разновидность из всей совокупности формул, которыми оперировало историческое сознание Московского царства»⁸².

⁸¹ Плюханова М.Б. *Сюжеты и символы Московского царства*. СПб., 1995. С.240, примеч. 13. – Происхождение идеи тройственности в формуле «Москва – Третий Рим» не установлено. Д.Стремоухов, полагал, что ее источник – образ трехглавого орла, символизирующего последние три царства в 3 книге Ездры (См.: Стремоухов Дм. *Москва – Третий Рим: источник доктрины // Из истории русской культуры*. Т.2. Кн.1. С.425–441 (пер. с англ. И.И.Соколовой по изд.: *Speculum*. 1953. Vol.XXVIII. №1). Но эта трактовка не общепризнанная (Ср.: Сеницына Н.В. *Указ. соч.* С.254–255). У Ездры этот образ полон отрицательного смысла. Д.Стремоухов считает, что Филофей переосмыслил его, но не указал источник именно потому, что такое толкование было необычным.

⁸² Плюханова М.Б. *Указ. соч.* С.340–241, примеч.13.

Итак, никаких даже гипотетических оснований искать в петровском семиотическом проекте Петербурга отзвуки теории «Москва – Третий Рим» нет. Помимо всего сказанного, стоит заметить, что теория абсолютно равнодушна к римскому локусу и римским реалиям, столь значимым для державного основателя Петербурга. Это естественно, так как теория «Москва – Третий Рим» говорит о бытии православного царства, а не о Риме или Константинополе как культурных феноменах⁸³; имена городов для нее не более чем метонимии трех царств⁸⁴.

Концепция Филофея отнюдь не стройная историософская схема, а довольно слабо структурированная и плохо отрефлексированная квазисхема. Падение первого Рима понимается в ней как отступление от веры, однако оно не приводит к завоеванию города / царства. Напротив, падение второго Рима понимается как отступление от истинной веры в Послании Мисюрю Мунехину и как завоевание иноверцами-мусульманами в Послании великому князю. Но при этом в первом тексте признается сохранение населенниками второго Рима православия (то

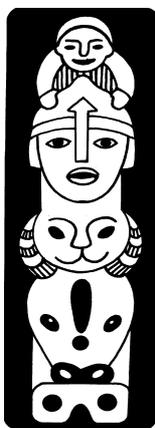
⁸³ Поэтому невозможно согласиться с мыслью А.Л.Гольдберга и И.П.Смирнова: «А.Л.Гольдберг верно указывал на то, что появившееся в XV в. (у митрополита Зосимы) определение Москвы как "второго града Константина" ограничивает преемство царств лишь рубежами православного региона, тогда как, по Филофею, на Руси достигает своего конечного пункта "общемировой исторический процесс"» (Смирнов И.П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М., 2000. С.348, цитируется работа: Гольдберг А.Л. К предыстории идеи «Москва – Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С.115–116). Рим для Филофея – это бывший центр истинной веры – и только.

⁸⁴ Даже когда формула «Третий Рим» относится к Москве именно как к городу (как, например, в «Повести о зачатии Москвы»), это не связано с интересом к римскому пространству (См.: БЛДР. Т.15. С.136). Параллель с Римом и с Константинополем ограничивается мотивом крови, пролитой при основании города. Только в 1840-х годах (когда историософское содержание теории уже не воспринималось) краевед И.М.Снегирев предпринял, по-видимому, первую попытку реально соотнести Москву и Рим, обнаружив в первопрестольной семь холмов, как и в первом, и во втором Риме. Однако его изыскания получили отрицательную оценку историков – О.И.Сенковского, М.П.Погодина. История возникновения и рецепции «изысканий» И.М.Снегирева прослежена Л.А.Беляевым (См.: Беляев Л.А. «Семихолмная Москва» как историографический феномен // Сакральная топография средневекового города. М., 1998 (Известия Института христианской культуры средневековья). С.64–73).

К ИСТОЛКОВАНИЮ ТЕОРИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»

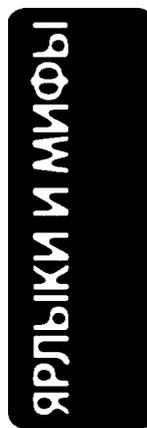
есть отступничество оказывается временным, но карается более строго, чем отход от православия латинян). Эта размытость и позволяла концепции Филофея быть столь долговечной, наполняться самым разным историософским содержанием в позднейшие столетия. Однако только в XIX и XX веках она начинает восприниматься как политическая доктрина. В деградировавшем, утерявшем религиозный смысл виде она выродилась в комплекс национальной гордыни и исключительности, спародированный в одном из романов Виктора Пелевина: «Мы же и есть третий Рим. Который, что характерно, на Волге. Так что и в поход ходить никуда не надо. Отсюда наша полная историческая самостоятельность и национальное достоинство»⁸⁵.

⁸⁵ Пелевин В. *Generation «П»*: Роман. М., 2011. С.304.

Владимир Лапин

АДМИРАЛ НАХИМОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

УДК
929; 93/94

Formation of historical images is a complex process of information contained in sources of various kinds smelting in a peculiar 'historiographic' smelter. Regime of this furnace functioning depends on changing political, scientific and cultural realities of a respective epoch. The historical portrait of Admiral Nakhimov we have was created by efforts of several generations of historians, publicists and politicians. Nakhimov's life and activities have become a part of the Russian national historic myth where real events, their adequate and inadequate appraisals as well as political constructs topical for different epochs are interwoven. The author demonstrates how very different circumstances of different kinds have contributed to Nakhimov's ascension to the very top of the national pantheon, how socio-cultural realities of the 2nd half of the 19th century and the early 21st centuries allowed this undoubtedly meritorious man to become a symbol of the Russian naval glory.

Ключевые слова: исторический миф; Крымская война; оборона Севастополя; отечественный пантеон; политика истории; российские военачальники.

Key words: historical myth; the Crimean War; defense of Sebastopol; Russian national pantheon; politics of history; Russian military leaders.

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

В год окончания Крымской войны 1853–1856 гг. генерал Степан Александрович Хрулев, один из славных защитников Севастополя, был известен каждому российскому школяру точно так же, как и другой участник обороны этого города адмирал Павел Степанович Нахимов. Сегодня экскурсоводам знаменитой панорамы Ф.Рубо, где он изображен на первом плане, приходится объяснять, почему Хрулеву выделено столь почетное место на картине сражения. Посмертная же слава Нахимова оказалась так велика, что деформировала «пространство памяти» о некоторых событиях, в которых он был рядовым участником. Русской эскадрой в Наваринском сражении (1827) командовал контр-адмирал Л.П.Гейден, но эта победа в коллективной памяти россиян связывается прежде всего с Павлом Степановичем Нахимовым и Михаилом Петровичем Лазаревым. Первый был лейтенантом на «Азове», а второй этим кораблем командовал. Случай Нахимова далеко не единичный. Можно составить длинный список таких «несправедливостей» исторической памяти. Алексей Петрович Ермолов считается «покорителем Кавказа», хотя он был там главнокомандующим в 1817–1826 годах, при том, что Шамиля пленили в 1859 году, а последнее крупное восстание горцев в Чечне и Дагестане подавили в 1878 году. А ведь было еще 10 главнокомандующих, шаг за шагом продвигавших границы России между Каспийским и Черным морем, но о них помнят только знатоки истории.

До конца 1853 года вице-адмирала Павла Степановича Нахимова знал довольно узкий круг военных моряков: опытный капитан (кругосветное путешествие и затем командование кораблями разных классов), храбрый человек (Св. Георгий 4-й степени за Наварин), фанатик морской службы. Но таких адмиралов в России были десятки. Всероссийской известностью он стал в конце 1853 года, когда 18 ноября эскадра под его командованием уничтожила турецкий флот в бухте Синоп. Еще большую славу ему принесла оборона Севастополя в 1854–1855 гг., где он скончался от смертельной раны 30 июня 1855 года. Спустя два месяца после его кончины город был взят англо-французскими войсками. Россия проиграла Крымскую войну.

КАК ЗАСЛУЖИТЬ БЕССМЕРТИЕ Каждое военное поражение влечет за собой целый шлейф объяснений и оправданий. Называют действительные и мнимые причины неудачи, назначают действующих лиц героями и антигероями и, как правило,

ищут измену. Придание победе и поражению узнаваемого человеческого лица способствовало тому, что сама сдача города после последовательной гибели Корнилова, Истомина и Нахимова воспринималась как следствие ухода из жизни этих людей. Нельзя сбрасывать со счетов магическое значение цифры «три»: первый удар Севастополь выдержал (на место «старшего брата», Корнилова, встал «средний брат» – Истомин). Выдержал город и второй удар, после которого на боевой пост заступил «младший брат» – Нахимов, действительно имевший статус матросского любимца¹. И вот третий удар, сразивший его, стал смертельным и для самой крепости. Погребение трех павших адмиралов в одном склепе собора Св. Владимира в Севастополе символизировало их загробное соединение.

Одной из причин популярности Нахимова – «демократизм» его поведения. Культ этого адмирала формировался в эпоху народничества, когда в почете оказались те дворяне, которые ранее других увидели в мужике брата независимо от того, был этот новоприобретенный родственник в армяке, в солдатском мундире или флотской тельняшке. Ни Корнилов, ни Истомин такой простотой в отношениях с матросами не отличались. При этом ни один автор в советское время не рискнул напомнить читателям, что П.С.Нахимов по главному формальному признаку являлся «типичным представителем класса эксплуататоров». Он владел родовым имением в Смоленской губернии – деревней Костючинской в Бельском уезде Митьковской волости. У барина Нахимова имелось крестьян 56 душ мужского пола, 51 душа пола женского и 629 десятин земли.

В «нахимовском» культе проявилось и заметное уже в начале XIX столетия противостояние государства и общества. Люди, ограниченные в своей возможности влиять на события, напрочь отказывались признавать свою ответственность за что-либо. Государство оказалось виновником поражения в Крымской войне, а Нахимов и его товарищи своими жизнями заплатили за несовершенство тогдашней России. Адмирал хотя и был верным слугой престола, но из-за особенностей морского дела никогда не был лицом, приближенным ко двору. Николай I не звал его, как И.Ф.Паскевича, «мой старый командир». Более того, в пореформенной публицистике и историографии Черноморский флот «эпохи Лазарева» всячески дистанцировался от «николаевской России».

¹ См. подробнее: Федотова М.С. Севастопольская оборона 1854–1856 годов в пространстве памяти // *Россия XXI*. 2012. №1. С.99.

АДМИРАЛ НАХИМОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В военной среде всегда существовал культ «настоящих» генералов, располагавших, благодаря тому, неограниченным доверием своих подчиненных. П.С.Нахимов абсолютно подходил на эту роль. Как признание Бога неотделимо от признания нечистой силы, так образ великого человека не может существовать без фигуры, которая всячески мешала его деятельности. Изъяны государственной и военной системы в коллективном сознании воплощались в одной или нескольких фигурах. В истории Севастопольской обороны таким антигероем, антиподом Нахимова стал главнокомандующий в Крыму А.С.Меншиков.

П.С.Нахимов

Выражения «немец» и «немецкий» в большинстве российских, а затем и советских культурных контекстов имеет негативный оттенок. В военной историографии и в военной публицистике в случае «поиска виноватого» довольно часто звучит «немецкий мотив». В связи с этим всякого рода протесты против остзейского влияния, служебные конфликты с начальниками – «фонами» и «баронами» – воспринимались в российском обществе с пониманием. Главные герои Севастополя – Корнилов, Истомин и Нахимов – были русскими и православными. Известный славянофил С.Т.Аксаков в восторге от Синопа писал: «Нахимов – молодец, истинный герой русский. Я думаю, и рожа у него – настоящая липовая лопата».

НРАВСТВЕННАЯ ПОБЕДА

При описании Крымской войны российские авторы взяли на вооружение схему, позволявшую без проблем представлять поражение победой. Формально успех полностью был на стороне союзников: Черноморский флот уничтожен, Севастополь разрушен, крепость Бомарзунд на Балтике капитулировала, русские войска потеряли в Крыму больше, чем англичане и французы, царь должен был подписать мир, условия которого диктовала победившая сторона. Но, кроме результатов видимых, поддающихся исчислению,

был подвиг самопожертвования – не взятие вражеского бастиона, не разгром неприятельских полчищ, а проявление невиданной крепости воинского духа. Сама гибель в сражении становилась нравственной победой. В разных выражениях эта мысль прослеживается в публицистике, в популярной и научной литературе. А.В.Арсеньев в своей брошюре для солдат сформулировал ее так: «Какая война покрыла славой русские войска, несмотря на то что они были поражены и война проиграна? Без сомнения – это Восточная война 1853–1855 годов, окончившаяся сдачей Севастополя»². Авторы советского времени поддержали эту традицию. В путеводителе по Севастополю 1957 года мы читаем: «Крепостническая Россия потерпела поражение, но русский народ вышел из войны моральным победителем»³.

19 февраля 1856 года в Москве, на обеде для офицеров-севастопольцев, известный общественный деятель профессор С.П.Шевырев прочитал следующие стихи:

*Дети моря, ратоборцы!
Слава флота и земли!
Сонм почтенный – Черноморцы!
Братья-гости, вы ль пришли?..
В вас дух Лазарева веял,
Ваши силы он растил,
И Нахимов вас лелеял
Сердцем пламенным любил.
А Корнилов, в жаркой бане
Закаляя вашу рать,
На Малаховом кургане⁴
Научил вас умирать...*

Последняя строка этого произведения особенно примечательна, поскольку для соблюдения рифмы вполне подходил и глагол «побеждать», но Шевырев выбрал иное слово. Оно означало, что смерть и победа в сознании большинства россиян если не синонимы, то весьма близкие по значению выражения. Нахимов и его павшие товарищи – жертва, которой вымолена нравственная победа.

² Арсеньев А.В. *Герои Севастополя*. СПб., 1878. С.5–6.

³ Чебаник З.Ф. *Севастополь. Исторические места и памятники*. Симферополь, 1957. С.15.

⁴ *Сборник известий, относящихся до настоящей войны*. СПб., 1855. Вып.33. Приложения. С.106.

Крымская война усилила мотив нравственной победы над технически более совершенным, но морально ущербным Западом. Нахимова сразила пуля из штуцера, того самого штуцера, который стал во время Крымской войны символом военно-технического превосходства Запада. Это своего рода отравленный клинок, которым только и можно было убить народного героя.

Корнилов, Нахимов, Истомина упоминаются практически во всех текстах о Севастополе, и очень часто в таком ритме текста, что напрашивается фраза «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». К концу XIX столетия Нахимов занял одно из самых видных мест в отечественном пантеоне. Неоспоримое свидетельство тому – фигура адмирала на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде (открыт в 1862 г., автор – М.О.Микешин) в ряду 36-ти военачальников, который открывается скульптурой легендарного киевского князя Святослава Игоревича. 18 ноября 1898 года в Севастополе в 45-ю годовщину Синопа открыли «персональный» памятник (авторы – А.А.Бильдерлинг и Шредер). Церемонию почтил своим присутствием Николай II, что являлось доказательством высшего уровня церемонии.

ЮБИЛЕЙ – СГУСТОК ПАМЯТИ

В начале XX века страна переживала «юбилейный бум»: одно за другим следовали празднества, связанные с важными датами отечественной истории. Особое место среди них занимали торжества, связанные с победами русского оружия: двухсотлетие взятия Шлиссельбурга, Выборга, Нарвы, победы под Полтавой, при Гангуте, столетие разгрома наполеоновских полчищ, трехсотлетие обороны Смоленска в 1610 году, 150-летие сражения под Кунерсдорфом в Семилетней войне. Все эти мероприятия, особенно Бородинский и Полтавский юбилеи, приняли характер общегосударственных торжеств. В этой череде праздников нашлось место и нахимовскому юбилею в 1902 году, а также 50-летиям Синопа и обороны Севастополя. Столетие со дня рождения адмирала было отмечено большой статьей В.Апушкина, в которой знаменитый флотоводец был представлен как простой, требовательный, честный, не признающий пустяков человек. «Такие личности и за гробом вдохновляют своим именем и воспитывают примером своей жизни, и вот почему в этот памятный день столетия со дня рождения Нахимова мы соединяемся вместе с нашим флотом в

мыслях о Павле Степановиче – этом "отце-командире"... Имя его имеет для нас всю ту же притягательную силу. Оно волнует нас, как отцов и дедов наших»⁵.

Внимание общества к имени Нахимова и к обороне Севастополя получило новый импульс во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и в десятилетие после нее, когда стали анализировать причины поражения на Дальнем Востоке. Объяснялось это прежде всего наличием явных аналогий: осада базы Черноморского флота союзниками и осада Порт-Артура японцами, гибель флотов, героизм защитников, неспособность русской армии ударом извне спасти крепости от штурма и т.д.

В отечественной публицистике второй половины XIX в. историческая аргументация занимала заметное место, распространенным приемом стала актуализация событий прошлого. О связи побед русского флота над турками свидетельствуют слова Е.В.Богдановича, прозвучавшие в 1878 году: «Наварин и Синоп! Какие славные воспоминания приходится праздновать России два года сряду! Но, слава Богу, какая огромная разница между положениями, в каких застают нас эти две великие годовщины! В прошлом году, 8 октября, полувековое чествование Наварина совпало с самой подавляющей, самой томительной эпохой кровавого плевенского терпения⁶; в настоящем году, 18 ноября, четвертьвековая годовщина Синопа застаёт Россию радостно приветствующую возвращение своих победоносных сынов из освобожденной ими Болгарии...»⁷

КАК НЕ СТАТЬ ЧАСТЬЮ «ПРОКЛЯТОГО ПРОШЛОГО»

Особенно суровым экзаменом на право остаться в национальном историческом мифе стал процесс «конструирования» истории в советскую эпоху. Памятник Нахимову уничтожили в 1930-е годы как наследие «проклятого прошлого», подобно десяткам других военных мемориальных объектов. Однако национальная память о герое Синопа и Севастополя оказалась сильнее идеологических барьеров. Появление имен царских полководцев и фло-

⁵ *Русский инвалид*. 1902. 23 июня. №136.

⁶ *Русские войска взяли турецкую крепость Плевна во время войны 1877–1878 гг. после долгой осады и ценой огромных потерь.*

⁷ *Богданович Е.В. 18 ноября 1898 г. Синоп – Севастополь. СПб., 1898. С.1.*

товодцев в списке «выдающихся прогрессивных деятелей» было логическим следствием складывания круга исторических личностей, которых коммунистические идеологи называли «выдвинутыми из народной среды». В него сначала вошли литераторы (А.С.Пушкин, А.С.Грибоедов, И.А.Крылов, Н.В.Гоголь), художники и архитекторы (А.Г.Венецианов, К.П.Брюллов, А.Н.Воронихин, А.Д.Захаров), ученые (Н.И.Лобачевский), а затем и несколько военачальников (А.В.Суворов, М.И.Кутузов, П.И.Багратион, Р.И.Кондратенко, Ф.Ф.Ушаков). Хотя победы русского оружия объяснялись прежде всего героизмом солдат и офицеров, совсем отрицать роль высшего командного состава, хоть и «царского», было неудобно, так как это противоречило настойчиво вдалбливаемой мысли о «руководящей и вдохновляющей» роли партии и ее вождей. Кроме того, в советской историографии 1930–1970-х годов действовала схема, согласно которой во всех сферах шла борьба между новым и старым, прогрессивным и реакционным, передовым и отсталым. Поскольку верность теории определялась ее универсальностью, то передовые генералы и адмиралы просто обязаны были существовать. Они, «используя достижения науки и техники, выступая против косности, рутины и шаблона ...добивались немалых успехов в развитии военного и военно-морского искусства, в обучении и воспитании солдат и матросов, в повышении боевой готовности русских вооруженных сил»⁸. В этой цитате из «Введения» к сборнику материалов «П.С.Нахимов», опубликованному издательством Министерства обороны СССР в 1954 году, отражены советские каноны биографики отечественных военачальников XVIII – начала XX в., правила конструирования «советских» текстов по истории дореволюционного военного искусства.

В советской историографии важнейшим «маркером» для любого человека, жившего в первой четверти XIX столетия, было его отношение к декабристам. Даже сам факт знакомства с членом одной из их организаций сразу ставил человека в разряд «передовых». Нахимов был однокашником Д.И.Завалишина, вместе с ним коротал вахты во время перехода из Кронштадта в Америку на фрегате «Крейсер». Он учился в Морском корпусе одновременно с братьями М.А. и П.А.Бестужевыми.

⁸ П.С.Нахимов. *Документы и материалы* / Под ред. А.А.Самарова. М.: Воениздат, 1954. С. XII–XIII.

**ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ
И ЧИСТОТА ОБРАЗА**

Важным шагом в складывании у россиян представления о Нахимове стали дореволюционные и советские авторитетные справочники. Все-

знающий «Брокгауз и Ефрон» заявлял: «В Севастополе Нахимов хотя и числился командиром флота и порта, но после потопления флота защищал, по назначению главнокомандующего, южную часть города, с удивительной энергией руководя обороной и пользуясь величайшим нравственным влиянием на солдат, звавших его "отцом-благодетелем"». В «Новом энциклопедическом словаре» была напечатана та же статья⁹.

В первом издании Большой советской энциклопедии Нахимов выглядит гораздо заметнее других героев-севастопольцев. Во-первых, посвященная ему статья больше по объему, чем статья о Корнилове. Во-вторых, она упоминала о его «демократизме», что в советское время служило особым признаком зачисления в разряд сочувствующих освободительному движению¹⁰. То же издание изготовило своеобразный штамп, скомпонованный в том числе из деталей, уже употреблявшихся в дореволюционной историографии и публицистике. Штамп, использовавшийся впоследствии для «краткого списка» защитников города в 1854–1855 годах: «В долгие месяцы обороны Севастополя гарнизон крепости, состоявший наполовину из матросов Черноморского флота, и многие его руководители проявили огромную самоотверженность, выносливость и храбрость. Особый героизм и энергию проявили адмиралы Корнилов, Нахимов, Истомин, военный инженер Тотлебен, артиллерийский генерал Хрулев, матросы Петр Кошка, Шевченко, сапер Федор Самокатов и многие другие»¹¹. Наличие в составе редколлегии К.Е.Ворошилова, А.Я.Вышинского и др. придавало статьям энциклопедии дополнительную убедительность.

Текст статьи в Советской исторической энциклопедии (1966) содержит несколько ключевых выражений, не оставляющих у читателя сомнений в особой значимости этой фигуры: «Ближайший сподвижник М.П.Лазарева, Нахимов был признанным авторитетом в различных

⁹ Энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1897. Т.20. С.704; Новый энциклопедический словарь / Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Пг., б.г. Т.28. Стб.91.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. М., 1939. Т.41. Стб.331.

¹¹ Большая советская энциклопедия. М., 1944. Т.50. Стб.545.

областях военно-морского дела, талантливым воспитателем моряков. Вера в высокие моральные качества русского матроса, забота о нем, протест против крепостнических порядков на флоте, умение найти наиболее рациональные формы и методы боевой подготовки принесли Нахимову большую популярность на Черноморском флоте»¹².

В Советской военной энциклопедии (1978) адмирал также представлен первым человеком в ряду защитников Севастополя.¹³

Нахимов не обижен вниманием и авторов серьезных научных работ. Во втором издании двухтомной монографии Е.В.Тарле «Крымская война», увидевшем свет в 1950 г., имеется целая глава «Смерть Нахимова» (14 страниц), что структурно уравнивает данный сюжет с такими темами, как сражения при Балаклаве, Евпатории, Альме и Черной речке, как Венская конференция 1855 г., которым также посвящены отдельные главы. В этой же книге Нахимов упоминается более 130 раз, тогда как В.А.Корнилов почти вдвое реже – 70 раз, а В.И.Истомин – только 35 раз, князь В.И.Васильчиков – 40 раз, Э.И.Тотлебен – 90 раз.

В советское время огромную роль в формировании нахимовского культа сыграл роман С.Н.Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», вышедший в трех томах в 1940 году. Для этого писателя уход в историческую прозу, возможно, был спасительным шагом, поскольку до публикации романа он подвергался жестокой критике «с партийных позиций», что могло рассматриваться как приближение расправы. В 1934 году он стал усиленно изучать материалы о Крымской войне, а в 1936–1939 годах написал книгу, где, по выражению критиков, «...художественно-изобразительные эпизоды своеобразно сочетаются в эпопее с научно-описательным освещением исторической обстановки, стратегических вопросов, общественно-политической ситуации в России и Европе»¹⁴.

Литературная газета 20 октября 1940 г. посвятила целую страницу С.Н.Сергееву-Ценскому. В приветствии президиума Союза советских писателей в связи с 40-летием творческой деятельности говорилось, что юбилей «...совпадает с появлением самого крупного и ценного вашего произведения – исторической эпопеи "Севастопольская страда". Величие и патриотизм русского народа, нашедшего в себе силы в условиях крепостничества героически бороться с союзными армиями англо-

¹² Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т.9. С.998.

¹³ Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т.5. С.532.

¹⁴ Аниккин Ю.Д. С.Н.Сергеев-Ценский. М.: Знание, 1974. С.45.

франко-турецких интервентов, получили в эпосе полное, захватывающее изображение. Огромная портретная галерея героев обороны: солдат, матросов и их умных, честных, талантливых полководцев – Нахимова, Корнилова, Тотлебена – представлена в эпосе с воодушевлением художника, любящего свой народ и его справедливое оборонное дело».

Писатель своей творческой волей заставил Нахимова произнести следующую тираду: «Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы с вами только пружины, которые на него действуют... Все делает матрос, если мы с вами забудем, что мы – помещики, дворяне, а он – крепостной! Он – первая фигура войны – матрос, да-с! А мы с вами – вторые-с!»¹⁵

Поскольку к тому времени Кутузов уже был признан народным героем, фигура этого военачальника эпохи 1812 года могла служить для позиционирования любого другого исторического персонажа: приближение к нему означало одобрение, а удаление – осуждение. Слова литературного критика по этому поводу говорят сами за себя: «В близости Нахимова к рядовым защитникам много общего с Кутузовым, они оба являются выразителями народного самосознания»¹⁶. О том, что осада города-крепости в романе была подана в «единственно правильном» ключе, ясно сказано в «единственно правильном» литературоведении: «...Сергееву-Ценскому пришлось проделать огромную работу по изучению разного рода исторических материалов и документов, но и по их переосмыслению... Необходимо было очистить подлинные исторические факты от всей наносной шелухи, дать им правильное истолкование. Все это Сергеев-Ценский смог сделать благодаря внимательному изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, и в первую очередь многочисленных статей Ф.Энгельса и высказываний В.И.Ленина о Крымской войне. Они вооружили Ценского правильной идеологией и методологией, что дало ему возможность создать произведение социалистического реализма»¹⁷. Однако, несмотря на все его старания, редколлегия журнала «Октябрь» отказывалась публиковать роман как произведение «квасного патриотизма». Но редактор Ф.И.Панферов послал рукопись лично Сталину, и произведение стало печататься в журнале, а затем вышло отдельной книгой¹⁸.

¹⁵ Плуки П.И. *С.Н.Сергеев-Ценский – писатель, человек. М.: Современник, 1975. С.153.*

¹⁶ Там же. С.163.

¹⁷ Там же. С.147.

¹⁸ Там же. С.148.

В 1945 году Главное политическое управление ВМФ СССР выпустило методическое пособие «Материалы для работы с книгой Сергеева-Ценского "Севастопольская страда"».

Начинается методичка с общей оценки работы: «...Книга дает правдивую картину возникновения войны, шаг за шагом описывает весь ход Крымской кампании, вскрывает причину поражения николаевской России, указывает экономические и политические последствия войны... Основной герой книги – русский народ, отстаивающий от врагов свою родину... Это прекрасное пособие для изучения героического прошлого русского флота. Нахимов и Корнилов, Истомин и Кошка встают во весь свой богатырский рост. Они служат образцом мужества и храбрости, образцом беспредельной любви к Родине...». Авторы пособия рекомендовали оформить специальный стенд, с обязательным присутствием на нем портрета самого писателя, адмиралов Корнилова и Нахимова, а также героев обороны Севастополя в 1942 году. Библиотекарям рекомендовалось также провести «громкие читки» отдельных глав романа, которые сопровождались бы «подготовленными» выступлениями наиболее активных читателей на рекомендованные темы. Разумеется, в этом списке была тема «Образ Нахимова в "Севастопольской страде"». Адмиралу-герою был выделен целиком раздел в подборке литературы и источников.

Сергеев-Ценский был награжден в 1941 году за это произведение Сталинской премией первой степени вместе с А.Толстым за роман «Петр I» и М.Шолоховым за «Тихий Дон». В 1943 году «за долголетнюю литературную деятельность, обогатившую русскую литературу выдающимися художественными произведениями», писатель избран действительным членом АН СССР. «Севастопольскую страду» двенадцать раз солидными тиражами выпускали в свет московские издательства¹⁹. Кроме того, этот роман-эпопея трижды печатался в Симферополе (1955, 1971 и 1979 гг.).

Официальная оценка книги заметно расходилась с мнением читательской аудитории, несмотря на все пропагандистские мероприятия. Это были вынуждены признать даже исследователи творчества Сергеева-Ценского: «"Севастопольская страда" по выходе в свет получила широкую известность, практическая же популярность ее у читателей

¹⁹ В 1939, 1940, 1941 (дважды), 1942, 1948, 1949, 1950, 1952, 1953, 1958 и 1985 годах.

была несколько ограниченной из-за жанровых особенностей этого непростого для восприятия произведения»²⁰ ..

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
АКТУАЛИЗАЦИЯ –
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАНИМАЦИЯ**

Развязывание Холодной войны и обострение советско-турецких отношений в конце 1940-х и начале 1950-х годов вновь придали тени Нахимова четкие политические

контуры. В исторической повести И.В.Луковского «Адмирал Нахимов», опубликованной в 1951 году, и в драматическом варианте этого произведения (1952) «политические мотивы» звучат в полную силу. На сцене русские офицеры так объясняют позицию России в вопросе Черноморских проливов: «Да-а... Сколько Россия воевала с Турцией, сколько одерживали мы побед, а все нет мира на Черном море. Нет мира... Потому – в бутылке сидим! Что Черное море? Бутылка! Горлышко – Дарданеллы, а пробка у турок. Не может Россия помириться, чтобы флот наш был закупорен! К нам через проливы всякая шваль лезет с угрозами, а мы? Нам турецких проливов не нужно, но уж и пробкой нас не затыкай! Пролив, так и для русских свободный пролив!» Далее они предупреждают, что Стамбул будет в проигрыше «...пока турецкие паши не поймут, что выгоднее Турции быть не с кем-нибудь в разных там заговорах, а с Россией в мире и дружбе»²¹.

В повести того же автора с тем же названием (1951) уже сам Нахимов говорит Осман-паше, начальнику флота, разбитого при Синопе: «Когда Турция не ссорилась с Россией, все шло хорошо-с. А когда Турция слушала там разных советников, то кончалось большим несчастьем... Всегда-с!» На театральной сцене адмирал провозгласил стратегическую необходимость установления контроля над Босфором и Дарданеллами путем стремительной десантной операции. При этом он «гарантирует» территориальную целостность Турции и остужает излишне пылкого подчиненного, заявившего о необходимости восстановления креста на храме Святой Софии: «Константинополь отнимать у турок... Зачем же? Нам он не нужен. Но угрозу для Южной России предотвра-

²⁰ Анипкин Ю.Д. Указ. соч. С.51.

²¹ Луковский И.В. Адмирал Нахимов. Историческая драма в 4-х действиях, 10-ти картинах. М., 1952. С.25.

тим полностью»²². Здесь Нахимов не только озвучивает тогдашнюю позицию СССР, но и отмежевывается от политики царской России в отношении проливов. До 1917 года в Петербурге обеспечение безопасности южных рубежей связывалось не только с прочным русским военным присутствием в этой стратегической точке, но и с полным изгнанием Турции из Европы.

Холодная война наложила свой отпечаток и на образ «антигероев» пьесы. Французы и англичане в ней напоминают своими словами и действиями немцев в фильмах и спектаклях военных и послевоенных лет: они восхищаются стойкостью русских воинов, впадают в истерику по поводу крушения своих агрессивных планов и т.д. Командование союзников по сценарию И.Луковского решает использовать под Севастополем «удушающие газы» (зритель сразу вспоминал об учениях по защите от оружия массового поражения и о том, как фашисты травили газом партизан в каменоломнях под Керчью). Другое уравнивание англичан и французов середины XIX века с гитлеровцами мы видим в сцене, когда отдается приказ о расстреле населения Крыма, оказавшего сопротивление реквизициям. В финале пьесы перед смертью Нахимов успевает заявить о своей вере в «светлое будущее»: «...Если сказать, что Россия – корабль, то ведут его дурно, на скалы и мели... Но будем надеяться, господа, в будущем крепкий ветер вынесет наше отечество на большой, на славный простор. Иначе и быть не может...»²³

В повести и пьесе образ Нахимова в целом повторяет уже сформировавшийся портрет: адмирал выглядит человеком демократичным (балагурит с матросами, заботится о вдовах, сиротах и увеченных), фанатично преданным своему делу (видит в подзорную трубу небрежность в оснастке и делает выговор за это). Кроме того, он вникал во все мелочи, что соответствовало «идеальному» стилю работы партийно-хозяйственного деятеля сталинской эпохи. Наконец, в пьесе и в повести мы видим беллетризацию призывов к повышению боевой подготовки и к научно-техническому прогрессу. Нахимов сетует на отсутствие пароходов, говорит о необходимости постоянных военных учений, хвалит офицеров, придумавших приспособление для быстрой выгрузки орудий при десантировании.

²² Там же. С.89; 29.

²³ Там же. С.99–100;117.

**ИСТОРИЧЕСКИ ПРАВДИВЫЙ
ОБРАЗ...**

Но не пьеса Луковского и не произведения Сергеева-Ценского, по нашему мнению, стали главным средством внедрения в умы советских людей представлений о Нахимове

как о народном герое, как о самом великом флотоводце России. Эту роль сыграл кинофильм, оказавшийся в фокусе внимания всей страны.

Афиша фильма «Адмирал Нахимов»

Весной–летом 1946 года по ряду признаков деятели отечественной культуры заметили приближение «идеологического шторма». 14 августа вышло знаменитое постановление ЦК «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», где партийный гнев обрушился на М.Зощенко и А.Ахматову. 26 августа – «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Кинематографистов громили 4 сентября в документе, стоящем третьим в этом списке: «О кинофильме "Большая жизнь"». С идеологических позиций была буквально растерзана лента о послевоенном восстановлении Донбасса, которую даже сняли с проката. Кроме того, партийные критики дали негативную оценку второй серии фильма «Иван Грозный» С.Эйзенштейна, «Адмиралу Нахимову» В.Пудовкина и «Простым людям» Г.Козинцева и Л.Трауберга. В постановлении ЦК говори-

лось: «Многие мастера кинематографии, постановщики, режиссеры, авторы сценариев легкомысленно и безответственно относятся к своим обязанностям, недобросовестно работают над созданием кинофильмов. Главный недостаток в их работе заключается в том, что они не изучают дело, за которое берутся. Так, кинорежиссер В.Пудовкин взялся ставить фильм о Нахимове, но не изучил деталей дела и исказил историческую правду. Получился фильм не о Нахимове, а о балах и танцах с эпизодами из жизни Нахимова. В результате из фильма выпали такие важные научные факты, что русские были в Синопе и что в Синопском бою в плен была взята целая группа турецких адмиралов во главе с командующим».

Пудовкин «попал под топор» сразу по двум причинам:

- Во-первых, в 1946 г. резкое обострение отношений между СССР и бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, а также напряженность в отношениях с Турцией делали недостаточно акцентированное напоминание о победах над британцами и турками непростительным идеологическим промахом.
- Во-вторых, в фильме много места уделялось личности самого Нахимова, в ущерб (по мнению ЦК) демонстрации важных исторических событий. «Искажение исторической правды» в те дни было страшным обвинением, поскольку пропагандистская машина ВКП (б) активно использовала «уроки прошлого» в своих конструкциях и отступать от «утвержденного образца» означало «лить воду на мельницу мирового империализма».

1 января 1947 года в газете «Советское искусство» была напечатана статья С.Герасимова «Адмирал Нахимов», в которой говорилось о том, что в новом варианте фильма полностью устранены все недостатки, поскольку творческий коллектив правильно воспринял критику и указания.

Сам В.Пудовкин выступил с покаянием²⁴. В течение четырех месяцев была проведена работа, сопоставимая, по признанию самого режиссера, с созданием всей первоначальной версии. Ударные темпы объяснялись просто: невнимательность к идеологическим установкам могла обернуться дебютом в самодеятельности колымского или мордовского лагеря. Пудовкин писал о включении в фильм картин сражения при Синопе, отметил, что «...при этом приводятся слова Нахимова, обращенные к

²⁴ Пудовкин В. Уроки постановки фильма «Адмирал Нахимов» // *Культура и жизнь*. 1947. 11 января.

турецкому адмиралу, о том, что Турции всегда надлежало бы быть в мире с Россией и что она сама виновата в своем поражении, начав с Россией рискованную войну». Глаз идеологически взыскательного читателя должен был порадоваться от указания на красочную сцену пленения английских офицеров-инструкторов. Завершалась статья ритуальными заверениями в преданности идеям и столь же ритуальными благодарностями партии за указание правильного творческого пути.

Кадр из фильма

4 января 1947 года в газете «Красная Звезда» появилась хвалебная рецензия В.Ильенкова. В лирическом стиле была дана высокая оценка сценарию, режиссуре и актерам, особенно Алексею Дикому в роли Нахимова, показано, каким демократичным был адмирал, как он бил англичан и турок. Разумеется, отдельным пунктом указывалось на то, что в улучшении фильма определяющую роль сыграла «принципиальная большевистская критика». Но «отпущение грехов» в центральном

органе Министерства вооруженных сил СССР не ставило точку в строгом разговоре об идеологической непогрешимости. Еще не сказала своего слова «Правда». В голосе этого главного печатного органа 6 января опять прозвучали металлические нотки, похожие на звук тюремных запоров. Из заметки генерал-майора М.Галактионова читатель узнал, что публикация Ильенкова – «...пример искажения исторической правды и незнания дела» и что появилась она из-за «легкомыслия и безответственности редактора "Красной Звезды" тов. И.Фомиченко»²⁵. Генеральский гнев был вызван тем, что в рецензии не упоминалось о том, что главным врагом России в Крымской войне были англичане; что не сказано о «военной доктрине Нахимова» – предложении адмирала захватить Босфор... Были в статье и совершенно прокурорские ноты: «Уж не считают ли возможным автор статьи тов. Ильенков и редактор "Красной звезды" тов. Фомиченко в угоду своим предрассудкам допускать извращение исторической правды?» «Красная звезда» исправила свой промах 25 января 1947 г. статьей «Адмирал Нахимов» за подписью адмирала Ф.Октябрьского. В строгой форме

²⁵ Галактионов М. По поводу одной рецензии на фильм «Адмирал Нахимов» // Правда. 1947. 6 января.

отчета на партсобрании или доклада в штабе в этой публикации говорилось, что «...фильм правильно концентрирует внимание прежде всего на военной деятельности Нахимова, правильно рисует нравственный облик адмирала в связи с его практической деятельностью флотоводца». Сам Нахимов назван «...инициатором и вдохновителем осуществления генеральных задач обороны». Заканчивалась публикация так: «Помещением настоящей статьи редакция исправляет ошибки, допущенные в рецензии В.Ильенкова на кинофильм "Адмирал Нахимов", напечатанной в "Красной Звезде"». Власти сочли продолжение кампании в защиту «исторической правды» излишним, и нападки в печати на кинофильм прекратились. Более того, Алексей Дикий за роль Нахимова был награжден Сталинской премией.

В СССР существовала практика изучения руководящих материалов партии и правительства. Постановления ЦК и документы съездов изучались во всех трудовых коллективах страны, во всех партийных организациях, учебных заведениях и воинских частях. Поэтому кавказские чабаны и среднеазиатские хлопкоробы, ивановские ткачихи и уральские металлурги узнавали об ошибках литераторов, режиссеров, художников и композиторов, а мастера пера, смычка и кисти на собраниях своих коллективов вникали в проблемы сельского хозяйства, промышленности и транспорта. По указанию партийных органов составлялись письма с осуждением или одобрением. Таким образом, благодаря упоминанию в «разгромном» партийном документе, фильм о герое Синопа и Севастополя не только просмотрели, но и «проработали» практически все граждане СССР. Уже перед Великой Отечественной войной адмирал П.С.Нахимов оказался включенным в число народных героев.

**НАХИМОВ –
СОВЕТСКИЙ ГЕРОЙ**

Огромное значение для популяризации имени Нахимова в советское время сыграло то обстоятельство, что летом 1942 года Севастополь стал местом сражения между советскими и немецкими войсками. Опять враг наступал с суши, опять он имел подавляющее превосходство в численности и вооружении. Несмотря на то, что моряков среди защитников города было явное меньшинство, в массовом сознании атаки фашистов отбивались прежде всего людьми в белых форменках и бескозырках. Доказательство тому и живопись (Дейнека – «Оборона Севастополя»), и песня («Последний матрос Севастополь покинул, / Уходит он, с волнами споря...»).

11 августа 1942 года в Казани вышла в свет брошюра (127 страниц) известного историка Е.В.Тарле «Нахимов», составленная по материалам фундаментальной монографии «Крымская война», которая тогда готовилась к печати. Авторское предисловие заслуживает помещения целиком: «Новое издание моей книги о Нахимове выходит в годовину Великой Отечественной войны. Готовя это издание к печати, я все время думал о героях, защитниках Крыма и Севастополя от нынешнего безмерно гнусного, презренного врага. Много раз в последнее время черноморские моряки с гордостью называли себя "нахимовскими детьми", "нахимовскими внуками"... Но как изменилась обстановка при которой борются доблестные "нахимовские внуки", сравнительно с той, которая окружала их великого деда! Что бы сказал Нахимов, если бы видел, как оснащены теперь русские суда, как вооружены его родные черноморцы, которых он считал своей личной семьей, как они экипированы, как накормлены, какой заботой окружены, какой медицинской помощью обеспечены! Как он был счастлив, если бы мог предвидеть, что его личное отношение к матросам, к нижним чинам флота станет общим правилом и что это истинно товарищеское отношение, как он всегда и утверждал, споря с тогдашними генералами, не только не разрушит, а еще более укрепит строгую дисциплину и истинно боевой дух во флоте!»

Впоследствии эти две обороны Севастополя стали восприниматься как два акта исторической героической трагедии, разделенные столетним антрактом. 16 октября 1954 г. указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с 100-летием героической обороны Севастополя в 1854–1855 гг. и большими заслугами Севастополя перед нашей Родиной город был награжден орденом Красного Знамени. Это единственный случай, когда советский орден стал знаком отличия за службу царю.

«Связь времен» проявилась в появлении правительственных наград, названных именами дореволюционных военачальников. 3 марта 1944 года «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин подписал указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Ушакова 1-й и 2-й степени и ордена Нахимова 1-й и 2-й степени. Согласно статуту ордена Нахимова им награждались «офицеры Военно-Морского Флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, нанесен противнику значительный урон и сохранены свои основные силы²⁶».

²⁶ П.С.Нахимов. *Документы и материалы*. С. VI.

В тот же день были учреждены медали Ушакова и Нахимова «для награждения рядового, старшинского и сержантского состава Военно-Морского Флота»²⁷. Все обладатели такой награды имели те же льготы, что и награжденные медалью «За боевые заслуги».

30 мая 1954 года во время парада и демонстрации на Красной площади по случаю празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией Н.А.Булганин в своей речи сказал в связи с учреждением ордена Богдана Хмельницкого: «...Тем самым славное имя украинского полководца поставлено в один ряд с именами таких знаменитых полководцев, сынов русского народа, как Суворов, Кутузов, Ушаков, Нахимов, Александр Невский». Ряд, как мы видим, довольно короткий, и включение в него дорогого стоит, поскольку в честь этих людей были названы награды СССР, появившиеся в 1944 году. Очень выразительным в этом плане является и высказывание академика Е.В.Тарле: «...наряду с петровской Полтавой и с кутузовским сражением, нахимовский Севастополь показал, на что способна Россия в минуту грозной опасности»²⁸.

Обращение к историческим традициям выразилось не только в изменениях военной униформы и учреждении наград с именами дореволюционных полководцев. Еще при Павле I был учрежден Сиротский институт, в котором за счет казны воспитывались и обучались дети офицеров и нижних чинов, погибших на поле брани. Во всех военно-учебных заведениях Российской империи сыновья павших офицеров пользовались льготами при поступлении и содержались на средства государства.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР²⁹ для устройства, обучения и воспитания детей воинов советской армии и флота, партизан и других лиц, погибших в боях, были учреждены Суворовские и Нахимовские училища. То, что специальное военизированное учебное заведение «для моряков» было названо именем Нахимова, свидетельствует об «уравнивании» адмирала с генералиссимусом А.В.Суворовым, который бесспорно занимает высшую позицию в иерархии военных знаменитостей России. Всего было создано три нахимовских училища – в Тбилиси (1943), в Риге (1945) и в Ленинграде (1944). Через десять лет после окончания войны из-за сокращения контингента, на который они были рассчитаны, закрылись несколько суво-

²⁷ Там же. С.VII.

²⁸ Тарле Е.В. Крымская война. 2-е испр. и доп. изд. М.; Л., 1950. Т.II. С.602.

²⁹ «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (принято 21 августа 1943 г.).

ровских училищ, а также Тбилиское и Рижское нахимовские училища (в 1955 и 1953 гг.). В Ленинграде это специальное учебное заведение сохранилось в значительной мере потому, что в это время существовало отдельное Министерство военно-морского флота СССР.

Еще одним утверждением Нахимова как национального героя стало 150-летие со дня его рождения, близкое по времени со столетием Синопской битвы и обороны Севастополя. Юбилею адмирала был придан статус общегосударственного торжества. 5 июля 1952 года состоялось торжественное заседание в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, которое открыл военно-морской министр СССР Н.Г.Кузнецов. С докладом выступил вице-адмирал Н.И.Виноградов. Кроме слов о демократизме юбиляра и его преданности родине, советский военачальник произнес несколько фраз «на злобу дня». Он напомнил о том, что армия и флот под руководством Нахимова громили турок и англичан, которые продолжали и в XX веке вынашивать агрессивные планы против России. Досталось и американцам, помогавшим союзникам вести войну. Особое внимание было обращено на нетерпимость Нахимова к низкопоклонству. Это выражение в начале 1950-х гг. было в большом ходу и обозначало резко осуждаемое партией признание какого бы то ни было превосходства Запада. Даже положительная оценка качества британского или (упаси боже!) американского изделия могла быть расценена как идеологическая диверсия. Стратегическое значение усилий легендарного адмирала и его соратников оценивалось следующим образом: «Расстратив силы под Севастополем, противник не мог рассчитывать на успехи в других местах. Планы англо-французских агрессоров были сорваны и на Балтийском, и на Белом морях, на побережье Тихого океана. Всюду враг получил должный отпор». В Ленинграде, в Центральном военно-морском музее, была развернута масштабная выставка: модели кораблей «Азов» и «Паллада», экспонаты, связанные с Синопским сражением и с обороной Севастополя в 1854–1855 гг. На открытие экспозиции были приглашены кавалеры ордена и медали Нахимова.

На всех флотах СССР проводились «Нахимовские дни»: лекции, доклады, просмотр кинофильма, экскурсии; оформлялись специальные стенды, организовывались выставки моделей боевых кораблей, устраивались шлюпочные гонки и походы. Учащиеся брали так называемые повышенные обязательства по улучшению успеваемости и физической подготовки под лозунгом «навстречу юбилею». В военно-морских училищах и в матросских клубах СССР устанавливались бюсты Нахимова, что символически приближало адмирала к таким священным фигурам,

как Ленин и Сталин, явленных народу в виде бронзового или гипсового изваяния. «Нахимовские» юбилейные мероприятия стали обязательной частью планов культурно-массовой и пропагандистской работы всех учреждений, предприятий и организаций в конце июня – начале июля 1952 г. Об адмирале, как это уже было во время обсуждения постановления ЦК 1946 года, напомнили оленеводам, хлопководам, шахтерам, ткачихам, студентам, школьникам и разного рода «конторским».

Юбилейные статьи 1952 года с различной степенью настойчивости связывали защиту города во время Крымской войны с обороной Севастополя (1942) и с его штурмом (1944). В начале июля орган Военно-морского министерства СССР напечатал статью контр-адмирала профессора Н.Павловича, где среди прочего сказано: «В истории русского флота есть немало имен, напоминающих нам о славных победах русского народа. Но для советских военных моряков – хранителей и продолжателей морской славы нашей Родины – особенно дороги имена Ушакова и Нахимова. Этим выдающимся адмиралам роднит национальный характер их флотоводческого искусства, в основе которого лежит стремительное наступление и решительные действия, свойственные русским воинам»³⁰.

19 июня 1952 г. ежедневная газета Черноморского флота «Флаг Родины» отвела целую страницу материалам под заголовком «К 150-летию со дня рождения П.С.Нахимова». Основную трехполосную статью кандидата исторических наук подполковника В.Дивина «Выдающийся флотоводец о воспитании и обучении военных моряков» дополнили пять заметок без указания авторства. Композиционно комплекс этих публикаций воспроизводил традиционную схему праздничных мероприятий, которые открывались выступлением в форме доклада (торжественная часть) и продолжались концертом, где за «серьезными» номерами (кантаты, оратории и т.п.) следовали лирики и юмористы.

Дивин в манере научно-популярного доклада рассказал о том, как М.П.Лазарев, П.С.Нахимов и В.А.Корнилов «...разработали и применили прогрессивную для своего времени систему воспитания и обучения военных моряков, которая основывалась на глубоком уважении, вере в силы и творческие возможности простого человека». Статья содержала своего рода «обязательные пункты»:

- патриотический подъем в связи с Отечественной войной 1812 года,

³⁰ Павлович Н. Военно-морское искусство выдающегося флотоводца // Красный флот. 1952. 3 июля.

- связь с освободительным движением (знакомство с декабристами),
- демократичность передовых военачальников,
- сравнение с Ушаковым и Суворовым.

Автор заявлял: «...быстрое развитие в стране революционно-демократических идей оказало благотворное влияние на русское военноморское искусство». Далее следовали указания на «заветы» Нахимова: быть требовательным к подчиненным, обращать внимание на физическую подготовку матросов, совершенствовать методы обучения, повышать знание материальной части, вырабатывать новые тактические приемы, бороться за «развитие передовой техники». Потом читатель узнавал о внимании легендарного адмирала к повседневной жизни нижних чинов и забавлялся анекдотами, кочевавшими из одной популярной работы о Нахимове в другую. Так, одна из баек повествовала, что один матрос никак не мог отличить бомбу от ядра. Тогда флотоводец сравнил ядро с булкой, а бомбу – с пирогом, начиненным капустой. И такой педагогический прием сработал! В советских фильмах и литературе 1930-х – начала 1950-х годов подобных сцен назидательно-юмористического характера было немало.

Библиографический указатель к упоминавшемуся уже труду³¹ дает любопытную картину роста интереса к нашему герою. Первая статья, где много внимания уделялось адмиралу, была напечатана в газете «Красный Балтийский флот» 26 марта 1938 г. (Е.Ефет. Синопский бой). Начало Второй мировой войны подтолкнуло, вероятно, А.Белоуса к публикации в газете «Красный Черноморец» 17 октября 1939 г. статьи «Героическая оборона Севастополя. (85 лет с начала осады Севастополя)». Эта же газета 12 июля 1940 г. напомнила своим читателям о победе при Синопе статьей И.Александрова «Уничтожение турецкого флота», а газеты «Красный флот» и «Красный Черноморец» в тот же день сочли возможным отметить 85-летие со дня гибели адмирала специальными заметками. 21 июля Нахимов опять помянул добрым словом «Красный Черноморец» в статье «Героическое прошлое русского флота». Важным этапом продвижения П.С.Нахимова в прогрессивные фигуры отечественной истории стал выход работы И.П.Зюзенкова «Морской флот России в Крымской войне 1853–1856 гг.» в «Трудах Военно-политической академии им. В.И.Ленина» в 1940 году. Положительный образ флотоводца в издании, где на идеологическую выверенность обращалось особое внимание, служил своеобразной политической индულ-

³¹ П.С.Нахимов. *Документы и материалы*. С.780–808.

генцией для последующих авторов. Журнал «Молодая гвардия» в №4 за 1940 год опубликовал очерк Е.В.Тарле «Адмирал Нахимов», представлявший собой фрагмент его двухтомной монографии «Крымская война». После этого очерк вышел отдельной брошюрой. В разряд научных сочинений, где много говорилось о Нахимове, следует отнести статью В.Кружкова в сборнике «Флот нашей Родины» (1940) и книгу А.Н.Логовского «Оборона Севастополя. Крымская война» (1939).

Внимание к Севастополю во время Великой Отечественной войны проявилось и в «нахимовском» библиографическом списке: более 40 публикаций за 1942–1944 гг. Только упоминавшийся очерк «Нахимов» Е.В.Тарле трижды выходил в этот период. В послевоенный период внимание к Нахимову осталось довольно устойчивым: ежегодно в газетах и журналах появляется по 3–4 статьи о великом флотоводце. Пик общественного интереса приходится на 1951–1953 годы в связи со 150-летием со дня его рождения и 100-летием Синопской битвы. В этот период Холодной войны отношения СССР с Турцией, активным членом НАТО, были очень напряженными, и напоминание потенциальному противнику о погроме, учиненном Нахимовым турецкому флоту, являлось очень своевременной общественно-политической акцией. В указанном библиографическом списке мы видим более 100 публикаций в газетах и «ненаучных» журналах: «Красный флот», «Красная звезда», «Пионерская правда», «Труд», «Советский воин», «Вечерний Ленинград», «Тихоокеанская вахта», «Флаг Родины», «Страж Балтики», «Блокнот Агитатора» и др.

УБРАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ

Если в советский период мы видим ярко выраженную положительную динамику популярности Нахимова, то в дореволюционный период картина была более сложной. Общественность

безоговорочно считала его «славой России», а вот в правительственных кругах любовь народа к демократичному адмиралу вызывала настороженность. Это проявилось в борьбе вокруг сюжетов знаменитой панорамы Ф.Рубо «Штурм 6 июня 1855 года». Комитет по подготовке 50-летнего юбилея осады предложил соединить в одно целое три события: бомбардировку и попытку штурма Севастополя 5 октября 1854 года; штурм на участке от Докова оврага до рейда 6 июня 1855 года; бой на участке 3-го и 4-го бастионов 27 августа 1855 года. Более того, «Комитет по восстановлению и строительству памятников обороны Севастополя», выступавший

заказчиком панорамы, высказался за то, чтобы на полотне был представлен император Николай I и главнокомандующий в Крыму М.Д.Горчаков. Как известно, в день штурма оба эти лица находились далеко от Севастополя, и их появление на картине выглядело бы нелепым со всех точек зрения, кроме точки зрения исторически-верноподданнической. Более того, чиновникам показалась «лишней» фигура Нахимова. Однако, как сказано в монографии о творчестве известного баталиста, «Рубо, как и Верещагин, упорно защищал свои демократические убеждения. Он отказался изобразить в панораме царя Николая I и записать фигуру адмирала Нахимова, бывшего душой обороны. Стараясь передать народный характер Севастопольской эпопеи, художник не ставил своей задачей выделить образы командующих сражением. Изображая лучших русских полководцев (адмирала Нахимова, генерала Хрулева, начальника пехоты Юферова), живописец помещает их фигуры на втором плане, то есть отводит им такое же место, как и рядовым участникам обороны»³².

Сам художник отказался от изображения на полотне разновременных событий севастопольской обороны, а вполне обоснованно выбрал для составления композиции штурм 6 июня 1855 г., блистательно отбитый защитниками города. Тогда в защиту позиции комитета, во главе которого стоял не кто-нибудь, а сам великий князь Михаил Николаевич, выступил известный журналист В.Кривенко. Статья в «Русском инвалиде» – официозе Военного ведомства – начинается реверансами в адрес комитета по подготовке севастопольского юбилея. Главный сюжет полотна в ней охарактеризован так: «6 июня 1855 года страшная судорога раненого героя-гиганта. Это – блестящий эпизод в многотомной боевой хронике русских войск». Далее идет сдержанная похвала в адрес Рубо, в которой очень подозрительными выглядят упоминания об иностранных корнях баталиста, за которыми следует следующий выпад: несмотря на все старания художника, его работой «...вряд ли ...можно удовлетвориться. Ведь панорама должна изобразить самые жизненные, самые характерные моменты севастопольской обороны... Самое правдивое изображение победоносного отбития штурма совершенно не в том свете представляет севастопольское сидение, которое стало знаменитым на весь мир и особенно дорого русскому сердцу...» Далее Кривенко попытался поссорить Рубо с моряками: «...Блистательный эпизод 6-го июня с геройской защитой батареи Жерве не дает сколько-нибудь верное представление о наших моряках, о незабвенном Нахимове. Самый Сева-

³² Федорова О.В. Франц Рубо. М., 1982. С.81.

стополь отодвинулся, как подробность, вдаль. Не видно всего того, чем особенно славна была защита». В заключение журналист фактически обвинил автора панорамы в недостаточном знании истории³³.

В поддержку позиции Рубо выступил военный историк А.М.Зайончковский, не побоявшийся выступить против высокого начальства. Прежде всего он напомнил, что речь идет о панораме, которая предполагает обзор с какой-то точки. В данном случае выбор Малахова кургана является обоснованным. Столь же оправданным назвал Зайончковский и выбор изображаемого события: «Штурм 6-го июня наиболее подходящий... Трудно подыскать другой эпизод для освещения героизма черноморских моряков. На первом плане панорамы действующими лицами являются моряки: Керн, Юрковский, Жерве, Перелешин и много командиров батарей, а также половина артиллерийской прислуги; на батарее Жерве в схватке Севской роты (рота Севского пехотного полка. – В.Л.) также участвовали моряки; с устья Килен-балки действовало шесть наших пароходо-фрегат. И все это будет в панораме перед глазами зрителей, причем Керн, Юрковский, Жерве и некоторые другие будут изображены по существующим портретам. Правда, не удалось поместить П.С.Нахимова, но... он каждому посетителю Севастополя напомнит о себе своей фигурой, стоящей в центре современного Севастополя на Екатерининской площади»³⁴. В конечном итоге Ф.Рубо пришлось согласиться на компромисс: художник «записал» Нахимова и нескольких солдат на первом плане, но наотрез отказался «приклеивать» покойного царя и незадачливого главнокомандующего. В 1926 г. во время реставрации панорамы ученики Рубо М.Б.Греков и М.И.Авилов восстановили ее первоначальный вид. При бомбежке Севастополя в 1942 г. и при эвакуации из осажденного города полотно сильно пострадало, значительная часть его была утрачена. При восстановлении панорамы реставрационной группой во главе с В.Н.Яковлевым, а после его кончины – П.П.Соколовым-Скала (оба академики живописи) в послевоенные годы творение Франца Рубо опять ощутило на себе «веяние времени». Как пишет об этом О.В.Федорова, реставраторы получили «...право более свободно трактовать отдельные эпизоды, вносить определенные изменения в изображение некоторых сцен.

В процессе работы над созданием копии были заново написаны важные для раскрытия содержания образы: известного русского хирурга

³³ Кривенко В.С. Севастопольская панорама // *Русский инвалид*. 1902. 20 января. №17.

³⁴ Зайончковский А. К «Севастопольской панораме» // *Русский инвалид*. 1902. 22 января. №18.

Н.И.Пирогова на перевязочном пункте, прославленных разведчиков матроса Петра Кошки и солдата Федора Заики и некоторые другие.

...На лицах полтавцев, стоящих в резерве, – спокойствие и уверенность в победе. Энергия и решимость выражены в позе адмирала Нахимова, руководящего отражением штурма»³⁵.

Еще одним доказательством и одновременно средством утверждения Нахимова в пантеоне отечественной воинской славы стало помещение имени этого адмирала на борту кораблей. Начало традиции увековечивать так память о победах и героях восходит к эпохе Петра Великого. Первым российским кораблем, носившим боевое имя, был фрегат «Шлиссельбург», заложенный через год после взятия в 1702 году шведской крепости Нотебург, переименованной по указу Петра I в Ключгород. Вскоре после взятия крепостей Дерпт, Рига, Иван-город, Нарва, Выборг, Дербент в составе Балтийского флота появились корабли с соответствующими названиями. Это были своеобразные медали, выбитые в честь этих побед. Приказ по Морскому ведомству от 19 октября 1913 года о спуске дредноута «Императрица Мария» гласил: «...считаю своим долгом напомнить, что только что спущенный корабль носит славное имя двух кораблей, оставивших в истории нашего флота неизгладимо-блестящую память. Боевые подвиги этих кораблей под Варной, Сизополем, Ахиолло и Синопский бой доказали беззаветную храбрость черноморцев, а победа над самым сильным и беспощадным врагом – морем – парусного корабля "Императрица Мария" в дни жестокого шторма с 4 по 6 октября 1828 года навсегда останутся доказательством бесподобного знания этими моряками своей трудной и тяжелой службы.

Славное минувшее прошлое парусных кораблей, одноименных со спущенным, бессмертные подвиги их экипажей – наших отошедших в вечность товарищей-моряков – да будет нам вечно памятным заветом исполнять наш долг перед царем и родиной, умело и безупречно, как в мирное время, так и в дни военных испытаний...». До Крымской войны памятные имена кораблей напоминали о победах на море и на суше, а во второй половине XIX столетия такой чести были удостоены и военачальники.

Одной из характерных черт постсоветской России было возвращение прежних «некоммунистических» названий, что являлось ликвидацией символики прежнего режима. Четыре атомных ракетных крейсера – «Киров», «Фрунзе», «Калинин», «Юрий Андропов» – в 1992 году были

³⁵ Федорова О.В. Указ. соч. С.87; 80.

переименованы в «Адмирал Ушаков», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Нахимов», «Петр Великий».

Н.А.Берг в своих воспоминаниях о Крымской войне писал: «Ни одни похороны не справлялись в Севастополе так, как похороны Нахимова. Он привлек сердца всех. О нем говорили, страдали и плакали не только мы на холмах, орошенных его кровью, но и везде, во всех отдаленных уголках бесконечной России. Вот где его Синопская победа!»³⁶

Мемуарист не мог знать, что Нахимову предстоит одержать еще одну великую победу – победу над неумолимым временем, которое стирает даже вырубленные на камне письма. Имя же великого адмирала прочно остается одним из символов национальной памяти и национальной гордости.

Нахимов был фигурой первой величины в военном пантеоне России царской, он же одним из первых был включен в военный пантеон России советской. Не подвергся ревизии его героический образ и в конце XX столетия, когда переоценка исторического опыта во многих случаях принимала вид шельмования прежних кумиров.

Народная память пристрастна. Одни фигуры, известные каждому современнику при жизни, становятся достоянием прошлого вместе с уходом этих современников в мир иной. В следующей паре поколений их знают только те, для кого они важная часть их семейного или корпоративного исторического мифа. Если этот миф угасает или трансформируется настолько, что некогда видный деятель оказывается лишним, его имя становится достоянием историков, подобно тому как изящная, но безнадежно испорченная или безнадежно старомодная вещица оказывается в поле зрения старьевщиков или коллекционеров. Другие фигуры, занимавшие внимание общества при жизни, не исчезают из поля зрения последующих поколений, закрепляются в памяти нации, их образы становятся символами важных событий в жизни государства. Разумеется, для того, чтобы утвердиться в памяти нации, необходимо совершить деяния, которым эта нация даст высокую оценку. Но сами по себе выдающиеся заслуги перед отечеством – вовсе не гарантированный пропуск в бессмертие. Нужна еще удача, «благоприятное расположение звезд», под которым подразумевается совпадение целого ряда факторов – идеологических, политических, социокультурных и т.д. Именно такая удача сопутствовала адмиралу Павлу Степановичу Нахимову (1802–1855) – герою обороны Севастополя в 1854–1855 годах и победителю в морском сражении с турецким флотом при Синопе (1853).

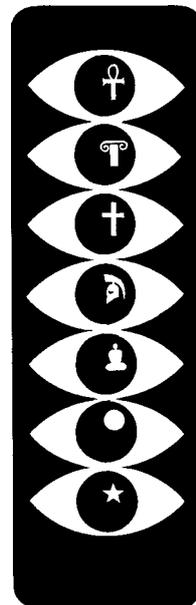
³⁶ Берг Н. *Записки об осаде Севастополя. М., 1858. Т.1. С.218–224.*

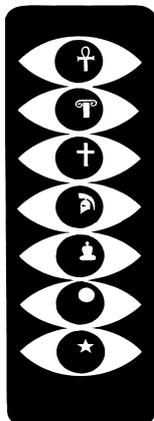
Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать прошлое... значит, не понимать настоящее.

Джавахарлал Неру

Что такое человек, можно узнать не
путем размышлений над самим
собой и даже не посредством
психологических экспериментов,
а только лишь из истории.

Вильгельм Дильтей

Нина Хайлова

**«СМОТРЕТЬ НА ПОХОД
ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА
ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА»¹:**

**А.А.КОРНИЛОВ И М.М.КОВАЛЕВСКИЙ
О ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

The author notes an interrelation between scientific views of A.A.Kornilov and M.M.Kovalevski and their political stance as centrist liberals. The peculiar trait of the centrist concept of Russia reorganization is the substantiation of necessity to retain the historical continuity in the process of transformation. Ideologues of liberal centrism shared the understanding of danger that was result of their general approach to history and their refusal to put up with falsification of history. The article reflects position taken by Kornilov and Kovalevski on a range of issues that moved in the focus of public attention due to celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812. These issues included appraisal of Alexander I personality and policies, appraisal of M.M.Speranski's activities, the Continental Blockade's consequences for Russia, impact of events occurred between the Treaties of Tilsit and Napoleon's army invasion into Russia on results of the Patriotic War of 1812 and the impact of this war on public thought development, preparation to abolition of the serfdom and its actual abolition.

Ключевые слова: А.А.Корнилов; М.М.Ковалевский; празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.; критика «нового взгляда» на героев и события 1812 г.; Александр I; М.М.Сперанский.

Key words: A.A.Kornilov; M.M.Kovalevski; celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812; criticism of "the new view" on heroes and events of 1812; Alexander I; M.M.Speranski.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00168а.

**100-ЛЕТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1812 ГОДА:
ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА**

Празднование векового юбилея Отечественной войны 1812 года, происшедшее в разгар подготовки к 300-летию Дома Романовых, совпало также с выборами в IV Государственную думу и началом ее работы в ноябре 1912

года. В который раз подтвердилась известная закономерность – стремление различных политических сил к актуализации очередной «красной даты» календаря с целью упрочения собственных позиций путем создания новых исторических мифов. Следствием данной ситуации стало обилие литературы преимущественно двух видов: с одной стороны, «шумливно-националистической макулатуры», а с другой, – изданий, отличавшихся «легкомысленной и ни на чем не основанной переоценкой всех ценностей»². В то же время расширение источниковой базы обусловило появление ряда значительных работ по юбилейной проблематике³.

Крупным научным событием явилась публикация труда А.А.Корнилова⁴, известного ученого и политика. Видный деятель Конституционно-демократической партии, он занимал в ней особую, центристскую, позицию («чувствовал себя как раз посередине комитета»⁵). Либералом-центристом был и другой историк – М.М.Ковалевский, избравший со своими единомышленниками путь партийного «самостояния». Он стал одним из лидеров центристского течения в

А.А.Корнилов

² Бороздин И. Исторические заметки. 1812 год в юбилейной литературе // Современник. 1912. №10. С.354, 361.

³ См.: Кизеветтер А.А. Александр I и Аракчеев // Русская мысль. 1911. №2; Его же. Граф Ф.В.Ростопчин // Там же. 1912. №12; Любович Н.Н. Варшава в 1812 году. Варшава, 1913; Отечественная война и русское общество / Под ред. А.К.Дживилегова, С.П.Мельгунова, В.И.Пичеты. М., 1912. Т.1–7; Тарле Е.В. Континентальная блокада. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913; и др.

⁴ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1912–1914. Ч.1–3.

⁵ Цит. по: Ульянова Л.В. Корнилов Александр Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С.470.

русском либерализме, которое, не вписываясь в кадетские и октябристские рамки, «отливалось» в собственные организационные формы (Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Партия прогрессистов и др.). Наряду с Ковалевским, многие идеологи либерального центризма известны как глубокие знатоки истории (М.М.Стасюлевич, К.К.Арсеньев, А.И.Чупров, И.И.Иванюков, А.С.Посников, В.Ю.Скалон, П.Б.Струве, А.М.Рыкачев и др.).

**ЛИБЕРАЛЫ-ЦЕНТРИСТЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ –
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!**

Примечательно, что между их исторической концепцией и взглядами на переустройство России не было «зазора», напротив, существовало своего рода взаимопритяжение⁶. Сохранение в процессе преобразований

исторической преемственности было для либералов-центристов равнозначно здравому смыслу. Отсюда – неприятие ими либерального доктринерства, приверженность идее обновления государства в тесной связи с его укреплением, глубокая эмоциональная отзывчивость на народные нужды, отстаивание идеи свободы в сочетании с социальной справедливостью. Такой настрой определял и тактические принципы либералов-центристов. Являясь сторонниками постепенных преобразований – путем компромисса между представителями разных интересов, укрепления общественной солидарности и доверия, – они понимали, что опасны любые попытки «опередить» историю, а разрывы исторической ткани затрудняют процесс утверждения либеральных ценностей. Рассматривая искреннее чувство патриотизма и глубокое понимание истории как важнейшие стимулы реформ и «слагаемые» их успеха, либералы-центристы считали своей важной задачей противостояние попыткам фальсификации истории.

⁶ Под влиянием идей «старого» либерализма, заложившего основы либерального центризма, сформировался и лидер кадетской партии П.Н.Миллюков. Однако впоследствии он политически отделился от этого течения, а его концепция преобразования России в начале XX в. имела ряд существенных расхождений с им же описанной историей страны – самобытной, не «укладывающейся» в европейское «русло». Политическое мышление Миллюкова отличалось схематизмом, а тактические установки – «размытостью» границ допустимых методов политической борьбы, отказом от безоговорочного осуждения насилия и террора. В натуре Миллюкова политик «одержал верх» над историком. Представляется, что именно здесь можно видеть корень расхождения между либералами-центристами и руководителем кадетской партии.

«СМОТРЕ НА ПОХОД ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА...»

В связи с этим характерна их реакция на ряд юбилейных торжеств начала 1910-х годов, в т.ч. 100-летие Отечественной войны. Заметим, что военная история всегда особо волновала и Корнилова, и Ковалевского. Оба потомки адмиралов – героев Крымской войны: один – Корнилова, другой – Нахимова⁷. Что касается Ковалевского, то с личными переживаниями для него была связана и война 1812 года. Дело в том, что его отец служил прапорщиком в армии М.И.Кутузова, участвовал в заграничном походе русской армии, дважды побывав тогда в Париже (1813, 1814). Выйдя в отставку в звании полковника, он в течение нескольких десятилетий исполнял обязанности предводителя дворянства. По словам Максима Максимовича, до конца жизни его отец относился к Александру I «с умилением», а в семье всегда чттили годовщины этой победы и ветеранов-соратников Ковалевского-старшего⁸.

М.М.Ковалевский

А.А.КОРНИЛОВ: «СЛЕДУЕТ УПОМЯНУТЬ... НЕБОЛЬШУЮ КНИЖЕЧКУ ГГ. Ю.КАРЦОВА И К.ВОЕНСКОГО...»

В год очередных юбилейных торжеств Корнилов и Ковалевский пытались противостоять политизации истории в русле «нового взгляда» на героев и события 1812 года, «санкционированного» верховной властью. Поводом для критики Корнилова послужила, в частности, книга Ю.С.Карцова и К.А.Военского «Причины войны 1812 года» (СПб., 1911). По словам А.А.Корнилова, она не была основана на изучении архивного материала, содержала «ошибки и опрометчивые суждения, свидетельствующие о недостаточном знакомстве ее авторов с историей того времени»⁹. Вместе с тем, небольшая по объему, написанная легко и

В год очередных юбилейных торжеств Корнилов и Ковалевский пытались противостоять политизации истории в русле «нового взгляда» на героев и события 1812 года, «санкционированного» верховной властью.

⁷ Бабушка Ковалевского по отцовской линии была близкой родственницей П.С.Нахимова (Ковалевский М.М. *Моя жизнь: Воспоминания*. М., 2005. С.50).

⁸ Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С.51, 56; *Его же. 1812-ый год // Вестник Европы*. 1912. №7. С.223.

⁹ Корнилов А.А. *К характеристике юбилейной литературы об Отечественной войне // Русская мысль*. 1913. №1. С.44.

доступно, «по внешнему характеру» книга произвела на многих, в том числе некоторых профессиональных историков, впечатление оригинального исследования и быстро завоевала популярность.

Корнилов обращал внимание на проявления новой тенденции в этой книге. Прежде всего, это стремление изобразить Александра «человеком слабовольным, неустойчивым и легко поддававшимся посторонним влияниям»¹⁰. Отсюда делался вывод об огромном влиянии на него Лагарпа, внушившего Александру необходимость осуществить в России требование «универсальной доктрины», то есть либерально-демократической идеи – чуждой России. «Они стараются при этом всячески очернить Лагарпа и унижить личность и достоинства Сперанского, не останавливаясь даже перед заподозрением его в подкупности, причем выражают предположение, что биограф его, барон Корф, не посмел обвинить его в этом из страха перед петербургскими радикалами [18]60-х годов», – замечал Корнилов.

**А.А.КОРНИЛОВ: «КАК БУДТО
ЭТО РУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ
ПОБЕДИЛ НАПОЛЕОНА!»**

А кто же «спасители Отечества»? На эту роль в новом историческом мифе выдвигались Н.М.Карамзин, Г.Р.Державин, Ф.В.Ростопчин. Они провозглашались «лучшими умами Александрова времени»¹¹. В более широком смысле в качестве спасителя Отечества рассматривалось дворянство, «которое не допустило торжества либерально-демократической доктрины и победило императора-доктринера, так что ему пришлось после Тильзита "поехать в Каноссу"¹², т.е. в Москву (в 1809 г.), под угрозой потери трона (!), и там во всем уступить дворянству, которое после того

¹⁰ Корнилов А.А. *Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. №11. С.106.*

¹¹ Корнилов А.А. *К характеристике юбилейной литературы... С.44–45.*

¹² Корнилов использует известное выражение, означающее акт покаяния и покорности, чтобы подчеркнуть вынужденный (под давлением дворянства) отказ Александра I от реализации в полном объеме им самим инициированного и одобренного Плана государственного преобразования России. Данный проект, основанный на передовых идеях (принцип разделения властей, выборный путь формирования законодательных, исполнительных и судебных органов, предоставление всему населению гражданских прав) был подготовлен М.М.Сперанским и представлен императору в октябре 1809 г. Впоследствии документ был реализован лишь частично (введение Государственного совета, завершение министерской реформы).

его поддержало в борьбе с Наполеоном, благодаря чему последний был побежден, несмотря на свой гений».

Так в сжатом виде излагал Корнилов новейшую концепцию событий 1812 года, в которой «красной нитью» проводилась мысль о том, что «русский государственный строй оказался тогда достаточно прочным, чтобы победить Наполеона». «Как будто это русский государственный строй победил его!» – восклицал историк.

Корнилов выступил также с разоблачением нового взгляда на значение континентальной системы для России, согласно которому она была «безвредна и даже чуть ли не полезна с точки зрения интересов народных масс»¹³. По словам историка, в период континентальной блокады до основания были потрясены все устои экономической и общественной жизни России, в связи с чем именно тогда началось разорение дворянских имений во внутренних и западных губерниях, а также зародилось «сознательное недовольство общества правительством»: «между дворянством и Александром образовалась глубокая рознь и то взаимное недоверие, которое быстро росло и развивалось впоследствии»¹⁴.

¹³ Корнилов А.А. *К характеристике юбилейной литературы...* С.45. – Характеризуя взгляды Карцова и Военского, Корнилов, в частности, отмечал их стремление доказать, что «для провинциальных помещиков и крестьян было выгодно продавать лен (и др. продукты), повысившиеся (?) в цене ВДВОЕ, если считать на ассигнации, несмотря на то, что курс этих последних на серебро упал ВЧЕТВЕРО ибо, – говорят они, – по обязательствам своим ведь эти помещики расплачивались не голландскими штиверами, а теми же ассигнациями. При этом авторы упускают из виду, что благодаря чрезвычайному падению курса все товары – за исключением лишь тех, которые потеряли спрос за утратой английского рынка, – повысились в цене (на ассигнации) не в два, а в четыре раза, и, следовательно, даже и те, кто не покупал вздорожавших еще гораздо больше колониальных товаров, терпели от этой дороговизны; помещики же терпели и оттого, что их товары просто лежали без движения, и, если бы континентальная система продолжалась еще некоторое время, они разорились бы окончательно; разорение же помещиков при крепостном праве не могло не отражаться на спинах крестьян, да скоро это и сказалось в сильном повышении оброков именно после 1809–1810 гг. Авторы упускают также совершенно из вида отчаянное положение беднейших городских жителей и в особенности лиц, живших постоянным заработком, который выплачивался им ассигнациями. Seriously утверждая, что континентальная система вредила лишь богатым людям и крупным купцам, ведшим иностранную торговлю, гг. Военский и Карцев дают совершенно искаженное изображение финансового плана Сперанского, стараясь уверить читателей, что он выработал его под влиянием главным образом крупных иностранных торговцев, с которыми будто бы являлся» (Там же).

¹⁴ Корнилов А.А. *Эпоха Отечественной войны и ее значение...* С.133.

М.М.КОВАЛЕВСКИЙ: «ЕДВА ЛИ АЛЕКСАНДР I БЫЛ... МЯГКОЙ, НЕРЕШИТЕЛЬНОЙ И МУЧИМОЙ РАСКАЯНИЕМ ЛИЧНОСТЬЮ...» Что же было на самом деле? Корнилов и Ковалевский прежде всего обращали внимание на необходимость адекватного понимания личных свойств Александра I как «одного из главных действующих лиц в великой исторической драме его времени»¹⁵. Во-первых, историки выступали против одномерной характеристики императора и его политики. Они замечали такой подход не только в публикациях, претендующих на научность, но и в художественной литературе. Ковалевский, в частности, склонялся к тому, что «едва ли Александр I был той мягкой, нерешительной и мучимой раскаянием личностью, какой рисует его нам Мережковский»¹⁶. Личность императора сложная и противоречивая, но ни о какой слабовольности и т.п. не может быть и речи, – настаивали и Корнилов, и Ковалевский. «Император Александр умел с упорством достигать поставленных им себе целей и в сущности никогда и ничьему влиянию не поддавался, а на сотрудников своих, несмотря на вообще гуманные и любезные отношения к людям, всегда смотрел лишь как на орудия для достижения поставленных себе государственных или мировых целей». Корнилов также отмечал в характере императора усилившиеся с годами «скрытность, уклончивость и в особенности умение артистически играть роль» – качества, сбивавшие с толку и вводившие в заблуждение большинство современников и историков¹⁷.

Особенно волновал и Корнилова, и Ковалевского вопрос о том, что двигало императором при проведении им либеральных реформ? Они признавали роль Лагарпа как наставника Александра I, иностранное происхождение «либеральных мечтаний» императора, но вместе с тем не были склонны переоценивать роль «внешнего» фактора. Корнилов, в частности, придавал особое значение свойствам личности самого государя – его расположенности к «мечтательной любви к отвлеченной гуманной идее». Более того, Корнилов считал, что в мечтах императора «об благодетельствовании своего отечества» «не было, по-видимому, простого непосредственного патриотического чувства, непосредственной физиологической любви к родине, а было именно чисто *идейное* увлечение»: «Александр никогда не был патриотом в прямом и обычном смысле этого слова – ни тогда, когда он стремился осчастливить

¹⁵ Там же. С.107.

¹⁶ Ковалевский М.М. *Моя жизнь...* С.250.

¹⁷ Корнилов А.А. *Эпоха Отечественной войны и ее значение...* С.106.

Россию рядом органических преобразований ее социального и политического строя, ни тогда, когда он во главе русского народа смело и твердо принимал на себя борьбу с Наполеоном и приведенными им полчищами»¹⁸.

На первый взгляд, данная трактовка взглядов Александра I не вызвала возражений и у Ковалевского. Вместе с тем последний полагал, что нельзя сбрасывать со счетов и убеждения императора, выросшие на почве его знакомства с историей России. Это, прежде всего, «отрицательное отношение Александра I к всемогущей бюрократии, царствовавшей в России в течение всего XVIII столетия, дурные последствия управления которой признавались уже Екатериной II»¹⁹. Ковалевский ссылаясь и на Адама Чарторыйского, который характеризовал умонастроение Александра I, в общем, с тех же позиций, что и Корнилов. Как известно, Чарторыйский называл замыслы императора «политическими воздушными замками».

**М.М.КОВАЛЕВСКИЙ: РЕФОРМЫ
АЛЕКСАНДРА I – «ПЕРВЫЙ
ШАГ К ОБЩЕЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ
ИМПЕРИИ НА ЛИБЕРАЛЬНЫХ
НАЧАЛАХ»**

Однако, несмотря на ироничный оттенок характеристик, данных Александру I и современником, и коллегой-историком, Ковалевский считал совершенно исключительной заслугой императора именно то, что он «в течение наилучшей и наиболее достойной части своего царствования» настойчиво и целеустремленно занимался подведением фундамента под свои т.н. «воздушные замки». «Этим мечтам, – пишет Ковалевский, – великое герцогство Варшавское обязано своею свободной конституцией... Они же должны рассматриваться как отправная точка ряда политических реформ, которые медленно готовили полное изменение в условиях внутренней жизни России»²⁰. Расценивая реформы Александра I как «первый шаг к общей перестройке империи на либеральных началах», Ковалевский выражал уверенность в том, что точное соблюдение дарованных императором юридических норм «могло бы бесспорно положить предел безграничной власти царского произвола или, скорее, министерского деспотизма»²¹.

¹⁸ Там же. С.107–108.

¹⁹ Ковалевский М.М. *Очерки по истории политических учреждений России* // Ковалевский М.М. *Избранные труды*. М., 2010. Ч.1. С.281.

²⁰ Там же. С.280–281.

²¹ Там же. С.281–282.

**М.М.КОВАЛЕВСКИЙ:
ИЗ-ЗА ВОЙНЫ 1812 Г. «НЕ
ОСТАВАЛОСЬ ВРЕМЕНИ ДЛЯ
СОЗЫВА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ
СОБРАНИЙ»**

По мнению исследователя, шанс оказался упущенным не только из-за сопротивления «реакционной партии», но, прежде всего, из-за внешних препятствий, связанных с вовлечением России в наполеоновские войны, а впоследствии – с необходимостью мобилизации сил на защиту от иностранного вторжения. «Война за национальное существование России... до такой степени поглощала все материальные и духовные силы империи, что не оставалось времени для созыва представительных собраний»²². По словам Ковалевского, и после победы над Наполеоном, когда у России вновь появилась «возможность обратиться к своему внутреннему развитию, новые препятствия, исходящие из-за границы, – точнее реакционный дух, характеризовавший Священный Союз, – еще раз остановили либеральные стремления царя... Александр, неоднократно посвящавший не только своих советников и министров, но даже и иностранных посетителей, как госпожу де Сталь, в свой план конституционного устройства России, отложил исполнение этого плана на неопределенный срок»²³.

**А.А.КОРНИЛОВ: «ШАНСЫ
НАПОЛЕОНА СТАЛИ ПАДАТЬ
С САМОГО ВСТУПЛЕНИЯ ЕГО
В РОССИЮ...»**

Анализируя события войны 1812 года, Корнилов и Ковалевский придавали особое значение периоду между Тильзитским миром и вторжением французской армии в Россию. По их мнению, в эти годы Александр I оказался в роли «не столько союзника и друга, сколько вынужденного сообщника и пособника Наполеона»²⁴. Хозяйство страны разорялось, а недовольство императором нарастало. Вместе с тем оба историка обращают внимание на обратную сторону тяжелой ситуации в стране в этот период, которую можно охарактеризовать русской поговоркой – «нет худа без добра». По словам Корнилова, именно тяжкий урон, нанесенный российской экономике еще до 1812 г., породил и разжег народную ненависть к Наполеону, явившись впоследствии одним из важных факторов, подготовивших его поражение в России. Историк подчеркивал и неоднозначные последствия для страны череды

²² Там же. С.383.

²³ Там же. С.281, 383

²⁴ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С.126.

«СМОТЯ НА ПОХОД ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА...»

войн: 1805 и 1806–1807 гг. с Францией, 1806–1812 гг. – с Турцией, 1808–1809 гг. – со Швецией. Разоряя Россию, они в то же время закаляли русскую армию, подготовили ее к «грандиозной войне 1812 года»²⁵. «Теперь, смотря на поход двенадцатого года глазами историка, читая мемуары участников великой армии, – приходил к выводу Корнилов, – легко видеть, что шансы Наполеона стали падать с самого вступления его в Россию и падали все время безостановочно; но современники поняли это далеко не сразу»²⁶.

М.М.КОВАЛЕВСКИЙ: МЫ ВИДИМ В ПРОШЛОМ ЗАЛОГ «СТОЙКОСТИ В ОТСТАИВАНИИ НАШЕГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ВСЯКИХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ВРАГОВ»

Характеризуя Александра I как политического деятеля, Ковалевский высоко ценил его политическую волю, упорство. По словам историка, эти качества определяли не только настойчивость императора в проведении либеральных реформ в начале правления,

но также обеспечили русскому императору «вечную славу», т.к. он отклонял и до, и после занятия Москвы Наполеоном все предложения вступить в переговоры с неприятелем²⁷. «Мы с гордостью смотрим на прошлое и видим в нем залог такой же стойкости в отстаивании нашего самоопределения против всяких внутренних и внешних врагов, каких может поставить нам ближайшее или отдаленное будущее», – писал Ковалевский в 1912 году. На примере Александра I историк подчеркивал также важность для главы государства доверия к своему народу, что в 1812 году породило ответную реакцию и явилось залогом победы.

Вместе с тем иронией наполнены слова Ковалевского об императоре, оповестившем страну об окончании Отечественной войны в особом Манифесте (25 декабря 1812 г.): «Многие ждали манифеста об освобождении крестьян, в благодарность за изгнание французов; но в манифесте не были забыты милостями другие сословия, а о крестьянах было сказано, что их заслуги пред отечеством так велики, что они получают "мзду свою от Бо-

²⁵ Там же. С.133.

²⁶ Там же. С.138.

²⁷ Ковалевский М.М. 1812-ый год... С.223. –Упорство Александра I объяснялось вовсе не «кознями Англии», как считали французы. Получив известие об оставлении Москвы, – пишет Ковалевский, – император «поручил полковнику Мишио, сообщившему ему об этом, повторять всюду следующее: "Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить"» (Там же).

га"»²⁸. Но еще более резко высказался Ковалевский в адрес Александра I, санкционировавшего отставку и ссылку Сперанского, которого, в свою очередь, Ковалевский считал гениальным государственным деятелем – «истинно проникательным», «безукоризненно чистых намерений», «бесспорной честности». По словам историка, нельзя ничем оправдать «глубочайшее лицемерие поведения императора по отношению к человеку, который был только выразителем его собственной воли»²⁹.

**А.А.КОРНИЛОВ:
ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ 1812 Г.
«ПРИБЛИЗИЛИ ПОЛНУЮ
ЛИКВИДАЦИЮ ГЛАВНОГО ЗЛА
ТОГДАШНЕЙ ЖИЗНИ –
КРЕПОСТНОГО ПРАВА...»**

Важнейшим последствием эпохи наполеоновских войн для России Корнилов и Ковалевский считали ускорение движения в сторону «полной ликвидации главного зла тогдашней жизни – крепостного права и крепостного строя». В связи с этим

они подчеркивали, прежде всего, огромную роль экономических факторов, порожденных эпохой наполеоновских войн, имея в виду «потрясение и разорение дворянских имений и помещичьих хозяйств»³⁰.

Кроме того, они обращали внимание на важность идейных и нравственных последствий наполеоновских войн. Прежде всего, это «общий подъем народного самосознания», небывалый со времен 1612 года, способствовавший осознанию крепостным крестьянством «неправомерности и ненормальности своего рабского крепостного состояния, уничтожавшего в обыкновенное мирное время всякую прямую связь его с государством». Корнилов замечал также, что «...значительная часть народа побывала в 1813–1815 гг. в чужих краях, а некоторая часть (30.000 человек) оставалась там... в составе оккупационного корпуса Воронцова до 1818 года. Этого времени было достаточно, чтобы разглядеть разницу того социального строя, который существовал в свободных странах Западной Европы, от того, который существовал в то время в крепостной России. Ознакомление с гражданскими порядками послереволюционной Франции, с преданиями и идеями великой революции, с брожением умов, господствовавшим в тот момент в возрождавшейся и обновлявшейся Германии, – все это не могло, конечно, пройти бесследно не только для образованных и более подготовленных к восприятию

²⁸ Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России... С.137.

²⁹ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России... С.282, 286, 287.

³⁰ Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С.149, 150.

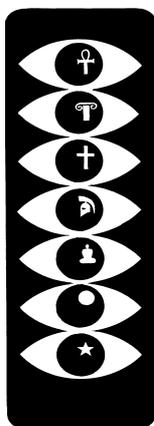
таких впечатлений офицеров русской армии, но в значительной мере и для сколько-нибудь вдумчивых и смысленных нижних чинов».

Корнилов и Ковалевский были убеждены в том, что проявившийся в ту пору в русском обществе «огромный запас светлых идей и новых поразительных впечатлений» определил движение декабристов³¹. «И хотя восстание 14 декабря 1825 г. было беспощадно подавлено... – приходил к выводу Корнилов, – тем не менее идеи, в нем проявившиеся, не исчезли, а развивались среди русского общества даже в реакционное царствование Николая I». В результате отмена крепостного права стала неизбежной, причем именно на демократических основаниях, что, в свою очередь, послужило отправным пунктом «мощного развития и укрепления в русской жизни демократических начал»³². Ярko обнаружившись в эпоху реформ 1860-х годов, впоследствии либерально-демократические идеи не могли уже быть подавлены никакой реакцией, – свидетельствовал Александр Александрович, перекидывая мостик из эпохи Александра I через Великие реформы Александра II в начало XX столетия.

Таким образом, события накануне 1812 года и победа России в Отечественной войне являлись источником разнообразных впечатлений для Ковалевского и Корнилова. Они стремились донести до широких кругов историческую правду, основанную на тщательном изучении документов и, таким образом, сделать «прививку» общественному сознанию, защитив его от восприятия заведомо тенденциозных концепций. Испытывая непреходящую гордость за героическое прошлое страны, ученые, сыгравшие к тому же заметную роль в самоопределении центристского течения в русском либерализме, рассматривали реформы Александра I как одну из значимых вех в родословной российского либерализма, связанную с первым серьезным шансом вхождения России в либеральную цивилизацию. В опыте прошлого они видели ряд поучительных уроков для власти. Представляется, что данная Ковалевским и Корниловым трактовка событий, связанных с Отечественной войной 1812 года, адекватно отражала значение для России эпохи наполеоновских войн, а «высвеченная» ими актуальность темы сохраняется и в наши дни.

³¹ Там же. С.153–154. – Кстати, как считал Ковалевский, гораздо большее впечатление на последних («в смысле выработки их социальных и политических воззрений») произвело не пребывание за границей в рядах русской армии, а чтение – знакомство с трудами иностранных (преимущественно французских) авторов, причем еще в довоенные годы (Ковалевский М.М. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // Ковалевский М.М. Избранные труды. М., 2010. Ч.2. С.87).

³² Корнилов А.А. Эпоха Отечественной войны и ее значение... С.150, 154.

Сергей Нефедов

**О ПРЕДПОСЫЛКАХ
СТАЛИНСКОЙ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
631.1

The author analyzes preconditions of the Soviet collectivization as a process of the Western style modernization along the lines of American agrarian-industrial enterprises that emerged in the 1920s. Application of the most advanced machines (not just field engines but also combined harvesters invented at that times) lied at the bottom of these enterprises. The Soviet leaders perceived harvesters as a fundamental innovation that would prove advantages of collective farms and permit to send some 15 million redundant people from countryside to construction sites.

Ключевые слова: коллективизация; модернизация; агрофабрики; совхозы; трактор; комбайн; аграрное перенаселение; индустриализация.

Key words: collectivization; modernization; agrarian industrial enterprises; state farms; field engine; harvester; rural overpopulation; industrialization.

E-mail: hist1@yandex.ru

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал 11-11-66003а/У

Как отмечал один из создателей теории модернизации, С.Блэк, суть этого процесса заключалась в адаптации общества к последствиям промышленной революции². Русские марксисты (впрочем, так же как и либералы) изначально выступали как партия модернизаторов, которая «прославляла бога прогресса»³. В этой роли они были врагами традиционного общества и традиционного крестьянского образа жизни. «История отношений государства и крестьянства с момента революции 1917 г. – подчеркивает Л.Виола, – это история непрекращающейся борьбы двух культур. Коммунисты представляли... атеистическую, технологическую, детерминистскую и, по их понятиям, современную культуру, а крестьянство (с точки зрения коммунистов) представляло их противоположность, отрицание всего, что считалось современным»⁴.

Экономическая подоплека этого противостояния была очевидной. Современные машины и новые аграрные технологии могли применяться только в крупных хозяйствах, поэтому крестьянское parcelлярное хозяйство эпохи НЭПа было исторически обречено. Согласно теории модернизации, сельское общество должно было адаптироваться к новым технологиям и претерпеть коренные изменения – аграрную модернизацию. В теории аграрная модернизация была возможна как на базе государственно-кооперативных, так и на базе крупных фермерских хозяйств (вариант П.А.Столыпина), однако в последнем случае переход происходит постепенно и требует, по крайней мере, «двадцати лет покоя». Кроме того (как показала неудача заготовительных кампаний 1920-х годов) в этом варианте невозможна эксплуатация сельского хозяйства с целью извлечения ресурсов для индустриализации.

Решение о форсированной модернизации было predeterminedено исходящей от Запада военной опасностью. Промышленная революция дала Западу не только новую технику, но и новое оружие. Фундаментальные инновации в области военной техники всегда вызывают волну завоеваний⁵. Те общества, которые избежали завоевания, перед лицом

² Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. N.Y., 1966. P.7.

³ Виола Л. *Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления*. М., 2010. С.25.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее см.: Нефедов С.А. *Факторный анализ исторического процесса. История*

военной угрозы вынуждены спешно перенимать технику завоевателей и строить заводы, производящие эту технику. Военная угроза висела дамокловым мечом; атмосфера была насыщена ожиданиями войны, почти истерическим страхом перед неминуемым и близким нападением капиталистических держав⁶. В этой обстановке индустриализация, которая обычно была следствием, становилась причиной и самоцелью развития. «Либо мы сделаем это, – говорил И.В.Сталин, – либо нас сомнут»⁷.

Таким образом, постепенное движение «по пути прогресса» заменялось форсированной модернизацией. Требовалось быстро создать мощную, прежде всего военную, индустрию; нужно было строить заводы и промышленные города. Нужно было переместить миллионы работников из деревни в промышленность и обеспечить их хлебом. Для этого требовалось увеличить сельскохозяйственное производство, что при отсталой крестьянской агротехнике было невозможно без решительного вмешательства государства. Перемещение крестьян на заводы также было непростой проблемой: в период уборки урожая деревня испытывала недостаток рабочей силы. Деревня не могла отпустить миллионы работников в города, да сельчане в массе и не испытывали такого желания: хлеба и самогона было в достатке, а о чем-то большем они и не помышляли. Потребности крестьян были очень ограниченными, на уровне 20 пудов хлеба в год на душу. «Как только цель достигнута, – писал Л.Н.Литошенко, – 20 пудов хлеба и пара сапог обеспечены, стимулы к труду не только падают, но прямо исчезают, и крестьянин предпочитает целыми днями лежать на печи»⁸.

Единственное возможное решение проблемы перемещения работников из деревни в промышленность заключалось в механизации сельского хозяйства. Можно было решить проблему сезонной нехватки рабочих рук внедрением жаток на конной тяге, как это делалось на степном Юге еще до революции. Но большевики, как партия истинных модернизаторов, стремились к чему-то большему: они ориентировались на самые совершенные западные образцы. Что представляли собой эти образцы?

Востока. М., 2008. С.23–34.

⁶ *Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. С.49.*

⁷ *Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т.13. С.39.*

⁸ *Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С.432.*

О ПРЕПОСЫЛКАХ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Десятилетие, прошедшее после окончания Первой мировой войны, было временем *американской агротехнической революции*. Эта революция была связана с появлением тракторов и комбайнов. В 1901 году американские инженеры Харт и Парр создали первый трактор с бензиновым двигателем, в 1912 г. фирма «Холт» освоила выпуск гусеничных тракторов, и к 1920 году на американских фермах работало уже 200 тыс. тракторов. Трактор взял на себя не только полевые работы, его двигатель использовался для приведения в действие молотилок, косилок, мельниц и других сельскохозяйственных машин. Следующим шагом на пути аграрной механизации было создание зерноуборочного комбайна. Хотя первые комбайны с бензиновым двигателем появились в 1907 году, экономичная и надежная конструкция комбайнов была выработана только в 1920-х годах, и тогда же началось их массовое применение на полях Америки. В 1925–1928 годах количество комбайнов на Великих равнинах увеличилось в четыре раза и достигло 20 тысяч. По сравнению с конными жатками комбайн увеличивал производительность труда примерно в десять раз, сокращал потери при уборке и резко удешевлял производство зерна. Однако новая машина могла использоваться только в крупных хозяйствах; она не получила распространения в Европе, но широко применялась на просторах Америки и Австралии. К концу 1920-х годов в Аргентине комбайны убирали больше половины всех площадей, а в Австралии – 80%⁹.

Зерноуборочный комбайн стал символом американских «агрофабрик». «Масштабная механизированная фабрика-ферма стала образцом модерна в сельском хозяйстве», – констатирует М.Таугер¹⁰. Механизация сельского хозяйства означала, что отныне один сельскохозяйственный рабочий может получить продукцию, достаточную для прокормления пяти–десяти городских семей. Со временем это должно было привести к невиданным переменам в социальной структуре общества и к исчезновению крестьянства как социального класса. «Вряд ли в истории

⁹ Дмитриев Л.Д. К вопросу о применении жней-молотилок // Пути сельского хозяйства. 1929. №5. С.66–77.

¹⁰ Таугер М. Сталин, советское сельское хозяйство и коллективизация // Ежегодник 2000. 2007. №52. С.88.

агрономии можно указать такой крупный переворот в сельском хозяйстве... какой был сделан в США», – писал профессор А.Т.Кирсанов¹¹.

Самой знаменитой американской агрофабрикой стало хозяйство Томаса Кэмпбелла, основателя «Кэмпбелл фарминг корпорэйшн». Кэмпбелл происходил из потомственной фермерской семьи, после окончания Первой мировой войны он организовал в штате Монтана полностью механизированное производство зерна. У агрофабрики Кэмпбелла было 38 тысяч гектаров, полсотни тракторов и два десятка комбайнов. Однако при высоком уровне механизации хозяйство имело экстенсивный характер; урожайность была невысокой: всего лишь 7 ц/га, но использование тракторов и комбайнов позволяло получать очень дешевое зерно. Кэмпбелл сознательно экономил на агротехнических мероприятиях, он говорил, что «современное фермерство – это 90% механизации и 10% сельского хозяйства»¹².

Как любая *фундаментальная инновация*, механизация сельского хозяйства распространялась путем диффузии – это было неизбежным следствием общих закономерностей исторического процесса. В известной работе Е.В.Алексеевой показано, что инновации могут распространяться различными способами, в том числе и через личностные каналы¹³. В данном случае большую роль сыграла деятельность видного члена III Интернационала, американского коммуниста Гарольда Уэйра. Уэйр убедил американских филантропов послать тракторы в Советский Союз, где он со своими друзьями продемонстрировал советским руководителям и агрономам возможности новых машин. В Советском Союзе трактор был воспринят как средство, позволяющее продемонстрировать преимущества социализма. А.В.Чаянов писал, что «*советский аграрный социализм есть диктат государства на национализированных землях плюс американская техника (100-процентная механизация)*»¹⁴. Одним из инициаторов перенимания

¹¹ Кирсанов А. Т. *Что желать, что и как делать в области земледелия // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С.91.*

¹² Fitzgerald D. K. *Every Farm a Factory: the Industrial Ideal in American Agriculture. New Haven; L., 2003. P.152.*

¹³ Алексеева Е.В. *Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.*

¹⁴ Чаянов А. В. *К вопросу о проектировании крупных совхозов // Совхоз. М., 1930. №11. С.7*

О ПРЕПОСЫЛКАХ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

американского опыта был академик Н.М.Тулайков, который в 1927 году посвятил описанию хозяйства Кэмпбелла статью в журнале «Нижнее Поволжье». Когда в июле 1928 года пленум ЦК ВКП(б) обсуждал вопрос о создании новых совхозов, И.В.Сталин привел обширную цитату из этой статьи и настоял на том, чтобы создаваемые совхозы имели характер американских «агрофабрик»¹⁵. В январе 1929 года Т.Кэмпбелл был приглашен в Москву и удостоился самого радушного приема Сталина. Л.Троцкий саркастически отмечал, что Сталин пожимал американцу руку своими обеими руками и беседовал с капиталистом неприлично долго, всю ночь, до самой зари¹⁶.

В июле 1928 года было принято решение о создании «Зернотреста», который должен был объединить новые советские «зерновые фабрики». Уэйр уговорил известного агронома и менеджера Милбурна Уилсона создать технический проект для «зерновой фабрики». Проект был разработан Уилсоном, Уэйром и еще одним известным агрономом, Риггином, в декабре 1928 года в одном из отелей в Чикаго; он детально расписывал последовательность сельскохозяйственных работ, которые выполнялись тракторами и комбайнами. В качестве основного севооборота предлагалась модель с двумя полями озимой и яровой пшеницы и с обязательным паровым полем – модель, соответствующая обычному трехполью. В 1929 году Уилсон и Уэйр по мере возможности реализовали этот проект в образцово-показательном «Совхозе №2» неподалеку от Ростова-на-Дону. В этом совхозе функционировали курсы, на которых около тысячи советских агротехников перенимали американские методы ведения сельского хозяйства. Таким образом, американский проект «зерновой фабрики» предполагалось скопировать в более чем сотне совхозов Зернотреста¹⁷.

Когда в октябре 1929 года Уилсон вернулся в США, он в письмах своим коллегам выражал свое восхищение Советами за то, что они взяли за осуществление столь грандиозного проекта модернизации сельского хозяйства. Однако в отчете, предназначенном для Зернотреста,

(курсив мой. – С.Н.).

¹⁵ Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т.11. С.191.

¹⁶ Цит. по: Никулин А. «Ты теперь в совхозе!..» // Знамя. 2008. №10.

¹⁷ Fitzgerald D. *Blinded by Technology: American Agriculture in the Soviet Union, 1928–1932* // *Agricultural History*. 1996. Vol.70. №3. P.459–486.

Уилсон писал о многих недостатках в организации совхозов, об отсутствии исполнительской дисциплины, о недостаточном уходе за техникой, о своеволии работников, нарушавших предписания технического проекта. Проект Уилсона состоял из множества взаимосвязанных деталей и нарушения в одном пункте влекли за собой массу отрицательных последствий, которые должны были со временем проявиться¹⁸.

Создание совхозов было прелюдией коллективизации, первым шагом в модернизации сельского хозяйства. Вторым шагом должна была стать коллективизация: ведь колхозы, как крупные хозяйства, должны были обладать теми же преимуществами в отношении механизации, что и совхозы. Эта идея громко прозвучала в речи Сталина 27 декабря 1929 года, которая возвестила о начале массовой коллективизации. «Оптимизм Сталина (и не только его) в отношении данного проекта отличался некоей фанатичностью – отмечает М.Таугер, – ему, должно быть, казалось, что с помощью коллективизации советскому правительству удастся наконец разрешить давнее проклятие – так называемый крестьянский вопрос... У него была четкая уверенность в том, что применение американской технологии и организации ферм позволит легко преодолеть все трудности»¹⁹.

Таким образом, коллективизация была в значительной мере следствием американской агротехнической революции, следствием появления тракторов и зерноуборочных комбайнов. Трактор не только намного увеличивал производительность труда – он должен был показать крестьянам всю неизбежность перемен, показать всю бессмысленность сопротивления новому и увлечь молодежь на путь коллективизации.

Но для осуществления механизации сельского хозяйства требовались огромные расходы. По первому пятилетнему плану на строительство заводов, производящих машины для сельского хозяйства, выделялось более 234 млн. руб.; это составляло примерно 30% всех вложений в машиностроение. К концу пятилетки планировалось догнать США по выпуску сельхозмашин в расчете на площадь посева²⁰. Среди строящихся заводов был крупнейший в Европе тракторный завод в Сталинграде.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Таугер М. Указ. соч. С.89.

²⁰ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1930. Т.1. С.47; Т.2. Ч.1. С.161.

О ПРЕПОСЫЛКАХ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В своем приветствии рабочим Сталинградского завода Сталин писал: «50 тысяч тракторов, которые вы должны давать ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому, социалистическому укладу в деревне»²¹.

Высшим достижением американской агротехнической революции был прицепной комбайн на тракторной тяге; он позволял намного уменьшить потери и сократить затраты труда. Однако американская комбайнизация вскоре зашла в тупик, так как дорогие машины могли применяться только в крупных хозяйствах. Несмотря на то, что были разработаны модели небольших комбайнов, производство этих машин в США упало с 37 тыс. в 1929 году до 4 тыс. в 1935 году²². Но для советских лидеров было очевидно, что комбайн, так же как трактор, – это машина, внедрение которой должно воочию продемонстрировать преимущества социализма. В 1931 году началось производство комбайнов на крупнейшем в мире заводе сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. В 1932 году было произведено 10 тыс. прицепных комбайнов, а в 1936 году – 43 тыс. В 1937 году советский комбайн «Сталинец-1» получил диплом «Гран-при» на промышленной выставке в Париже.

В 1940 году в СССР работало 182 тыс. зерновых комбайнов – вдвое больше, чем в США (в Европе комбайны в то время вообще не использовались). Эти комбайны убрали 42% урожая²³ и заменили более 15 млн. работников – именно в этом высвобождении огромного количества рабочей силы и состоял смысл коллективизации. За 1926–1939 годы 18,5 млн. крестьян стали промышленными и строительными рабочими²⁴.

Наиболее важный аспект механизации сельского хозяйства заключался в том, что она позволяла решить проблему перемещения работников из деревни в промышленные города, проблему аграрного перенаселения. «Без механизации мы не смогли бы изжить аграрного перенаселения... – писали авторы пятилетнего плана. – Дело в том, что аграрное перенаселение деревни – явление в высокой степени сезонное. Громадный избыток труда в зимнее время, достигавший в феврале 1928 г. око-

²¹ Сталин И.В. *Собрание сочинений*. М., 1949. Т.2. С.234.

²² *Сельскохозяйственная энциклопедия*. М.; Л., 1937. Т.2. С.291.

²³ *Народное хозяйство СССР в 1958 году*. М., 1959. С.489, 491.

²⁴ *Российский государственный архив экономики*. Ф.1562. Оп.329. Д.279. Л.23.

ло 15,9 млн. работников (25,4% общего их итога), перекрывается в рабочую пору дефицитом рабочей силы (в августе 1928 г. около 1,6 млн. раб.), вынуждающим к работе в праздничное время, к использованию труда детей и стариков, к чрезмерному увеличению рабочего дня и т.д. Машинизация труда как раз снижает эти летние пиковые нагрузки. Два с половиной миллиона годовых работников, освобождаемых в 1932–1933 г. в связи с машинизацией, в пересчете на весьма короткий сезон этих машин, в среднем не свыше 1–2 месяцев, означают экономию в эту пару месяцев не менее 15 млн. душ. И эти 15 млн. работников освобождаются машинами в самую горячую рабочую пору. В результате получается гораздо более равномерная годовая нагрузка сельскохозяйственного населения. *И благодаря этому деревня может... отпустить часть своих избытков рабочей силы на постоянную индустриальную работу в города»*²⁵.

Разработчики первого пятилетнего плана полагали, что коллективизация будет постепенной, что она будет развиваться по мере распространения механизации и к концу пятилетки колхозы объединят 17–20 млн. (примерно 1/6 часть) сельского населения²⁶. Предполагалось, что коллективизация будет добровольной, что индивидуальные хозяйства будут по-прежнему пользоваться щадящим налогообложением и обеспечат 3/4 поставок товарного зерна. Планировалось, что производство будет увеличиваться в обоих секторах, что к концу пятилетки оно вырастет на 40% и достигнет 6 млрд. пудов. Лишь по достижении этого уровня производства предполагалось отправить 300 млн. пудов зерна на экспорт²⁷. Однако даже при столь благоприятном развитии событий разработчики предупреждали о возможных трудностях в процессе коллективизации: «Новизна этого дела, отсутствие опыта других стран... *специфические общественные трудности этого дела в условиях крайне низкого культурного уровня* и вместе с тем громадный его размах, обязывают направить на его осуществление исключительно большие усилия и обеспечить бдительный надзор за реальным ходом строительства обобщественного сектора»²⁸.

²⁵ *Пятилетний план... Т.2. Ч.2. С.10 (курсив мой. – С.Н.).*

²⁶ *Там же. Т.1. С.58.*

²⁷ *Там же. С.87,89.*

²⁸ *Там же. С.58 (курсив мой. – С.Н.).*

О ПРЕПОСЫЛКАХ СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Однако планы постепенной и добровольной коллективизации потерпели полный крах. Заготовительная кампания 1928/29 года показала, что производители товарного зерна, зажиточные крестьяне, отказываются продавать хлеб по низким закупочным ценам. Промышленные центры испытывали нехватку хлеба, в крупных городах были введены карточки²⁹. По существу, повторялась ситуация 1917 года: тогда крестьяне точно так же отказались поставлять в города хлеб, отказались выполнять введенную Николаем II продразверстку – и голодные бунты в городах спровоцировали февральскую революцию³⁰.

В 1918 году большевики все-таки сумели ввести продразверстку, но то было временное решение. К концу 1920-х годов стало очевидно, что единственным реальным решением проблемы снабжения промышленных городов является форсированная коллективизация. Нужно было в течение нескольких лет объединить крестьян в колхозы, снабдить их тракторами и, увеличив производство хлеба, обеспечить его поставку в индустриальные города и на экспорт. При этом нужно было отнять у крестьян их земельные наделы, их луга и сенокосы, их лошадей, их плуги и бороны – все, что составляло их собственность или владение, все, что составляло их традиционный мир. Сталин верил, что «*применение американской технологии и организации ферм позволит легко преодолеть все трудности*»³¹, – но, как оказалось, он ошибался.

²⁹ Подробнее см.: Нефедов С.А. *Аграрные и демографические итоги русской революции*. Екатеринбург, 2009. С.136–137.

³⁰ Подробнее см.: Нефедов С.А. *История России. Факторный анализ*. М., 2011. Т.2. С.546–579.

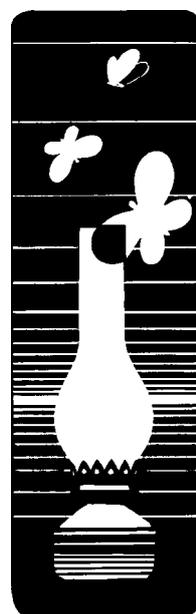
³¹ Таугер М. *Указ. соч.* С.89 (курсив мой. – С.Н.).

Люди с большим воодушевлением
принимают решение воевать,
чем на деле ведут войну,
и меняют свое настроение
с переменой военного счастья.

Фукидит

**Вера – то,
ради чего умирают;
идеология – то,
ради чего убивают.**

Антони Бенн

Александр Полунов

**ПРАВОСЛАВИЕ
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ
АРЕНЕ. 1914–1918**

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ
И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ¹**

УДК
281.93

The article is focused on the evolution of the traditional concepts of Russian public consciousness (“Moscow the third Rome”, Slavic brotherhood, liberating mission of Russia etc.) in the years of the First World War. Public reaction to the key events of the war is investigated, such as the Russian occupation of Galicia and the decision of the Entente powers to hand over Constantinople to Russia after the war. The elements of eschatology and messianism which were characteristic of the Russian consciousness, clashed with the ecclesiastical and political realities of Europe and Near East.

Ключевые слова: идеология; эсхатология; мессианизм; церковь и общество; православие; славяне; Константинополь; Галиция; «Москва – третий Рим».

Key words: ideology; eschatology; messianism; Church and society; Orthodoxy; the Slavs; Constantinople; Galicia; Moscow the Third Rome.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №12-01-00183.

Важнейшей особенностью I мировой войны, глубоко повлиявшей на историческое развитие России и других стран мира, была беспрецедентная степень идеологизации этого международного конфликта. В 1914–1918 годах в ожесточенной борьбе сталкивались не только массы вооруженных людей, но и идеи, политические лозунги, программы послевоенного переустройства мира. В ходе конфликта между центральноевропейскими державами и странами Антанты были опробованы многие механизмы воздействия на массовое сознание, борьбы за общественное мнение воюющих и нейтральных государств – механизмы, которые впоследствии будут широко использоваться различными политическими режимами в XX веке. Самым непосредственным образом указанные процессы отразились на развитии общественной мысли, духовной и идейно-политической жизни в России.

Одной из проблем, которая в 1914–1917 гг. активно обсуждалась русским обществом, был вопрос о международной роли православия и изменениях в этой сфере, которые должны последовать после завершения войны. Острота дискуссий по данному вопросу во многом объяснялась тем, что сам ход военных действий не раз создавал ситуации, напоминавшие обществу о чрезвычайно значимых для русской исторической традиции культурно-теологических концепциях, воскрешал мифологемы, глубоко укорененные в общественном сознании. Особый резонанс вызвало вступление русских войск в Галицию (сентябрь 1914 г.), операции вооруженных сил Антанты в районе Константинополя и начало активного обсуждения вопроса о передаче России бывшей столицы Византийской империи в случае победы над Турцией (март–апрель 1915 г.).² Каждое из этих событий побуждало экспертов, политиков и публицистов выстраивать масштабные историософские прожекты, вбиравшие в себя традиционные представления о международной роли православия и нередко подвергавшие эти представления причудливой трансформации. Анализ данных концепций чрезвычайно важен для понимания той эволюции, которую претерпевало общественное сознание накануне крушения «старого порядка» в России.

² Решение о передаче Константинополя России после войны, принятое весной 1915 г., было обнародовано лишь в ноябре 1916 г. Однако перспектива включения в состав империи бывшей столицы Византии активно обсуждалась и ранее (См.: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – начало 1917 г. М., 1989. С.276; Шаццло В.К. Первая мировая война 1914–1918: факты, документы. М., 2003. С.107).

Изучение дискуссий по вопросу о международной роли православия представляет интерес и с другой точки зрения. Сам характер обсуждаемых проблем неизбежно предполагал вовлечение в дебаты не только светских, но и церковных экспертов и публицистов, представителей иерархии. Анализ откликов на вступление русских войск в Галицию и перспективу присоединения Константинополя выявляет чрезвычайно интересную особенность русского общественного сознания начала XX века. Между светскими кругами и церковью зачастую не было единства в оценке этих событий, т.е. церковь и в этот период, после многих десятилетий секуляризации, сохраняла особую позицию в оценке важных общественных проблем. Каково же было отношение церковных и светских кругов к перспективе изменения международного положения православия? Какие концепции, программы, планы действий выдвигались в этой сфере? Как повлияло обсуждение данной темы на эволюцию российского общественного сознания в 1914–1918 годы?

ПОД ЗНАКОМ ЭСХАТОЛОГИИ

Отвечая на эти вопросы, нужно в первую очередь отметить, что обсуждению церковно-политических вопросов с самого начала был задан весьма напряженный, «приподнятый» тон, ибо вступление России в войну воспринималось в глубоко эсхатологических и даже мессианских тонах. Подобная особенность была характерна как для светского, так и для церковного сознания. «Разыгравшиеся на наших глазах события, каковых еще земля наша не видела, – писал автор столичного журнала "Церковный вестник", – потрясли весь мир в самых его основах и взволновали душу нашу до самой ее глубины. Приближается "день он", когда многие темные дела, тяготевшие над миром целые столетия, должны обнажиться, многие, считавшиеся неприкосновенными аксиомы человеческой философии должны рушиться и во всей полноте предстать на судилище истории»³.

Война, по мнению церковных публицистов, призвана была способствовать разрешению болезненных проблем православного мира – примирить Сербию и Болгарию, враждовавших друг с другом с 1880-х годов, прекратить «болгарскую схизму» – отпадение болгарской паствы и иерархии от греческого константинопольского патриархата. Однако

³ *Римо-порабощенное православие // Церковный вестник (далее – ЦВ). 1915. №29–30. Стб.889.*

только этой сферой значение международного конфликта не ограничивалось. Ставился вопрос ни много ни мало как об объединении ветвей христианства. «Если самые различные христианские народы, – рассуждал "Церковный вестник", – сумели объединиться во имя высших начал права и справедливости (как понимается почти всеми идейный смысл войны), то почему не достигнуть им единения и на почве христианского общения?»⁴ Боевые действия, которые вели Россия и ее союзники против Германии и особенно против Османской империи, расценивались как «последний, Пятый крестовый поход», результатом которого, в частности, станет переход Святой земли под власть «русского богоносного и крестоносного народа»⁵. Высказывались и предположения о том, что обстановка тотальной борьбы «славизма» с «германизмом», увенчавшая их многовековое противостояние, будет способствовать торжеству православия над католицизмом и обращению славян-католиков в православие⁶.

Свойства, которые, по мнению церковных и светских публицистов, были исторически присущи России, – готовность к самопожертвованию, самоотречение, бескорыстная защита слабых и угнетенных – ярче всего проявились именно с началом I мировой войны. Развивая тезис об искомом отличии (в силу указанных свойств) России от Запада, публицисты охотно ссылались на наследие славянофилов, Ф.М.Достоевского, В.С.Соловьева и Л.Н.Толстого, солидаризуясь с идеями русской религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. «Защита слабых и восхождение малых народов, поглощенных сильными, – такова историческая задача, волею судеб навязанная России, – писал Е.Н.Трубецкой в журнале «Русская мысль». – Каждый русский человек, образованный и простолюдин, понимает и сознает, что мы боремся за освобождение

⁴ Близок час // ЦВ. 1915. №9. Стб.264. – Отметим, что в течение войны «Церковный вестник» регулярно публиковал материалы о западных конфессиях (прежде всего, об англиканстве), отслеживая все явления в их жизни, которые можно было истолковать как тяготение к православию (См.: Летопись церковной и общественной жизни за границей // ЦВ. 1915. №3. Стб.90–91; №20. Стб.612; №35. Стб.1075).

⁵ Из материалов заседания Православного Палестинского общества, посвященного вопросу «о положении Русского дела в Святой земле по окончании Мировой войны (февраль 1917 г.). Цит. по: Лисовой Н.Н. Русская церковь и патриархаты Востока: три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С.149.

⁶ И.П. Истинный смысл Гусова учения и деятельности // ЦВ. 1915. №26. Стб.794.

всех народов вообще, всех тех, кому угрожает поглощение и угнетение, без различия племени и вероисповедания».

«Угнетение чужой народности, – утверждал Трубецкой, – стеснение ее духовно-национальной свободы во имя отвлеченного и по существу своему жестокого начала государственности противоречит нашей христианской совести, нашему историческому и, верим, христианскому призванию»⁷. Как же в рамках подобных установок интерпретировалось свершившееся (пусть временно) присоединение Галиции к России и возможное включение в ее состав Константинополя?

Е.Н.Трубецкой

МИФ О ЦАРЬГРАДЕ

Говоря о втором из предстоящих территориальных приобретений Российской империи, необходимо, разумеется, отметить ту поистине колоссальную роль, которую «миф о Царьграде» играл в русском общественном сознании на протяжении столетий. Неудивительно поэтому, что перспектива присоединения к России бывшей столицы василевсов вызвала чрезвычайно бурную реакцию в общественных кругах. Именно это событие заставляло церковных и светских публицистов верить, что приближается «полнота времен», «настает время, все освещающее». Раздалось, восклицал известный профессор-византист И.И.Соколов, «новое благовестие совершающейся великой

⁷ Цит. по: *К вопросу о национальном начале* // ЦВ. 1915. №11–12. Стб.336. – Отраженные в статье Трубецкого идеи, разумеется, не были достоянием только церковных кругов и религиозно-философской мысли. Они тесно соприкасались с тезисами официальной пропаганды, делавшей акцент на бескорыстной освободительной миссии России, ее кровном и вероисповедном родстве с зарубежными славянскими народами (См.: Бахтурин А.Ю. *Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. М., 2004. С.124–125; von Hagen M. *War in a European Borderlands: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918*. Seattle; London, 2007. P.20–23, 49).

Европейской войны – победная песнь христоролюбивого русского воинства». «Необъятно, – подчеркивал профессор, – значение этого благовестия, восторженна и непобедима сила русского воинственного клича... В них – исполнение заветной мечты русского православного народа, осуществление тайных вздыханий для всего церковного нашего общества, завершение векового завета всей прежней истории дорогого нашего Отечества, разрешение "восточного вопроса" в подлинном его понимании лучшими носителями и выразителями начал русской самобытной культуры и национальной государственности»⁸.

Включение Константинополя в состав Российской империи, возвращение его христианской державе расценивалось не только как восстановление исторической справедливости и путь к решению военно-стратегических проблем России, но и как мера, которая должна была иметь большое культурно-историческое значение. «Проливы нам нужны и как пути духовного сообщения, открывающие нам возможность войти в особо тесное общение с нашей старой духовной родиной – древней Элладой», – писал известный философ В.Ф.Эрн.

В.Ф.Эрн

Территориальное сближение России с миром греческой культуры должно было, по мнению публициста, помочь русской мысли сбросить оковы «наносной немецкой схоластики», вернуться к наследию патристики, философии Платона и обрести благодаря этому подлинную оригинальность⁹. Наконец, неизбежным после присоединения Константинополя становилось и возрождение в России канонических основ церковной жизни, восстановление соборности и патриаршества, к чему

⁸ Соколов И.И. Константинополь, Палестина и русская церковь // *Религии мира*. 2002. С. 156, 158. – Помимо трудов по византистике, Соколов был известен исследованиями по истории греческой церкви в послевизантийский период, являлся членом совета Православного Палестинского общества, редактором его «Сообщений». Цитируемый доклад был подготовлен Соколовым для Министерства иностранных дел по поручению Синода в апреле 1915 г. Основная часть доклада была опубликована в «Церковном вестнике» (ЦВ. 1915. №37. Стб.1120–1121; 1916. №8. Стб.205–209; 1917. №5–6. Стб.109–113).

⁹ Мнения и отзывы // ЦВ. 1915. №14. Стб.412.

русского царя призывало историческое преемство миссии, унаследованной от византийских василевсов¹⁰. «Присоединение проливов», имевшее в глазах светской общественности главным образом военно-стратегическое и экономическое значение, расценивалось в церковных кругах как важнейший символический акт, основа для далеко идущих изменений в церковном укладе и духовной жизни России. Не менее «многослойным» и зачастую противоречивым было восприятие в церковных кругах еще одного важного события I мировой войны – вступления русских войск в Галицию.

**«ЗЕМЛЯ СТРАДАНИЯ»
И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ
МИССИЯ РОССИИ**

Уступая по значению «царьградскому мифу», «галицийский» комплекс идей и образов занимал тем не менее весьма заметное место в русском общественном сознании, отсчитывая

начало своего развития как минимум с первых десятилетий XIX века. Древний удел князей Романа, Даниила и Льва расценивался как исконное достояние русских царей – преемников Рюриковичей; как территория, чье население в этническом, языковом и культурном смысле близко к великороссам (или даже составляет с ними единое целое); наконец, как «земля страдания», переживающая тяжелые притеснения со стороны австрийского правительства и польских элит. «С той поры, как Галичина – эта первобытная часть русской земли – отрезана была от своего целого и присоединена к Австрии, – с той поры почти полтора столетия ждал русский народ, когда придут к нему в непосредственное единение, в одно нераздельное общение закордонные галицкие братья», – провозглашалось в отчете Галицко-русского благотворительного общества, влиятельной столичной организации, в руководство которой входили многие иерархи церкви, общественные и государственные деятели¹¹. После присоединения к России галичане, заявлял на одном из торжеств общества министр народного просвещения П.Н.Игнатьев, «могут смело черпать из громадной сокровищницы русской культуры, собран-

¹⁰ Соколов И.И. Указ. соч. С.193.

¹¹ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Петрограде за 1914–1915 гг. Пг., 1915. С.10–11. – Почетными членами общества в разное время были такие видные представители церкви и государства, как протоиерей И.И.Сергиев (Иоанн Кронштадтский), архиепископы Антоний (Храповицкий), Тихон (Беллавин), Евлогий (Георгиевский), обер-прокурор Св. Синода В.К.Саблер.

ной в продолжение тысячелетий совместными усилиями Великой, Малой, Белой и Червоной Руси»¹². В целом риторика этнического, культурного и языкового единства Галиции и «Державной Руси» была характерна как для светских общественных деятелей, так и для представителей церковных кругов, однако в высказываниях и деятельности последних значительную (и зачастую ведущую) роль играл также религиозный фактор.

Если в языковом и культурном плане Галиция, по мнению значительной части русского общества, должна была сблизиться или слиться с Россией, то в религиозном плане этому движению должен был соответствовать переход (или «возвращение») галичан в православие – их разрыв с униатской церковью, господствовавшей в крае с XVIII века. «С той поры, – провозглашалось в отчете Галицко-русского общества, – как уния хищнически отторгла Галичину от Православной Церкви, русский православный народ двести лет ждал, когда рассеется этот, навеянный с Запада религиозный туман и те, предки коих мужественно отстаивали чистоту веры отцов своих, опять будут с нами "единными усты и единым сердцем" славить Бога»¹³. Неудивительно поэтому, что связанные с Галицко-русским обществом иерархи и в целом достаточно широкие церковные круги после вступления русских войск в Галицию стремились всячески подчеркивать массовое тяготение галичан к православию, их стремление к разрыву с унией и даже упрекали русскую оккупационную администрацию за недостаточно активную поддержку этого движения¹⁴.

¹² *Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С.41.*

¹³ *Там же. С.11.*

¹⁴ *Вопрос о реальной степени тяготения галичан к православию остается спорным. По данным церковной журналистики и официальных властей, за первые два месяца оккупации в Галиции к православию присоединилось около 30 тыс. чел. Всего за 9 месяцев оккупации было образовано около 100 православных приходов, что составляло небольшую цифру относительно общей численности униатского населения – 3,5 млн. чел. (Бахтурина А.Ю. Указ. соч. С.193–194, 202). В то же время активисты Галицко-русского общества и церковные власти постоянно сообщали о готовности галичан перейти в православие, о требованиях прислать им православных священников (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С.234–235, 242; Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С.22, 29–30, 49–51). Очевидно, при оценке количества присоединившихся к православию (или тяготеющих к нему) следует ориентироваться на число галичан, ушедших весной 1915 г. с русскими войсками; их насчитывалось около 100 тыс. Еще до 40 тыс. осталось в Галиции и подверглось репрессиям со стороны*

В целом I мировая война (и не только на территории Галиции) рассматривалась, несмотря на свой очевидно светский характер, как конфликт, имеющий явные религиозные измерения. Делались попытки осмыслить ее в терминах глобального (и во многом решающего) столкновения православия и католицизма, неразрывно связанных со славянской и германской «стихиями». «И поляки, и чехи, и хорваты, – утверждала газета "Раннее утро", – все наши братья погибли от католицизма. Принадлежа по расе своей к Востоку, к славянству, они по вере входили в орбиту западной государственности. И она поглотила их. За крестом католическим приходил молох немецкой власти! Оттого-то ни одна попытка славянского возрождения на Западе не удалась»¹⁵. Особенно настойчиво рассуждения о необходимости для западных славян присоединиться к православию звучали в связи с 500-летней годовщиной гибели Яна Гуса (июнь 1915 г.), широко отмеченной в России. «Будем надеяться, – писал в связи с этим "Церковный вестник", – что после нынешних испытаний мировой борьбы славизма с германизмом старые заветные стремления гуситов к православному Востоку найдут живой отклик в сердцах современных их потомков»¹⁶.

Возвращаясь к Галиции, необходимо отметить, что основные события, связанные со вступлением русских войск на эту территорию, естественно, осмысливались церковными деятелями в религиозных терминах, вписывались в религиозный дискурс. Большое значение в связи с этим приобрела фигура выдающегося деятеля русской церкви – митрополита Петра, который, будучи галичанином по рождению, являлся ближайшим сотрудником Ивана Калиты и стоял таким образом у истоков московского великодержавия. Фигура митрополита Петра позволяла связать вступление русских войск в Галицию с риторикой «собираения русских земель» – вековой миссии Рюриковичей и Романовых, победоносно завершившейся в царствование Николая II¹⁷.

австрийцев (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С.250; Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т.1. С.181). Представляется, что большинство галичан занимало в вероисповедном вопросе выжидательную позицию, опасаясь австрийских репрессий и находясь под давлением польских элит, сохранивших свое влияние и под русской оккупацией.

¹⁵ Мнения и отзывы // ЦВ. 1915. №25. Стб.774.

¹⁶ И.П. Истинный смысл Гусова учения. Стб.794.

¹⁷ Символическое значение в этом плане имело посещение Николаем II города Львова в апреле 1915 г. «Вы первый, – говорил, обращаясь к императору, в своей приветственной

Провиденциальный смысл придавался тому обстоятельству, что одна из первых побед русских войск в Галиции состоялась на реке Рате, в окрестностях местечка Равы-Русской – там, где, согласно житию, митрополит Петр родился, а позднее основал монастырь. Подчеркивая историческое единство «Державной» и «Подъяремной» Руси, Галицко-русское

Икона Св. Петра

общество изготовило в дар Галиции ценную копию иконы Владимирской Богоматери, символически связывавшей Византию, Киев, Владимир и Москву (теперь в эту взаимосвязь включалась и Галиция)¹⁸.

Риторика этнокультурного, а теперь и государственного единства, таким образом, играла значительную роль при осмыслении церковными кругами событий, связанных с продвижением русских войск в Галицию. Однако в целом подход к этим событиям носил, как отмечалось, более сложный, «многослойный» характер, демонстрировавший отличие церковного сознания от светского.

Примером сложности, неоднозначности понимания событий в Галиции в церковных кругах может служить деятельность архиепископа (впоследствии митрополита) Антония (Храповицкого) – известного иерарха, возглавлявшего с 1902 по май 1914 г. Волынскую епархию, территориально граничившую с Галицией. Убежденный сторонник распространения православия в Галиции, Антоний регулярно встречался с галичанами-униатами, приходившими на поклонение в Почаевскую лавру, организовал подготовку православных священников для Галиции в духовно-учебных заведениях России, снабжал православные церкви Галиции богослужебными книгами и утварью. Вместе с тем его отношение к «закордонной Руси» носило достаточно сложный характер. Распространение православия в Галиции, полагал архиепископ, необхо-

речи архиепископ Евлогий (Георгиевский), – ступили на ту древнерусскую землю, вотчину древних русских князей – Романа и Данила, на которую не ступал ни один русский монарх. Из этой подъяремной, многострадальной Руси, откуда слышались вековые воздыхания и стоны, теперь несется к Вам восторженная осанна» (Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С.248).

¹⁸ *Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С.72–74.*

димо не только (может быть, и не столько) из национально-государственных соображений, сколько для того, чтобы сохранить искони присущую галичанам «душевную простоту», уберечь ее от разложения под воздействием «еретической» западной культуры. «Пожалеем галичан... – зывал Антоний к русскому обществу, – наших единокровных и по душе единовѣрных братьев, которые в продолжение нескольких столетий тщетно простирают свои руки к великой Российской державе, к Российской Церкви, прося принять их, обездоленных и обманутых, в материнские недра, пока чуждая еретическая, вернее языческая, западная жизнь, западная культура не успела вытравить в них... возвышенного стремления духа к небу»¹⁹.

Посвятив митрополиту Петру в 1915 г. специальную проповедь, Антоний увидел в его решении связать свою судьбу с Москвой и князем Иваном Калитой не столько акт державной прозорливости, сколько проявление монашеского аскетизма: ведь Москва была тогда всего лишь «большой деревней», а Калита славился «скромностью, смиренномудрием и христианскими добродетелями». Российская империя в годы войны выступает наследницей именно этих качеств Калиты, выдвигая их против «вражеской гордыни», «западного блеска и пышности». В данном контексте присоединение Галиции к России становилось спасением не только для галичан, но и в какой-то мере для их «старших братьев». Оно призвано было дать урок «той части русского образованного общества, которая забыла заветы предков и, возгордившись усвоением мнимой западной светской культуры, заразилась немецкими влияниями, ставя земные блага выше христианского служения меньшей братии, предпочитая поклонение разнузданным страстям православному требованию борьбы со страстями и пороками, столь разъедавшими так называемое "высшее общество"»²⁰. «Державная Русь», утверждал Антоний, сама должна была очиститься от обуревавших ее недостатков, прежде чем увенчивать себя лаврами «спасителя» и «освободителя». Подобный ход мыслей достаточно сложно вписывался в характерные для того времени стереотипы государственного национализма, он свидетельствовал о серьезной трансформации, которой подвергались в

¹⁹ Речь Антония при погребении А.С.Будиловича 15 декабря 1903 г. Цит. по: Никон (Рклицкий), епископ. *Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого*. Нью-Йорк, 1957. Т. II. С. 326.

²⁰ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества. С. 74.

годы войны традиционные культурно-исторические идеологемы²¹. Не менее сложной была эволюция воззрений на послевоенную судьбу Константинополя (и в целом православного Востока), составлявшую, как отмечалось, еще один объект пристального внимания со стороны как светской, так и церковной общественности.

**МЕССИАНИЗМ
И КАНОНИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ:
КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ
«ТРЕТЬЕГО РИМА»**

Казалось бы, самой подходящей и простой формулой для решения вопроса о послевоенной судьбе православного Востока было обращение к традиционной идеологеме «Москва – третий Рим». Действительно, в заявлениях с использованием данной идеологемы со стороны церковных и светских кругов в годы войны не было недостатка. «Во имя нравственной справедливости должны умолкнуть здесь... всякие греческие притязания, – заявлял публицист "Церковного вестника" относительно претензий греков на обладание Константинополем после войны. – Начала высшей справедливости были бы грубо нарушены, если бы город Константина, ключ к южному морю и символ победы христианского человечества над мусульманским, попал в руки не тех, кто купил своей кровью эту победу». «Кровное родство, – утверждал публицист, – дает меньше прав, чем кровные жертвы... История завещала древнюю столицу восточного христианства великому восточному христианскому народу»²².

²¹ Следует отметить, что Антоний, несмотря на репутацию убежденного «борца за русское дело», довольно скептически относился к этническому национализму как таковому, подчас бичуя его с изрядной долей эпатажа («всякое домашнее животное свой хлев считает выше других»). Традиционные сословно-династические империи были в чем-то ближе Антонию, чем «современные» государства, основанные на принципе этнического национализма, даже если эти империи на международной арене были врагами России. По словам епископа Никона (Рклицкого), посвящая православных галичан в священники, Антоний обязательно приводил их к присяге на верность императору Францу-Иосифу. После революции Антоний с ностальгией вспоминал времена Османской империи, сравнивая их с послевоенным состоянием «нравственной и религиозной анархии, когда различные племена объединены почти исключительно во враждебном отношении... друг к другу» (Антоний (Храповицкий), митрополит. Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? // Религии мира. 2002. С.199, 211; Никон (Рклицкий), епископ. Указ. соч. С.237).

²² Близок час. Стб.262.

Идеи, сходные с риторикой «Церковного вестника», звучали в докладе видного функционера Палестинского общества П.И.Ряжского, управляющего русскими учреждениями в Святой земле. Доклад, посвященный восстановлению деятельности Палестинского общества после войны, был подготовлен в феврале 1915 г. «Младшему по чести, православному патриаршему престолу "Третьего Рима", – писал Ряжский, предвидя восстановление канонического устройства церкви в послевоенной России, придется, может быть, сказать веское и решительное слово относительно устройства всей вообще Вселенской Церкви». «Всемирное значение Византии безвозвратно пало, и нет надежды на воскресение его современными панэллинистами с их узко-националистическими стремлениями и идеалами». Выражением ведущей роли России на православном Востоке должна была стать, по мнению Ряжского, передача ей права покровительства всем православным церковным учреждениям Палестины независимо от их национальной принадлежности, подобно тому как Франция покровительствует католическим учреждениям всех наций. Мысленному взору активиста Палестинского общества рисовался «союз всех православных народов, руководимых Россией», а русская церковь приобретала черты наднационального религиозного центра, способного соперничать с католическим универсализмом²³. Однако долго оставаться на подобной точке зрения православная церковная мысль, разумеется, не могла.

Прежде всего, было очевидно, что, несмотря на заметное укрепление позиций России в Святой земле в конце XIX – начале XX в., достигнутое в немалой степени и благодаря деятельности Палестинского общества, русская церковь и общественные организации не имели необходимых канонических оснований для того, чтобы заменить собой греков в Палестине. Недоставало им и многовекового практического опыта, который был у местного греческого духовенства. Поэтому, выступая за преобладание России на высшем, «политическом» уровне, в практической сфере Ряжский выдвигал значительно более скромные требования: он предлагал лишь допустить представителей России и других славянских народов в состав так называемого Святогробского братства, ведавшего христианскими святынями Палестины. Сделать это, по словам Ряжского, следовало, не увлекаясь ни грекофильством, ни арабофильством, ни желанием поглотить «Матерь всех Церквей» в православном

²³ *Цит. по: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С.376, 370–371.*

славянском море, а руководствуясь «единственно высшими интересами вселенского православия»²⁴.

Еще меньше оснований, чем в Палестине, было у русских церковных учреждений для того, чтобы пытаться «заменить» греков в центре вселенского православия – Константинополе. Русским церковным публицистам это стало ясно вскоре после того, как развеялась первая эйфория, связанная с обсуждением вопроса о возможном переходе Константинополя под власть России. «Церковный вестник», еще в начале 1915 г. отстаивавший безоговорочное право России на владение «Царьградом», уже в мае этого года вынужден был признать следующее. Да, экономические и стратегические факторы – за присоединение к России бывшей столицы василевсов, «но что касается исторических и нравственных побуждений, то самые факты должны обращать русское общественное мнение только к грекам, как исключительно из всех прочих народов имеющим право на Константинополь». Теория «Москва – третий Рим», отмечал публицист, не может служить путеводной нитью при решении вопроса о «Царьграде». Она исходила из ложного представления о том, что православие на Востоке погибло, однако на самом деле греки продолжали хранить его и под турецким игом²⁵.

Каноническое учение о константинопольском патриархе как о первом по чести на православном Востоке, подчеркивал профессор И.И.Соколов, составляет одну из основ административно-правового устройства православной церкви, и без учета этого фактора будет невозможно никакое церковно-административное устройство в послевоенный период. Не следует, настаивал Соколов, придавать преувеличенное значение обвинениям в эгоизме, коррупции и интригах, выдвигавшимся в адрес греческого руководства восточных патриархатов. Подобные обвинения во многом вдохновлялись националистическими настроениями паствы восточных патриархатов (славян, румын и арабов), а также искусно инспирировались иноверцами – католиками и протестантами. «Пора восстановить справедливость, – заявлял Соколов, – и понять, что недостатки и злоупотребления греческого духовенства преувеличены врагами Православия в высшей степени... При свете же беспристрастных исторических данных не нападок и обвинений заслуживает Все-

²⁴ *Цит. по: Там же. С.376. 377. – Арабы составляли основную часть паствы в Иерусалимском и Антиохийском патриархатах, иерархия которых в течение долгого времени была почти исключительно греческой.*

²⁵ *Судьба Константинополя // ЦВ. 1915. №20. Стб.648.*

ленская Патриархия... а изумления перед самоотверженным подвигом несения тяжелого креста, возложенного на нее по неисповедимым судьбам Промысла»²⁶. В подобной ситуации вставал вопрос о том, как совместить распространенную в русском общественном сознании мифологему о России как наследнице Византии с каноническими нормами православия и преобладанием (если не господством) греческого элемента в руководстве восточных патриархатов. На решение этой задачи был направлен ряд проектов, разработанных публицистами, учеными, иерархами русской церкви. К их числу относится цитированный выше доклад И.И.Соколова и материалы, подготовленные архиепископом Антонием (Храповицким).

В рамках проекта, предложенного Соколовым, идеологема «преемства», основанного на принципе *translatio imperii* («переноса империи»), вытеснялась попыткой допустить существование двух «равночестных» патриархов в рамках Российского государства. Бывшей столице василевсов, подчеркивал Соколов, суждено войти после войны в состав России, однако «константинопольский патриарший престол должен быть сохранен в своем подлинном значении». Его статус «должен совпадать с византийским характером Вселенского патриаршества и фактически должен выражаться в правах и обязанностях Вселенского Патриарха, принадлежавших ему в период самостоятельного существования Великой Христовой Церкви под властью византийских василевсов». Предстоит, указывал профессор, «восстановить полноценность духовно-иерархических полномочий, которыми константинопольский Патриарх владел до падения Константинополя, в период наивысшего развития церковного византизма, и установить то отношение к государственной власти, которое оправдывается церковными канонами и положением Патриарха в православной державе, перед лицом православного царя». «Весь церковно-административный уклад на православном Востоке, – еще раз подчеркивал Соколов, – предполагает существование и Святейшего Патриаршего Престола Константинополя, которому принадлежит первенство наряду с тремя другими равночестными ему патриаршими престолами – Александрии, Антиохии и Иерусалима»²⁷.

Для того, чтобы урегулировать непростую каноническую ситуацию, возникающую с включением в состав России Константинопольского патриархата, Соколов выдвигал ряд предложений. Прежде всего, как

²⁶ Соколов И.И. Указ. соч. С.170.

²⁷ Там же. С.171–172.

отмечалось выше, требовалось восстановить каноническое устройство русской церкви с провозглашением патриарха российского (петроградского) «вторым по чести» после константинопольского. Далее, предстояло «урезать» каноническую территорию Вселенского патриархата, ограничив ее внутренними малоазийскими епархиями – землями, которые после войны все же остались бы под властью Турции (причерноморские малоазийские епархии должны были войти в состав русской церкви). Предполагалось также упразднить Народный совет при патриархе, служивший органом представительства интересов зажиточной греческой верхушки. Уязвимость подобных предложений была очевидна. Сомнительно, чтобы в одном государстве смогли ужиться два «главных» патриарха: один – «первочестный» канонически, другой (петроградский) – обладающий реальной властью. Вряд ли патриарх константинопольский, формально возвышенный до «византийского» статуса, согласился бы с утерей значительной части подвластных ему епархий и ограничением его реальных полномочий. Да и послевоенная Турция наверняка не смирилась бы с распространением на свою территорию духовной власти иерарха, находящегося под влиянием чужого (и враждебного) государства. Изъяны проекта Соколова, видимо, были заметны уже современникам²⁸. В связи с этим представляется особенно интересным проанализировать проекты устройства судьбы православного Востока, выдвинутые архиепископом (впоследствии митрополитом) Антонием (Храповицким).

РУСЬ В ИЕРУСАЛИМЕ

Антонию, как стороннику христианского универсализма, была ясна нежизнеспособность любых компромиссов между мифологемами, основанными на концепции «Моск-

ва – третий Рим», и каноническим статусом Вселенской патриархии. В связи с этим он последовательно выступал против включения Константинополя в состав Российской империи и, как следствие, утверждения политической зависимости Вселенского патриарха от русской государственной власти²⁹. Требования этнического и государственного нацио-

²⁸ *О невозможности сосуществования в одном государстве двух «первочестных» патриархов писали современники Соколова – канонисты Н.С.Суворов и П.В.Гидулянов (См.: Лисовой Н.Н. Русская церковь и патриархаты Востока... С.147).*

²⁹ *Много лет спустя после окончания войны Антоний утверждал, что в 1914–1915 гг. не*

нализма, заявлял архиерей, должны умолкнуть перед лицом многовековых церковных традиций. «Чьи мы служители? Церкви! Да, Вселенской Христовой Церкви, веру в которую исповедуем ежедневно!» – восклицал в 1915 г. Антоний (в то время архиепископ Харьковский) на страницах епархиального журнала «Пастырь и паства», озвучивая позицию, только что заявленную им на заседании Синода. «Напрасно заговорили у нас о какой-то национальной русской церкви; таковой не существует». Все богослужебные и канонические порядки, которыми руководствуется православный христианин в своей жизни, подчеркивал Антоний, заимствованы в России из книг, переведенных с греческого и древнееврейского языков. Да и традиционный русский уклад, «настоящая русская бытовая приходская и монастырская жизнь, а не петербургская, не

Антоний Храповицкий

полуфранцузская, не немецкая – что они собой представляют, как не полное подчинение всего нашего быта заповедям и преданиям древнего вселенского христианства?»³⁰

В контексте подобных воззрений единственным выходом из политико-правовой коллизии, которая неизбежно должна была возникнуть после изгнания из Константинополя, являлось восстановление Византийской империи. Россия,

только отстаивал независимость Вселенского патриарха от любой государственной власти, но даже требовал подчинить ему российский Святейший Синод (Антоний (Храповицкий), митрополит. Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? С.209).

³⁰ Антоний (Храповицкий), архиепископ. Чей должен быть Константинополь? С.197–198. – Неудивительно, что, имея такие взгляды, Антоний после войны с удовольствием повторяет известное высказывание патриарха Никона: «Сам я русский, но вера моя греческая» (Антоний (Храповицкий), митрополит. Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? С.209). Воззрения Антония опирались на влиятельную тенденцию в церковной мысли России – «грекофильство», к которому принадлежали К.Н.Леонтьев, Т.И.Филиппов и др. (См.: Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С.145–149, 162–170).

предрекал Антоний, объединит «теперешнюю свободную Грецию с Цареградом под мирской властью самодержца-грека и под духовную властью Вселенского греческого Патриарха и тем отблагодарит эллинский народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диаволу и вывел в свободу чад Божиих, соделав нас христианами». Результатом подобных действий станет возрождение международного значения Вселенской патриархии, отвечавшее универсалистским установкам Антония. А именно: Константинополь вновь будет «собой объединять славянский север, эллинский юг и сиро-арабский и грузинский восток, а также привлекать к возвращению в Церковь русских раскольников, болгарских отщепенцев, австрийских униатов и восточных еретиков-монофизитов разных наименований»³¹. Казалось бы, при таком подходе позиция России почти целиком должна была свестись к самопожертвованию и самоотречению, работе на благо вселенского православия и ощущению сугубо морального удовлетворения от того, что его интересы обеспечены наилучшим образом. Однако в записке Антония звучали и иные мотивы. В ней для России за ее труды и жертвы предусматривалась компенсация, причем такая, что превосходила по своей смелости и размаху, пожалуй, все идеологические конструкции, рождавшиеся в церковных и светских кругах в годы войны.

Присущее Антонию представление о глубокой религиозности русского народа, о безоговорочном предпочтении им «Отечества небесного» «Отечеству земному» заставляло иерарха верить в то, что важнейшим объектом духовных устремлений русских людей является центр не только православия, но и всего христианства – Палестина. «Говорить ли о том, – восклицал архиерей, – что самым родным, самым святым для себя местом на земном шаре русские люди считают "Мать Церквей, Божие жилище", т.е. Святый град Иерусалим?» Достойным воздаянием для России за тяготы войны представлялась в связи с этим передача ей Палестины, причем не в качестве эксклава, условного и временного протектората, а путем непосредственного присоединения к основной территории Российской империи – через широкий коридор, объединяющей Средиземноморье с Сирией и Юж-

³¹ Антоний (Храповицкий), архиепископ. *Чей должен быть Константинополь? С.200–201.* – Для обеспечения военно-стратегических интересов России в Причерноморье Антоний считал достаточным передать в ее владение зону черноморских проливов «подобно тому, как Англия владеет Гибралтаром».

ным Кавказом. Возрожденная Византия, вызванная к жизни усилиями России, станет ей верным союзником в решении данной задачи³².

В отличие от Соколова и Рязского, также убежденных, что после войны Палестина перейдет под власть России, но полагавших, что власть эта будет осуществляться, так сказать, «на расстоянии»³³, Антоний был уверен, что Палестина в буквальном смысле слова станет «русской землей», составит единое тело с основным этническим массивом русского народа. Если Святая земля будет присоединена к России, заявлял архиерей, «то не пройдет и десяти лет, как вся Палестина и Сирия обратятся во Владимирскую или Харьковскую губернию. Народ наш так и ринется переселяться в страну, где жили наш Спаситель, Его Пречистая Мать, Апостолы, пророки и мученики. Там будет уже место для чисто русской культуры, для русской речи, для русской торговли и промышленности; в частности, две последние отрасли обильною лавою польются по Волге и Каспию через Кавказ к Средиземному морю и обратно»³⁴. Казалось, реализуется (но «в обратной проекции») давняя мечта патриарха Никона, который, как известно, пытался создать Новый Иерусалим в Подмосковье, перенося в окрестности реки Истры библейскую топонимику и символически воссоздавая здесь святыни Палестины. Однако, решив (пусть и на бумаге) проблему «Цареграда», Антоний неизбежно должен был столкнуться с вопросом, как отнесется к его проектам иерархия Иерусалимского и Антиохийского патриархатов, состоящая (как и в Константинополе) преимущественно из греков? Что заставит ее смириться с грядущим утверждением в Святой земле господства России – господства, которое в перспективе должно будет обернуться едва ли не полным ее (Святой земли) обрусением? Запоздалым отзвуком исканий, посвященных ответу на этот вопрос, стала статья Антония (уже митрополита), написанная много лет спустя после завершения I мировой войны, когда давно ушла в прошлое Российская империя и окончательно рухнули надежды на восстановление Византии.

В 1932 году, в обстановке очередного обострения этнических противоречий между паствой и иерархией Иерусалимского патриархата, Ан-

³² Антоний (Храповицкий), архиепископ. *Чей должен быть Константинополь?* С.198–199. 202.

³³ Лисовой Н.Н. *Русское духовное и политическое присутствие...* С.370–371, 380–381; Соколов И.И. *Указ. соч.* С.184–192.

³⁴ Антоний (Храповицкий), архиепископ. *Чей должен быть Константинополь?* С.204.

тоний предложил избрать на иерусалимский престол русского архиерея, полагая, что этот шаг положит конец застарелой вражде между греками и православными арабами в Палестине. «Пора нам, т.е. всем православным христианам всех народностей, – писал митрополит, – убедиться в том, что путь к Божией истине заключается не в преобладании одной народности над другою, а просто в отрешенности от исключительных симпатий в ту или иную сторону, хотя бы и прикрываемых лживыми фразами о евангельской любви ко всем безразлично народностям». Обретя «наднациональный статус», Иерусалимский патриархат должен был взять на себя миссию мирового центра православного христианства, которая раньше предназначалась Константинополю (в силу его «Вселенского» титула), но которую он выполнить не смог. Из Иерусалима, заявлял Антоний, «должна быть возглашена вновь торжественная проповедь о покаянии и всеобщем единении во святой православной Церкви», в результате чего «печальные ереси, раздирающие христианский Восток, будут исчезать, "яко дым от лица огня"»³⁵.

Русская «народность», в представлении митрополита, считалась достойной выдвинуть кандидата на иерусалимский престол, поскольку была – «одна во всей вселенной – чужда богопротивного шовинизма и сохранила способность перевоплощаться в ту нацию, которой себя посвящает»³⁶. В данном случае, по справедливому замечанию Н.Н.Лисового, Антоний вдохновлялся «пушкинско-достоевской "всеотзывчивостью"», являвшейся одним из главных мотивов его богословских исканий и вобравшей в себя важнейшие тенденции развития русской религиозно-философской мысли³⁷. Ход мыслей митрополита как бы замыкал собой круг духовных исканий русского общества в период I мировой войны и послевоенные годы. Начав в первые месяцы войны с заявлений о том, что исторически присущая России склонность к самопожертвованию и служению другим народам позволит ей сыграть великую миссию на международной арене, русская общественная мысль в лице Антония приходила в 1932 году к выводу о том, что и после крушения Российской империи указанные качества дадут русской иерархии выполнить задачу примирения враждующих сил – пусть и в локальном масштабе.

³⁵ Антоний (Храповицкий), митрополит. *Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская?* С.207, 211.

³⁶ Там же. С.209.

³⁷ Лисовой Н.Н. *Русская церковь и патриархаты Востока...* С.150–151.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что I мировая война оказала глубокое влияние на трансформацию многих традиционных идеологем русского общественного сознания. Хотя процесс этой трансформации был оборван падением монархии и выходом России из войны, его изучение представляет несомненный научный интерес. В годы войны риторика кровного родства «Державной» и «Подъяремной Руси» (Галиции), необходимости освобождения «страдающих братьев» и государственного единства двух частей Руси была дополнена и скорректирована в выступлениях архиепископа Антония (Храповицкого), призвавшего русское общество учиться у «малых сих» (галичан) простоте, смирению, религиозности. Характерное для значительной части русского общества стремление победоносно утвердиться на берегах Босфора (в духе концепции «Москва – третий Рим») корректировалось сознанием необходимости учитывать канонические нормы и реалии жизни православного Востока. Это, в свою очередь, вело к выстраиванию более или менее причудливых идеологических конструкций (возрождение Византийской империи, создание центра влияния России в Палестине, обоснование особых прав России на православном Востоке исторически присущим ей отсутствием национального эгоизма и др.). Ни один из данных проектов, как известно, не «дожил» до практической реализации, но это не отменяет необходимости самого пристального внимания к ним со стороны историков. В модифицированном виде концепты, сформулированные в годы на рубеже веков и в годы I мировой войны, продолжали жить и развиваться на протяжении всего XX столетия. В той или иной форме они повлияли на сталинские планы создания «православного Ватикана» после II мировой войны, на возобновление духовного присутствия Русской православной церкви в Палестине³⁸. Особое значение международные контакты церковных структур обретают в наши дни, когда после распада СССР Русская православная церковь осталась единственным на постсоветском пространстве наднациональным инсти-

³⁸ Во второй половине 1940-х годов руководство СССР, как известно, прилагало активные усилия к укреплению позиций Русской церкви в православном мире. Планировался, в частности, созыв Вселенского (православного) собора в Москве с целью присвоения Московской патриархии титула Вселенской. При поддержке советского правительства в 1948 году Московская патриархия учредила в Иерусалиме свою Духовную миссию, возобновив таким образом деятельность одноименного дореволюционного учреждения (См.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С.390–408).

ПРАВОСЛАВИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ. 1914–1918

тутом, не созданным после 1991 года, а уходящим корнями в далекое прошлое. Нельзя не отметить в связи с этим особое место Русской церкви (Московской патриархии) в духовной и общественно-политической жизни Украины, Белоруссии и других постсоветских республик, ее уникальную роль посредника во взаимоотношениях России и Грузии. Изучение сложного комплекса проблем, лежащих на стыке истории церкви, общественной мысли, культуры, внешней политики и дипломатии, представляет собой в высшей степени интересную, актуальную и важную исследовательскую задачу.

Русская миссия в Иерусалиме

Что же такое идентичность в человеческом смысле? Среди многих подходов к этому вопросу я хочу выделить только один – истолкование идентичности как такого переживания, которое позволяет человеку с полным основанием сказать: я – это Я, то есть, активный центр, организующий структуру всех видов моей реальной и потенциальной деятельности. Подобное переживание Я существует только в состоянии спонтанной активности: его нет в состоянии внутренней пассивности и полудремы, когда люди пребывают в достаточно бодрствующем состоянии, чтобы заниматься бизнесом, но ещё недостаточно пробудились, чтобы ощутить Я как активный центр в нас самих.

Эрих Фромм

**Личность есть сопротивление,
сопротивление детерминации
обществом и природой,
героическая борьба
за самоопределение изнутри.
Личность имеет волевое ядро,
в котором всякое движение
определяется изнутри, а не извне.
Личность противоположна
детерминизму.**

Н.А. Бердяев

Наталья Ксенофонтова

**ЖЕНСКИЕ
АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ
КАК ЗЕРКАЛО
ИДЕНТИЧНОСТИ**

УДК
396

The author examines samples of female auto documental materials (diaries, letters, recollections, autobiographies) written in the 18th and 19th centuries by women of different estates and social standings, family statuses and educational backgrounds. These narratives carried an enormous social and psychological load because they were not just a form of extreme self-expression and revelation of female inner world. They were, in fact, thinking twins of women who wrote them, twins that were intended to accomplish self-representation of those women's gender (female) identity.

Ключевые слова: женские автодокументальные жанры; дневники; письма; воспоминания.

Key words: female auto documental genres; diaries; letters; recollections.

E-mail: galinaterenina@inafr.ru

ЖЕНСКИЕ АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

*Суметь бы мне выразить себя,
запечатлеть всю жизнь женщины,
все ее мысли, все, все, – такой фотографии,
по-моему, еще не было.*

М.Башкирцева. Дневник. 27 декабря 1875 г.

*Слова мои, когда я в них,
такая же плоть моя, как и та,
которая больна и умирает, если
больна и умирает душа.*

З.Гиппиус в письме к Д.Философову

Большую часть всей своей «исторической» жизни женщина была зеркалом, отражающим мысли, чувства, волю мужчины. И поэтому, борясь за свою самость, стараясь найти и проявить свою идентичность и стремясь к эмансипации, она прежде всего пыталась стать зеркалом самой себя для самой себя.

Это было чрезвычайно необходимо женщине, поскольку взгляд на себя и внутрь себя был подобен «диалогу между Я, которое находится *здесь*, и Я – отражением, которое находится *нигде...*»¹. И как замечал М.Фуко в незаконченном эссе «О других мирах», этот взгляд, исходящий от зеркала, превращается в материальную силу, которая вынуждает меня воссоздавать меня там, где меня нет². Иначе говоря, такое зеркало давало возможность проявить негатив подлинной женской личности, превратив его в фотографию реального образа.

Подобным зеркальным отражением стали женские *автодокументальные жанры* (женские автодокументы): письма, воспоминания, дневники, автобиографии.

Представители западного и российского феминистского направления в литературе видят основную задачу эпистолярного, дневникового и мемуарно-автобиографического жанров в женской литературе в «само-репрезентации гендерного (женского) "Я"»³.

¹ Савкина И. *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века.* М., 2007. С.6.

² Цит. по: Никольчина М. *Запад как интеллектуальная утопия // Гендерные исследования.* Харьков, 2004. №12. С.23.

³ Жеребкина И. «Прочти мое желание...». *Постмодернизм, психоанализ, феминизм.* М., 2000. С.156–157.

Многие девушки и зрелые дамы прошлых веков поверяли свое самое сокровенное лишь дневникам или письмам, адресованным близким подругам. Эти формы самовыражения и предельного раскрытия внутреннего мира женщины являлись как бы их мыслящим двойником, позволявшим и предполагавшим наивысшую степень откровенности и открытости в выражении самых интимных чувств, которые представительницы слабого пола никогда бы не осмелились произнести прилюдно вслух. Это были во многих случаях не просто интимные дневники, а уже оформленные романы их внутренней жизни, на некоторое время упрятанные в стол.

Самостоятельно мыслящие, неординарные и творческие личности, коих среди представительниц прекрасного пола было немало, в тайниках своего сознания лелеяли мысль о том, что их строчки прочтут когда-нибудь другие люди. Они не теряли надежды, что их голос будет услышан, а история их жизни, внутреннего мира и мыслей будут оценены окружающими людьми; и пусть это будут потомки.

М.Башкирцева

Чаяния подобных женщин, наделенных сложной психоэмоциональной организацией, наиболее ярко выразила в своих дневниках, написанных по-французски и переведенных после смерти автора на все европейские языки, наша соотечественница Мария Башкирцева (1858–1884). Во «Вступлении» к записям от 1 мая 1872 г. (то есть в возрасте 15 лет) она писала: «К чему лгать и притворяться? Конечно, я хочу, да и надеюсь, пожалуй, тем ли, иным ли способом остаться на этой земле. Если не умру в молодости, надеюсь остаться как великая художница; а если умру молодой, хочу оставить дневник, и пускай его издадут: не может быть, чтобы это было неинтересно. <...>

Я надеюсь, что меня прочтут, потому-то и пишу совершенно откровенно. Если в этой книге не будет строгой, полной, неукоснительной правды, в ней нет никакого смысла <...> Поэтому, снисходительные читатели, вы

ЖЕНСКИЕ АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

можете быть уверены, что на этих страницах я вся, целиком, выставила себя на ваше обозрение»⁴.

Можно поражаться прозорливости и мудрости юной девушки, чьи дневниковые записи были опубликованы во Франции лишь через три года после ее смерти, а в России увидели свет в 1893 г., да и то не полностью, поскольку весь текст составляет около шести тысяч книжных страниц.

Но значительное количество женских автотекстов было не прочитано и не опубликовано. А те из них, которые дошли до широкого читателя, оставались, по словам И.Савкиной, «на обочине столбовой дороги "Великой литературы"»⁵. Подобное вытеснение дневникового, мемуарного и эпистолярного жанров из канонов «настоящей» литературы можно рассматривать как еще один акт дискриминации женщин вообще и писательниц в частности, как их вытеснение с поля национальной словесной культуры. Голоса многих женщин были долгие десятилетия и даже века не услышанными.

Однако, как отмечают современные литературоведы, в самое недавнее время ситуация существенно изменилась. Дело не только в том, что возрастает интерес к «невывышенной литературе», идет процесс легализации понятий «женская проза», «женское письмо». Женские автодокументальные материалы только в самые последние годы попали в «зону видимости» русской литературоведческой традиции.

В русской истории первые автодокументальные тексты появились в XVIII в. Исследователи особенно отмечают расцвет мемуарной и дневниковой литературы в период с 60-х годов XVIII века до 30–40-х годов XIX в., когда эти жанры перестают рассматриваться авторами лишь для внутреннего употребления. Поскольку автодокументальная проза находилась за пределами канонизированной жанровой системы классицизма, это делало ее «более свободной от сковывающих нормативных предписаний, и потому зачастую именно в них очевидно движение к новому»⁶.

Как точно замечает Н.Л.Пушкарева, «женская автобиография в России родилась, повинувшись не столько внешним, подражательным, сколько внутренним имманентным факторам. Никто не звал русских женщин "к перу", к самовыражению. Они создавали свои первые автобиографические произведения, повинувшись неотрефлексированным (ментальным)

⁴ Башкирцева М. Дневник // Фотография женщины: [сборник]. СПб., 2005. С.13.

⁵ Савкина И. Указ. соч. С.6.

⁶ Там же. С.65.

побудительным мотивам, которые моделировались внутренним содержанием их эпохи, ее контекстом»⁷.

Именно в описываемый период среди образованной российской публики начал пробуждаться интерес к внутренним переживаниям человека, к открытию собственного Я, которое начало дистанцироваться от коллективного Мы. И в этой атмосфере женские тексты стали и востребованы, и заметны. Известные исследователи Сандра Гилберт и Сюзанн Губер отмечают подобные тенденции и в западной культуре XVIII–XIX вв.⁸

Безусловно, многие тексты, написанные «простыми» обывательницами и лицами, далекими от литературы и светских кругов, не увидели свет и остались лежать в сундуках на чердаках. Но те, кто имел какое-либо влияние в обществе и был заметной фигурой в аристократической или художественной среде, могли надеяться на то, что широкая публика будет ознакомлена с их дневниками и мемуарами. Однако их публикация в большинстве случаев стала возможной лишь через несколько десятилетий, а то и через 100 лет после написания. Так случилось даже с «Записками императрицы Екатерины II», «Записками княгини Екатерины Дашковой».

Это были автобиографии великих женщин, облеченных властью, которые ориентировались на мужские ценности и патриархатные нормы. И хотя, подобно канону классицизма и мужскому стилю письма, у них публичное Я заслоняет приватное, все же мы явственно видим чисто женские лица и характеры.

Например, Екатерина Великая, чтобы оправдать легитимность занятия ею престола, прибегает к гендерному маскараду, своего рода гендерной инверсии. Описывая своего мужа Великого Князя Петра Федоровича, она наделяет его чисто женскими чертами (предается ребячеству, играет в куклы, необразован, болезнен, капризен, безответствен). Зато себя она рисует как настоящего и мудрого правителя с истинно мужскими свойствами (образованность, мудрость, прозорливость, государственный склад ума, любовь к риску, решительность, выносливость, бесстрашие, самостоятельность). Екатерина прекрасно справляется с такими мужскими занятиями, как владение ружьем, верховая езда, охо-

⁷ Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // *Филологические науки*. 2000. №3. С.63.

⁸ Gilbert S., Gubar S. *The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination*. New Haven: Yale University Press, 1988. P.72.

та. В «Записках» она отмечала: «По утру я вставала в три часа и без прислуги с ног до головы одевалась в мужское платье <...> Пешком с ружьем на плече <...> я стреляла уток в тростнике...»⁹.

Очень важно подчеркнуть такую деталь, которую отмечает Хильде Хугенбум, а именно, «что эта страсть к переодеванию и выбор мужского костюма имеют не только гендерную, но и классовую, социальную природу, подчеркивая в первую очередь самую **идею выбора** (текст выделен мною. – Н.К.), которая функционирует как маркер их класса (только дворяне, только принадлежащие к благородному сословию имели возможность выбора парадигмы бытового поведения)»¹⁰. Следует заметить, что для женщины той эпохи, как и для крестьянина и иного простолюдина, совершенно не допускались и исключались моменты индивидуального выбора.

Подобный же гендерный маскарад можно найти и в мемуарах Екатерины Малой – Дашковой, которая изображает себя как представителя мужской жизни, выполняющего чисто мужские роли (устроитель имения, государственный деятель, руководитель Академии наук, дипломат, путешественник, ученый)¹¹. Дискурс «мужского» поведения присутствует у княгини в описании ее интеллектуальных и административных талантов. И как замечает ее потомок, наш современник А.Воронцов-Дашкофф, Екатерина Романовна «наряжает свои мнения в камуфляж мужского голоса»¹². Но, несмотря ни на что, она изображает себя именно как *женщину* в мужской роли, которую все-таки стесняет мужской костюм, надетый ею лишь в периоды решительных политических событий.

По словам А.Воронцова-Дашкоффа, «неизбежным результатом ее возвышения и исключительности была **двойная идентичность** (текст выделен мною. – Н.К.): она действовала в ролях, безусловно определяемых как мужские, хотя ясно ощущала себя женщиной в позиции власти»¹³.

И Екатерина Великая, и ее соратница Е.Дашкова откровенно описывали и свои незаурядные чисто женские качества (привлекательность, желание любви и счастья материнства и т.п.). При этом явно слышатся

⁹ *Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С.69.*

¹⁰ *Цит. по: Савкина И. Указ. соч. С.92.*

¹¹ *Записки княгини Е.Р.Дашковой. М., 1990.*

¹² *Цит. по: Савкина И. Указ. соч. С.80.*

¹³ *Там же. С.82.*

интонации неудовлетворенности, недооцененности, ощущения своей маргинальности, инаковости и даже уязвимости тогда, когда они являлись частными лицами, то есть просто женщинами.

Описание частной, внутренней жизни женщины, борение ее страстей, вынужденное подчинение моральным нормам патриархатного общества и бунт против него через отстаивание чувства собственного достоинства – все это характерно для автодокументальных текстов и княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, представительницы знатного рода Шереметьевых, и дочери чиновника горного ведомства Анны Евдокимовны Лабзиной, у которых сложилась нелегкая семейная жизнь. Они прошли жизненный путь через многие страдания и испытания, но смогли найти в себе силы и оставить потомкам истории своей жизни («Своеручные записки» Долгоруковой [1767] и «Воспоминания» Лабзиной [1810]), в которых мы видим беспредельно правдивый рассказ о том, как эти незаурядные женщины, преодолевая борение духа и плоти, достигли духовной святости посредством самоумаления и самоуничтожения. В то же время им свойственна была очень высокая самооценка, что значительно обостряло осознание ими своего маргинального положения. Мастерской передаче подобного состояния способствуют интимность, эмоциональность и разговорность языка всех этих записок. Стоит подчеркнуть, что в большинстве автодокументальных текстов той поры прослеживается тенденция, когда «на первое место выдвигается личное Я, персональность получает ценностный статус»¹⁴.

Как полагает литературовед Ирина Савкина, первая половина XIX в. (особенно 10-е – 40-е годы) представляют собой период «в русской истории, когда в культурной жизни ясно ощущается женское присутствие, женщины выходят "из-за кулис" на "авансцену". Сами понятия *женщина-писательница*, *женщина-поэт (поэтесса)*, *женская литература* начинают активно употребляться в русской критике и журналистике»¹⁵.

Литературное творчество представительниц прекрасного пола становится явлением культурной жизни. Помимо появления романов, повестей, журнальных статей и стихов приходит пора расцвета литературы самоописания: среди женской части образованной публики расширяется потребность в ведении дневников, путевых заметок, частом обмене письмами. Многие из подобных дневников были опубли-

¹⁴ Там же. С.68–75; 65.

¹⁵ Там же. С.16.

ликованы и вызвали значительный интерес среди литераторов, критиков и широкой публики.

И.Савкина совершенно справедливо подчеркивает: «То, что некоторые из этих женщин не претендовали на роль профессиональных писательниц, не делает их тексты менее интересными в контексте изучения проблем русской женской автодокументалистики»¹⁶.

Среди авторов подобных дневниковых заметок были самые различные по образованию, воспитанию, социальному и семейному положению женские «типы»: горожанки и провинциалки, дворянки и представительницы разночинной среды, девушки, старые девы и замужние дамы. Но всех их объединяли и общая стратегия самоописания, в основе которой была установка на подлинность, и общие побудительные мотивы, заставлявшие этих женщин найти подобный способ самовыражения (заявить о себе, раскрыть свою идентичность, выговориться о наболевшем, репрезентировать свою гендерную позицию, доказать свою самоценность, освободиться от принятых общественной моралью установок женской жизни и создать альтернативное Я, привнести в язык патриархатной культуры свою интонацию, выразить в тексте те области женского опыта, которые замалчивались в господствующем дискурсе).

Всем этим дневникам была присуща искренность, исповедальность и свобода самовыражения авторского Я, не скованная никакими рамками правил и норм. Многие дневниковые заметки, или, как их еще называли в XVIII веке, *журналы*, писались и отправлялись в форме писем и имели конкретных адресатов.

Литературовед И.Савкина в этом ряду особенно выделяет «Дневник для отдохновения», писанный с 23 июня по 30 августа 1820 г. Анной Петровной Керн в возрасте двадцати лет и посылаемый ею партиями с очередной почтой двоюродной тетке Ф.П.Полторацкой.

«И в форме, и в темах, и в стиле этого дневника огромную роль играет литературная традиция сентиментального эпистолярного романа», а «одна из ролей, по которым диаристка (женщина-автор дневника. – Н.К.) структурирует свое Я, – это роль "Клариссы – Юлии – Дельфины", то есть сентиментальной героини»¹⁷, образ которой почерпнут А.Керн из популярных тогда романов Руссо, Ричардсона, Стерна, Гёте, де Сталь, г-жи Севиньи. Эти авторы делали особый акцент на раскрытии внутреннего мира «чувствительного героя».

¹⁶ Там же. С.17–18.

¹⁷ Там же. С.101–104.

А.Керн, целиком доверяя своему адресату, не скрывает и такие интимные моменты из жизни и отношений со своим старым и нелюбимым мужем, генералом Е.Ф.Керном, как ужас и ненависть ко всему, что связано с телесной близостью с ним. Она писала: «Никакая философия на свете не может заставить меня забыть, что судьба моя связана с человеком, любить которого я не в силах и которого не могу позволить себе уважать, словом, скажу прямо – я почти его ненавижу. Каюсь, это великий грех...». «Пожалейте вашу Анету, еще немного – и она потеряет терпение <...> Пусть поймут, как велика жертва, на которую меня обрекли»¹⁸. Только интимные дневники-письма позволяли этой очень молодой, но уже несчастной женщине прокричать о своей душевной боли. Здесь авторское Я мечется между мимикрией и бунтом. Никому из родных она не смела поведать – ведь она не нашла бы у них поддержки и одобрения; ее родной отец характером, норовом и жизненной философией походил на старого генерала Е.Ф.Керна и всегда обходился с дочерью очень грубо.

То же мы наблюдаем в дневниковых записях-письмах жены декабриста И.Д.Якушкина – Анастасии Васильевны, урожденной Шереметьевой (1806–1846)¹⁹. С одной стороны, это текст, рассчитанный на чтение мужем в ссылке, а с другой, – сам факт написания его она тщательно скрывает от близких, боясь, что они и верховная власть, которая через родственников выведывала все данные о ее намерениях воссоединиться с опальным декабристом, смогут воспрепятствовать ее планам.

Как пишет И.Савкина, «эпистолярный дневник оказывается единственным местом, где Анастасия может выразить свои чувства и мысли неподконтрольно, без *внешнего* цензора, без соглядатая»²⁰.

В отличие от заметок А.Керн и А.Якушкиной дневники Анны Алексеевны Олениной не имеют эпистолярной формы и конкретного адресата. Она писала: «Один ты, друг мой, один – один Журнал, узнаешь, что за чувство во мне, когда я слышу его голос». «Прости, души моей утешитель, Журнал»²¹. А.Оленина со всей искренностью поверяет дневнику свои любовные переживания, глубину сердечных чувств и постигших разочарований. Размышляя о браке и будущем супруге, она не видит в них ничего позитивного.

¹⁸ Керн А.П. *Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С.168; 154.*

¹⁹ Якушкина А.В. *Дневник // Новый мир. 1964. №12.*

²⁰ Савкина И. *Указ. соч. С.120.*

²¹ Оленина А.А. *Дневник. Воспоминания. СПб., 1999. С.108; 132.*

О своих любовных увлечениях диаристка рассказывает весьма свободно, раскрепощенно и даже весело. По замечанию И.Савкиной, объективация собственного образа приводит «к освобождению от "корсета" ритуальных условностей, к какой-то свободной карнавальной атмосфере; героиня получает право быть собой и писать о себе без оглядки на приличия»²².

Подобный разрыв между укоренившимися в патриархатном обществе абстракциями «женственности» и «женского долга» и тем, как женщины демонстрируют себя с позиции собственного индивидуального опыта (то есть самоописания и самоанализа), находим в автодокументальных записках лиц, принадлежащих и к более старшему поколению, к иной культурной и сословной среде, как например, у Е.И.Поповой. Князь Н.В.Голицын, опубликовавший в 1911 году эти дневники, рассматривал их как интересный материал из московской жизни сороковых годов XIX в., повествующий о бытовой истории и о внешней и внутренней жизни женщины той поры.

Елизавета Ивановна Попова (родилась в конце XVIII в., а умерла по тем временам в глубокой старости в возрасте 76 лет) была дочерью московского книгопродавца и издателя; никогда не выходила замуж; большую часть жизни прожила по родственникам приживалкой; занималась воспитанием чужих детей; по взглядам была близка к славянофилам.

Дневниковые записки, которые она регулярно вела с января 1847 г. по февраль 1852 г., то есть когда ей было уже далеко за 50 лет, представляют собой «археологические изыскания» ее души и личности²³. Е.И.Поповой не нужен «другой», который дал бы ей оценку. Она замечает: «Я пишу для себя, для облегчения своей души, а не для других»²⁴. Она вполне осознает маргинальность своего положения и как женского лица в патриархатном обществе, и как приживалки (и в смысле ее неприкаянности как бездомного человека, и в смысле несамостоятельности женского персонажа в мужском обществе), не имеющей ни своего дома, ни семьи, ни средств к существованию. И от этого ее самоощущение вдвойне трагично. В записках диаристки постоянно звучит боль от

²² Савкина И. Указ. соч. С.141.

²³ Там же. С.180.

²⁴ Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / Под ред. Кн. Н.В.Голицына. СПб., 1911. С.50. Цит. по: Савкина И. Указ. соч. С.165.

своего несвободного, зависящего от других людей состояния. Е.И.Попова с горечью замечает: «Полную свободу даст мне только одна смерть»²⁵.

Мотивы нелегкого поиска своей идентичности и его утверждения прослеживаются и в мемуарно-автобиографических повествованиях, опубликованных при жизни авторов. К их числу принадлежат «Записки Н.А.Дуровой, издаваемые Пушкиным», вошедшие во второй номер журнала «Современник» за 1836 год. Великий поэт высоко оценил литературный талант и глубину искренности автора в описании своей необыкновенной судьбы²⁶.

Необходимо заметить, что данный текст был не столько автобиографией, сколько литературой. То есть Н.Дурова выстраивала до некоторой степени беллетризованную версию своей жизни, подвергшейся автоцензуре в изложении собственной судьбы. Поскольку в те времена писать собственные биографии было не принято и выставлять себя на всеобщее обозрение считалось неприличным, тем более женщинам, Н.Дурова постаралась дистанцировать себя как автора от себя в качестве персонажа описываемой истории. Между нарратором и его героем, как замечает И.Савкина, все время существует некоторый «зазор», внешне выраженный в различии имени (Н.Дурова / Дуров, Александров) и как бы в принадлежности к разным полам²⁷. Этот блуждающий гендер станет главной характеристикой не только центрального литературного лица «Записок», но и самой Н.А.Дуровой в действительной жизни. Она до конца своих дней носила мужской костюм, называла себя в мужском роде, а долговременная привычка употреблять, говоря о себе, мужские грамматические формы осталась у нее навсегда. Дурова замечала по этому поводу, что это стало для нее вполне естественным и она «нисколько не затруднялась своею ролею, обратившейся мне уже в природу»²⁸.

И поскольку не все в обществе воспринимали Н.А.Дурову однозначно и с должным пониманием (о ее личной жизни ходило множество слухов, мифов и даже анекдотов), она решает написать и опубликовать свои «Записки», чтобы покончить с чужим мифотворчеством и *самой* изложить *свою* историю, обороняясь от пошлого любопытства окру-

²⁵ Попова Е.И. Указ. соч. С.137; 170.

²⁶ Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А.Дуровой. М., 1988. С.554.

²⁷ Савкина И. Указ. соч. С.195; 196.

²⁸ Избранные сочинения кавалерист-девицы... С.493.

жающих. Она настаивает на том, что ее «Записки» не роман и вымысел, а автодокументальный текст, вернее смесь автобиографии и дневника.

По мнению исследователей, представление о женском начале у юной Надежды ассоциировалось прежде всего с принуждением, насилием, контролем, наказанием. В текстах «Записок» именно мать и все женщины воплощали для нее патриархатную власть. А тот мужской мир, который создал для нее гусар Астахов, воспитывавший ее с детства, – со свободой от рамок приличий, от стесняющих норм и правил, с пониманием, с позволением заниматься тем, чем хочешь, с волей.

И уход Н.Дуровой из семьи, из несчастного и непривлекательного женского мира изображается ею в «Записках» как своего рода побег из тюрьмы, с которой ассоциируется женская участь. Переход же в иной (мужской) мир рассматривается как обретение свободы, а отнюдь не как перемена пола. Как полагают исследователи, «ее цель не в том, чтобы "стать мужчиной", а в том, чтобы избежать женской плачевной судьбы»²⁹. В «Записках» мы находим такие слова Надежды: «Свобода, драгоценный дар неба, сделалась наконец уделом моим навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую в душе, в сердце! Ею проникнуто мое существование, ею оживлено оно! <...> я прыгаю от радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу более слов: **Ты девка, сиди. Тебе неприлично ходить одной прогуляться!**»³⁰ Все подобные мысли представительниц женского пола, и тем более поступки, для того исторического времени, в которое жила Н.А.Дурова, были абсолютным нонсенсом.

Анализируя развитие автодокументальной «женской литературы» первой половины XIX в., можно с большой определенностью утверждать, что ведение дневников, составление записок и мемуаров, интенсивная переписка и тому подобное – все это становится органичным явлением русской культуры, входит в привычку как часть быта и делается даже модой.

И что самое главное – во всех этих текстах гендерный аспект авторского Я оказывается чрезвычайно важным, если не решающим. Почти все diarистики, мемуаристки и составительницы писем активно пытались обнаружить и предъявить свою истинную идентичность как женское Я, не отягченное андроцентристскими и сексистскими оценками.

²⁹ Савкина И. Указ. соч. С.207.

³⁰ Избранные сочинения кавалерист-девицы... С.56.

Трансформации, происходившие в русском обществе во второй половине XIX века, в корне меняли социальные, политические и гендерные отношения, что значительно сказывалось на принципах самовыражения и способах самоописания женщин.

Особое внимание хочется уделить уже упоминавшимся дневникам Марии Башкирцевой. В конце XIX – начале XX века имя этой талантливой девушки было известно многим как в Европе, так и в России. Сила воздействия мифа о ней, ее неординарной личности не только на многих поэтов и писателей (среди которых можно назвать М.Цветаеву, В.Хлебникова, Н.Крандиевскую, И.Бунина), но и на широкую читающую публику, особенно на молодых девушек, которые стремились ей подражать, была огромна. В этих автодокументальных текстах привлекали и привлекают до сих пор литературный талант diarистики и глубочайшая откровенность при раскрытии ее духовной жизни.

В России сокращенные тексты издавались в конце XIX в., новое издание увидело свет в 2005 г. Больше всего для сохранения текста М.Башкирцевой сделано в Европе. В 1985 г. профессор Реннского университета Колет Коснье, тщательно изучив все рукописи дневника, хранящиеся в Национальной Библиотеке Парижа, приходит к выводу, что большинство опубликованных ранее текстов было выхолощено, подделано, благодаря этому перед читателем предстал ложный образ девушки, сведенный «к архетипу, по мерке того общества, которое осмелилось похоронить ее подлинную»³¹. Так среда, в которой жила юная Мария, защищалась от своих членов, надолго опередивших свое время.

Колет Коснье пишет: «Я пожелала разнести в пух и прах предание и оживить настоящую Марию – женщину, одуроченную рассеянной судьбой, наградившей ее жизнью на столетие раньше срока, узницу не своей эпохи, героиню нашего времени»³². Итогом ее исследований стала книга «Мария Башкирцева: Портрет без ретуши», где автор ввела в научный оборот те части «Дневника», которые не были опубликованы у нас и за рубежом, а стиль подлинника не претерпел никакой правки, как того хотела сама diarистка, которая 2 февраля 1876 г. записала: «Мне бы хотелось откомментировать весь свой "Дневник", потому как знаю: он содержит множество ошибок, которые проистекают не от моего невежества, но лишь от лености додумать до конца, от спешки. Я никогда заранее не знаю, что выйдет из-под моего пера. Тем лучше!.. Нет ничего

³¹ Коснье К. *Мария Башкирцева: Портрет без ретуши*. М., 2008. С.14.

³² Там же.

более уродливого, чем выправленный, с иголочки дневник, особенно если его автор – не великий писатель»³³.

С одной стороны, М.Башкирцева довольно самокритична и не обольщается по поводу литературных качеств своих записей, а с другой, – она уже, в свои шестнадцать лет, вся в предчувствии своего будущего триумфа. «Придет день, – записывает она 23 января 1874 г., – и мое имя, подобно грому, прокатится по всей земле»³⁴. Что это? Самонадеянность или прозрение гения? Вся история ее посмертной известности и славы, немеркнувшей уже 140 лет, склоняется ко второму.

Автора «Дневника» отличает свежесть восприятия (поскольку она очень молода и ее не отягощают подробности опыта зрелого человека), эмоциональная откровенность, сильное индивидуальное самосознание и способность к метким и правдивым наблюдениям, сделанным зорким глазом художественной натуры.

Известно, что Мария получила отличное образование, выучив несколько европейских языков. За два года она освоила семилетний курс в мастерской живописи известного художника Родольфа Жюлиана и вскоре выставляет свои картины на самых престижных выставках, на равных конкурируя с профессионалами-мужчинами. Быстро развивающаяся чахотка не позволила ей стать певицей, хотя она имела очень красивый голос.

Вопреки неблагоприятным семейным обстоятельствам, удушающему воздействию сословных предрассудков, ложным и двойственным морально-нравственным ценностям света, Башкирцева обнаруживает в себе силы подняться над этой средой и найти выход своим чувствам, желаниям, устремлениям в чрезвычайно откровенной, подобно бунту, исповеди – в дневниках.

В своей дневниковой записи-молитве к Богу она произносит такие слова: «Господи! Оставь мне независимость, позволь трудиться (рисовать, петь, писать. – *Н.К.*) и не превращай в светскую даму у ног какого-нибудь великого мужа, сделай так, чтобы я сама стала великой»³⁵. И это ее желание сделаться известной равноценно обретению свободы и права выбора. «Дневник» М.Башкирцевой, пишет К.Коснье, «показывает долгий путь к освобождению, рождению женщины-художника, понимающей, что она обманута, что настало время **становиться самой собой**

³³ Башкирцева М. Указ. соч. С.15.

³⁴ Там же. С.18.

³⁵ Там же. С. 127.

(подчеркнуто мною. – Н.К.) <...> Этот крик души был задушен сперва болезнью, а потом и смертью»³⁶.

Е.Дьяконова

Подобная участь постигла многих талантливых женщин прошлого. Среди них была Елизавета Дьяконова (1874–1902) – провинциалка из купеческой семьи Костромской губернии. Тело этой двадцатисемилетней девушки нашли летом 1902 г. у водопада в австрийских Альпах. Был ли это несчастный случай или суицид – загадка. Ее брат Александр, нашедший ее дневники и опубликовавший три тома записок своей сестры в 1904–1905 годах после смерти Елизаветы, склонялся к первой версии.

Литературоведы и критики ставили тексты Е.Дьяконовой рядом с дневником Марии Башкирцевой. И не случайно эти два автодокументальных текста были опубликованы под одной обложкой – «Фотография женщины»

(2005). Один из рецензентов начала прошлого века писал в «Сынах отечества», что не часто приходится иметь дело с таким законченным "человеческим документом", с такой свободной и прямой исповедью молодой души.

Самое интересное в «Дневниках» это то, что на протяжении всех 16 лет, что делались записи, главным для diarистки был разговор с собой, поиск своего Я, который был нелегко, поскольку Елизавета постоянно была собой недовольна и металась из одной крайности в другую, давая себе противоположные характеристики. 13 марта 1892 г. (ей 18 лет) она записывает: «Я буду писать о себе, еще одной "фотографией женщины" будет больше»³⁷. Но я женщина изломанная <...> я полна противоречий самой себе, у меня неровный характер. Прежде всего, – что я такое? Я и сама не могу сказать. Находятся люди, называющие меня странной. Это

³⁶ Коснье К. Указ. соч. С.8; 269–270.

³⁷ Здесь Дьяконова имеет в виду «Дневники» М.Башкирцевой, которыми она восхищалась и называла «выходящие из ряда обыкновенных».

неправда: я очень обыкновенна; даже моя наружность – мое отчаяние, – с каждым днем я все более убеждаюсь в простой, но неприятной истине – что я урод³⁸. <...> Я вся состою из крайностей, а потому и думаю двойственно. Я чувствую, что жизнь в нашей семье заставит меня возненавидеть семейную жизнь. Я никогда не выйду замуж, в чем для меня нет беды»³⁹.

«Странно: во мне точно два человека, – пишет она 29 декабря 1893 года, – один – домашний, который живет в семье, болтает вздор, ссорится с матерью, а другой – живет совершенно особенно, свою внутреннюю жизнь, отдаваясь то радости, то печали. Я так и живу раздвоенно»⁴⁰.

Обстановка в семье, диктат матери, неудовлетворенность собой – все это толкало Е.Дьяконову, подобно ее любимой героине Катерине из «Грозы», искать выход из жизненных тупиков в смерти. Этот мотив можно услышать в дневниковых записях разных лет.

Е.Дьяконова убеждена, что для человека личное, интимное – не самое главное в жизни, а есть нечто неоспоримо высшее – развитие личности, общественное служение. С 1895 по 1899 год она слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов. В этот период Е.Дьяконова с головой уходит в студенческую жизнь, в работу политических и религиозно-философских кружков, участвует в митингах, пишет газетные и журнальные статьи. 12 января 1897 г. она записывает: «... мне много пришлось пережить, передумать <...> ... и чувствую в груди моей какой-то прилив силы необыкновенной: мне хочется борьбы, подвига <...> и глубокое-глубокое отрадное чувство свободы переполняет всю душу. Да? И я – свободна? И я могу ехать, куда хочу, делать – что хочу, поступать – как хочу, и меня уже более не связывают эти цепи рабства»⁴¹.

Но амплитуда ее душевных переживаний, эмоциональных перепадов, раздвоенность – все это выражается в постоянной смене энтузиазма и меланхолии, веры и безверия, азарта общественной деятельности и непреходящего ощущения одиночества⁴². Подобные настроения находят

³⁸ *Глядя на фотографии миловидной девушки, убеждаешься, что это глубокое заблуждение.*

³⁹ *Дьяконова Е. Дневник // Фотография женщины. С.307–308.*

⁴⁰ *Там же. С.321.*

⁴¹ *Там же. С.387.*

⁴² *Громова Н., Дубшан Л. Бедная Лиза // Фотография женщины. С.270.*

место и в ее дневниках, и в ее стихах и рассказах. Пессимизм все более охватывает ее. За полтора года до своей нелепой смерти она пишет: «Если бы у меня спросили, для чего я живу и как живу, – я бы не нашлась, что ответить. Разве это жизнь? <...> Страшная тоска сжимает сердце, полное отвращение ко всему... <...> Точно со мной делается нравственный прогрессивный паралич» (8 февраля 1901 г.)⁴³. Она была вся в предчувствии своей ранней смерти.

Рассмотренные дневниковые и эпистолярные тексты, написанные женщинами, в которых их эмоции, чувства, желания открылись нам во всей своей первозданной свежести и искренности, позволяют увидеть настоящее лицо представительниц слабого пола и лучше понять их незамутненную патриархатными условностями душу. Эти записи они оставили потомкам как памятник самим себе и эмоциональной культуре своей эпохи, как альтернативную форму субъективности, которые подрывали нормы андроцентричной культуры.

Все подобные процессы и явления особенно рельефно проявляются в тех образцах автобиографического письма, где женщины уже не ищут свое Я, а выступают как сформировавшиеся новые личности, свободные от патриархатных морально-этических норм, с определившейся самоидентичностью. Эти представительницы слабого пола начали создавать себя сами, превращаясь в сильных индивидуумов, которые в своих дневниках, письмах, автобиографических записках открыто декларируют свои жизненные и художественные принципы. Сюда мы смело можем отнести тексты, созданные такими великими французскими женщинами, как романистка Жорж Санд и актриса Сара Бернар.

Путем невероятных усилий, собрав всю свою волю в кулак, Аврора Дюпен, в замужестве баронесса Дюдеван, сумела разорвать «священные» узы брака и, презрев условности общества, добиться полной независимости, включая экономическую. Взяв мужской псевдоним Жорж Санд, она стала одной из самых знаменитых писательниц Франции и всей Европы. Она сама создала свою личность и, имея за своими плечами богатый жизненный опыт, стремилась передать его другим женщинам не только через героинь своих романов, но и в текстах писем и дневников.

Жорж Санд была очень свободолобивым и бескомпромиссным человеком, всегда отстаивающим свои феминистские взгляды. Ее авто-

⁴³ Дьяконова Е. Указ. соч. С.453.

биографические тексты свидетельствуют о непобедимой силе ума и воли, присущей женщине нарождающейся новой эпохи.

Писательница могла бы сказать о себе словами Индианы – героини ее одноименного романа, которая бросает в лицо мужа такие гневные слова: «Вы можете связать меня по рукам и ногам, посадить на цепь, распорядиться моими действиями. Вы пользуетесь правом сильного, и общество на вашей стороне. Но моей воли вам не поработить, сударь, один только бог властен над нею»⁴⁴.

Она подвергает жесточайшей критике ту социальную среду, в которой женщины обречены жить: «Мне кажется, что в ней господствует чудовищный беспорядок, и среди множества беззаконий, поразивших его изнутри, самым очевидным, по-моему, является несправедливый и абсурдный характер взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Поэтому я не советовала бы никому вступать в брак, утвержденный гражданским законом, который всегда поддерживает зависимость, неполноценность и социальную незащищенность женщины»⁴⁵.

Все эти животрепещущие вопросы Жорж Санд продолжает развивать в своем «интимном дневнике», выбрав в качестве своего оппонента некоего доктора Пиффоэля – литературный персонаж, *alter ego* писательницы, с которым она «обсуждает» все происходящее вокруг. И этот «диалог» позволяет диаристке полнее и глубже раскрыть свое писательское и жизненное кредо. Жорж Санд спорит с Пиффоэлем по поводу предназначения представителей противоположных полов и их роли в жизни друг друга. Отвергая сексистские взгляды доктора, она пишет: «Лишенному скромности, тебе нужна женщина, которая принимает твои недостатки, тебе нужна такая, которая делает вид, будто ты безупречен, которая гладит руку, ударившую ее, и целует губы, солгавшие ей»⁴⁶.

Такой же свободолюбивой и высокохудожественной личностью была великая драматическая актриса Сара Бернар, создавшая себя путем неимоверной работы, порой преодолевая душевную и физическую боль (она отличалась хрупкостью и слабым здоровьем). Недаром она выбрала девиз «Во что бы то ни стало!», которому следовала всю жизнь.

В своей автобиографической книге «Моя двойная жизнь» она писала: «Я не хотела походить ни на кого другого и говорила себе: я буду

⁴⁴ *Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе. М., 1992. С.51.*

⁴⁵ *Там же. С.55–56.*

⁴⁶ *Там же. С.58.*

ЛИЧНОСТЬЮ!»⁴⁷ Это произведение является не только дневником, в данных текстах мы находим нечто большее. Сара Бернар, подобно профессионалу-психоаналитику, пытается сама понять и раскрыть те побудительные мотивы, которые способствовали тому, что она стала актрисой.

Но самое главное, чем ценны дневниковые записи Сары Бернар, – это то, что они стали для современников и для потомков трактатом, инструкцией того, как нужно создавать из себя служителя сцены, о чем свидетельствуют теоретические размышления об искусстве актера и технические приемы и тренинги. Мы становимся свидетелями того, как Сара Бернар посредством них лепит тело, послушное всем нюансам актерского мастерства, а из тихого и слабого голоса – божественный тембр с множеством тонов и оттенков. И добивается того, что критики станут говорить о ее «хрустальном» голосе, а утонченный эстет Оскар Уайлд сравнит его с флейтой.

Все ее дневниковые записи свидетельствуют о силе ее характера, готового противостоять невзгодам и авторитетам: «Я поняла, что мои жизненные силы всецело зависят от силы моего духа. Я хотела следовать велению разума, задачи которого, казалось, превосходят мои физические возможности. И вот, отдав все силы и даже более того, я обрела полное душевное равновесие»⁴⁸.

В «Моей двойной жизни» перед читателем предстает женщина-творец, которая не умела подчиняться правилам и следовать установленным нормам. Для нее и в жизни, и на сцене главным были независимость и ощущение свободы. При чтении автобиографической прозы Сары Бернар перед нашим взором возникает четкий и рельефный автопортрет актрисы – сложившейся личности с неповторимой художественской индивидуальностью.

Дневники как лаборатория творческого процесса, как поле для оттачивания своего мастерства, для самокопания, бескомпромиссного и беспощадного анализа своего неординарного литературного дара – вот что такое авторское письмо для другой выдающейся женщины первой половины XX в. Вирджинии Вульф – признанного классика литературы прошлого столетия. Она относится к тем личностям, кто определял магистральные пути западноевропейской словесности и культуры.

⁴⁷ Пикон С.-О. *Сара Бернар*. М., 2012. С.24.

⁴⁸ Там же. С.77.

В своих дневниковых записях, которые она вела с 1915 г. по 8 марта 1941 г. (за 4 дня до своего добровольного ухода из жизни), Вирджиния Вульф однажды заметила: «Все же я единственная женщина в Англии, которая вольна писать, что хочет»⁴⁹. И эта внутренняя свобода видна в каждой строчке всех 26 томов ее дневников. В них, как замечает известный российский литературовед Е.Ю.Гениева, «отражены не только события "внешнего мира", но и жизнь души писательницы, смыслом и сутью которой было творчество»⁵⁰.

Анализируя текст своего романа «Миссис Дэллоуэй» (1925) и вскрывая причины и цели, побудившие создать этот текст, В.Вульф записывает в дневнике: «Я принялась за эту книгу, надеясь, что смогу выразить в ней свое отношение к творчеству... Надо писать из самых глубин чувств – так учит Достоевский»⁵¹.

В.Вульф с юности относилась к тем, кто был склонен ниспровергать общепризнанные авторитеты и принципы викторианской эпохи. Она принадлежала к совершенно новой генерации молодых образованных женщин, для которых поиск себя, своей идентичности не был таким актуальным, поскольку они являлись уже вполне сформировавшимися личностями. Эти новые женщины задавались целью обрести достойную для них социальную и культурную нишу в патриархальном обществе и заявить о себе как о создателях новой культуры и иного мышления. Для них свобода чувствования и открытая декларация своих воззрений становилась **образом жизни**, что мы и обнаруживаем в дневниковых записях Вирджинии Вульф.

Она всю свою творческую жизнь следовала своим убеждениям. Так, в дневниковой записи от 1 марта 1921 г. Вульф пишет: «...у меня есть внутренняя, автоматическая шкала ценностей»⁵². Но это не означало, что ее писательский стиль был закостеневшим. По этому поводу она замечает: «Я была похожа на импровизатора, наигрывающего мелодию за мелодией на фортепиано»⁵³. В.Вульф в дневнике бескомпромиссно анализирует себя и свое творчество, подвергая их безжалостной критике. Не случайно в ее произведениях («Женщина в зеркале», «Прожектор»)

⁴⁹ Вульф В. *Дневник писательницы*. М., 2009. С.117.

⁵⁰ Гениева Е.Ю. «Надо писать из самых глубин чувств...» // Вульф В. *Указ. соч.* С.11.

⁵¹ Там же.

⁵² Вульф В. *Указ. соч.* С.62.

⁵³ Там же. С.115.

всплывает образ зеркала как материализовавшегося представления о себе. И таким зеркалом были ее дневники.

Для того, чтобы наиболее полно и откровенно поведать об особенностях своей натуры и характера, о человеческих и художественных принципах и пристрастиях, женщины иногда прибегали к своеобразному литературному приему, то есть создавали дневниковые записи, писанные как будто бы другим лицом, в которых последнее повествовало о жизни, поступках, размышлениях истинного автора, стоящего за спиной воображаемой diarистики. Подобная «уловка» давала возможность писательнице достичь наивысшей степени самовыражения и самооценки своей личности, взглянуть на нее как бы со стороны.

В этом смысле наиболее показательным является роман выдающейся американской писательницы, большую часть жизни прожившей в Париже, первопроходца стиля модерн в литературе Гертруды Стайн (1874–1946) – «Автобиография Элис Би Токлас» (1933)⁵⁴.

По свидетельству специалистов, в литературе XX в. эта книга стала уникальным явлением.

И хотя формальной героиней романа и повествователем событий является близкая и многолетняя подруга Г. Стайн (они прожили вместе почти 40 лет), на самом деле, это не столько взгляд на саму себя как бы чужими глазами, а откровенная самооценка своей внешности, поведения, своих чувств, таланта, своих заслуг как писателя. Этому, по видимому, способствовало и ее образование психолога, которое она получила в Гарвардском университете.

Устами Элис Би Токлас Стайн говорит о себе: «... молодые, научившись у нее всему, чему только можно научиться, берутся обвинять ее в непомерной гордыне. Она говорит, а что тут такого. Она прекрасно знает, что в английской литературе своего времени она единственная. Она всегда это знала, а теперь заявляет об этом открыто»⁵⁵.

Гертруда Стайн совершенно четко и откровенно оценивает свою роль в культурном дискурсе эпохи. Она пишет о себе: «Ее очень интересно читать, потому что метод письма <...> уже дает о себе знать», «... столько всего сказано про то, что ее творчество прежде всего обращено к слуховому восприятию и к подкорке. А на самом деле зрение и

⁵⁴ Стайн Г. *Автобиография Элис Би Токлас*. М., 2006.

⁵⁵ Там же. С.100.

рациональный анализ для нее действительно важны и играют самостоятельную роль при отборе материала»⁵⁶.

Эта писательница «стремилась найти в литературе приемы, подобные тем, которые поражали ее в творчестве таких художников, как Пикассо и Матисс. Она хотела разрушить привычным образом построенные фразы, чтобы читатели задумались об истинном значении слова. Она стремилась разрушить застывшие формы и нормы образца XIX века и найти новый язык, который способен был бы передать скрытую от сторонних глаз внутреннюю жизнь человека»⁵⁷, и прежде всего, она препарировала себя, свою неповторимую индивидуальность, быть может, не столько для других, сколько для самой себя.

Гертруда Стайн была новатором не только в творчестве, но во всех своих жизненных проявлениях. Она полагала, что те немногие женщины, которые получили «допуск» к творчеству, отличаются от типичных представительниц своего пола. Она писала: «Быть умной, образованной, самостоятельной – не говоря уж о претензиях на гениальность – означало, по определению, поступиться женственностью»⁵⁸. И она как бы выдала сама себе разрешение, чтобы быть неординарной во всем. Г. Стайн отвергла женский стиль, одевалась и стриглась по-мужски, водила машину, решала все финансовые вопросы, отличалась очень волевым характером.

Подводя итог всем вышеприведенным текстам, можно вслед за литературоведом И. Савкиной констатировать, что женщины пишут, осуществляясь в акте письма; увидев себя в зеркале и Зазеркалье автотекста, они воссоздают себя, утверждая: «Я есть, я пишу, значит – существую»⁵⁹.

⁵⁶ Там же. С.98.

⁵⁷ Сеницына Л. Гертруда Стайн // Женщины, любившие женщин. М., 2002. С.197.

⁵⁸ Там же. С.196.

⁵⁹ Савкина И. Указ. соч. С.6.

**Владимир Бородулин,
Алексей Тополянский**

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ:

**ОСНОВОПОЛОЖНИК УЧЕНИЯ
О ЛЕЧЕБНОМ ПИТАНИИ М.И.ПЕВЗНЕР
И ЕГО ШКОЛА**

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК
929

The M.Pevsner's school of nutritionists and gastroenterologists is reviewed as a classic model of scientific clinical school of 20-th century. For the first time reliable scientific biographie of one of the pioneers of the USSR gastroenterology professor M.I.Pevsner is presented, and his disciples are named. The influence of the socio-political factors on the fate of the scientists and related scientific areas is shown.

Ключевые слова: научные клинические школы; М.И.Певзнер; лечебное питание; история гастроэнтерологии; дело врачей.

Keywords: scientific clinical schools; M.I.Pevzner; clinical nutrition; history of gastroenterology; doctor's case history.

E-mail: vborodul@mail.ru, avtop2004@mail.ru

Обширная и разноплановая литература, посвященная проблеме истории научных школ, практически не содержит исследований, которые затрагивали бы вопрос о хронологических границах этого понятия. Мы говорим об определенном виде школы, когда в роли «центра кристаллизации» выступает яркая творческая личность ее основателя. Именно с этим типом школ главным образом связано представление о научных школах как основном механизме передачи «эстафеты нарастающих знаний»¹, т. е. как о постоянном и одном из решающих факторов становления и развития современной науки, обеспечивающем преемственность, и приращение научного знания. Применительно к этим школам, обычно, по умолчанию, подразумевают, что они действовали и действуют на всех этапах истории науки Нового времени. Между тем материалы наших исследований по истории отечественной клиники внутренних болезней показывают, что это позитивистское по своим методологическим основам представление устарело и нуждается в поправках. Так, в России терапевтические школы появились только в 1860-х годах (школа С.П.Боткина и др.), а начиная с 1960-х годов наметился процесс их постепенного отмирания и замены врачебными исследовательскими коллективами принципиально иного типа². В данном исследовании авторы ставили себе задачу проанализировать судьбу школы М.И.Певзнера как пример терапевтической школы XX столетия.

УЧИТЕЛЬ

Литература не содержит достоверной, основанной на документальных источниках, биографии М.И.Певзнера и полноценного анализа его научного пути. Его имя, чрезвычайно популярное и известное далеко за пределами собственно медицины в 1930-е – 1940-е годы³, к концу XX в. оказалось почти стертым со страниц истории клинической медицины в СССР. Восполняем этот пробел.

¹ Салямон Л.С. Бифункциональность науки и некоторые проблемы научных школ // Школы в науке. М., 1977. С.181–186.

² Бородулин В.И., Сорокина Т.С., Тополянский А.В. Клиническая медицина в двадцатом веке. Очерки истории. М., 2012. С.153–192.

³ Главным образом благодаря авторитету Клиники лечебного питания Певзнера в Москве и диетическим столам, по Певзнеру, во всех больницах и санаториях страны.

По архивным данным, Мануил Исаакович (Монос Айзикович) Певзнер родился 20 июня 1872 года в городе Вятка в семье купца 1-й гильдии, владельца кожевенного завода⁴. По сведениям из автобиографии и диплома о присуждении лекарской степени, он был «иудейского вероисповедания» и в течение двух лет «из-за процентной нормы для евреев не мог поступить в Университет и занимался изучением химии и новых языков. В 1896 г. поступил на медфак МУ. В 1899 г. был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках, но через полгода был принят обратно и окончил медфак МУ в 1900 г.»⁵. Работал экстерном в факультетской терапевтической клинике (1901, 1903–1907) под руководством В.Д.Шервинского и Л.Е.Голубина. Спустя десятилетия, 1 декабря 1925 г. на торжественном заседании в Центральной курортной клинике В.Д.Шервинский приветствовал его как своего ученика, а Певзнер отвечал: «Я считаю себя обязанным Вам, как учителю и старшему другу. Вы своими советами помогли мне на моем научно-педагогическом пути...»⁶.

Ученик и биограф Певзнера А.М.Ногаллер сообщил, что под руководством В.Д.Шервинского Певзнер подготовил и защитил диссертацию по проблеме септического эндокардита. В действительности эту

⁴ По Свидетельству Вятского еврейского раввина (ЦИАМ. Ф.418. Оп.309. Д.687 (Дело Певзнера М.). Л.10) и анкетному листу (Архив АМН СССР – РАМН. Ф.2 (ВИЭМ). Оп.2. Ед.хр.147. Л.34–35 об.). – Другую дату рождения (7 ноября) указывает юбилейный справочник (Деятели медицинской науки и здравоохранения – сотрудники и питомцы Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова. Биографический словарь 1758–2008 гг. М., 2008). А.М.Ногаллер (в статье к 100-летию со дня рождения учителя) называет еще одну дату: 4 августа 1872 г. В автобиографии, хранящейся в личном деле М.И.Певзнера в архиве НИИ питания РАМН, указан 1973 год рождения – эта датировка опровергается всеми другими, в том числе архивными, источниками. Заметим также, что М.Г.Соловей и Э.Д.Грибанов в посвященной Певзнеру статье (1983) привели неверные сведения о месте рождения и социальном статусе родителей М.И.Певзнера: «небольшой городок Могилевской губернии в семье служащего».

⁵ Биография. Проф. Мануил Исаакович Певзнер (л.1–9, подписана февралем 1941 г.); лекарский Диплом (от 1.2.1901 г.) // Архив НИИ питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Личное дело М.И.Певзнера.

⁶ М.И.Певзнер // Вестник современной медицины. 1926. №5. С.39–40; 25-летие научно-врачебной деятельности заведующего гастро-энтерологическим отделением клиники Мануила Исааковича Певзнера. Отчет конференции. М.: Издательство Наркомздрава; Центр. Курортная Клиника. 1926. – 16 с.

диссертацию в 1893 г. в Военно-медицинской академии (Петербург) блестяще защитил его старший брат Михаил (Моисей)⁷; никакого упоминания о В.Д.Шервинском она, естественно, не содержит. Старший из братьев тоже был популярным врачом⁸. Наличие двух братьев, профессоров медицины, с одинаковыми фамилиями и инициалами привело к досадной путанице в посмертных биографиях. Так, фигурирующие в литературе сведения о том, что по совместительству (1922–1927) Мануил Певзнер заведовал созданной им кафедрой семиотики внутренних болезней в Смоленске, ошибочны; конечно, эта информация относится к старшему брату. Смоленские краеведы сообщили, что в конце сороковых годов М.И.Певзнер поселился в Смоленске, где и похоронен (1952), по его завещанию, вблизи Городской (ранее Губернской земской) больницы на мемориальном кладбище⁹: понятно, что и эта информация относится не к Мануилу, а к его старшему брату Михаилу Певзнеру.

Специализируясь в области гастроэнтерологии, М.И.Певзнер с 1908 года в качестве приват-доцента читал в факультетской клинике университета студентам и врачам систематический курс болезней желудочно-кишечного тракта. Неоднократно проходил стажировку и выезжал в научные командировки в клиники Германии (Вюрцбург, Гиссен, Берлин; 1902–1903, 1907–1908), где работал в том числе у одного из основоположников европейской гастроэнтерологии берлинского терапевта И.Боаса (повторно), а также у К.Эвальда, Ф.Крауса, и в Парижский университет (1913). Можно полагать, что решающую роль в становлении М.И.Певзнера как врача и ученого сыграли московский терапевт и патолог В.Д.Шервинский и берлинский терапевт-гастроэнтеролог И.Боас. До 1917 г. М.И.Певзнер опубликовал 15 научных работ (клинических и экспериментальных), из них 9 – на немецком языке; выступал с докладами на съездах российских терапевтов и хирургов.

⁷ Певзнер М.И. К вопросу об этиологии острого эндокардита. Из клинко-бактериологической лаборатории профессора М.И.Афанасьева при Клиническом институте великой княгини Елены Павловны. СПб., 1893.

⁸ С 1922 г. он профессор кафедры частной патологии и терапии, с 1925 – заведующий кафедрой инфекционных болезней медицинского факультета Смоленского университета (К 50-летию врачебной деятельности профессора М.И.Певзнера // Врачебное дело. 1940. №2. С.155).

⁹ Смоленская область. Энциклопедия. Персоналии. Смоленск: СГПУ, 2001. Т.1. С.189. – Смоленск как место смерти ошибочно указан и в Московской энциклопедии под редакцией С.О.Шмидта (М., 2010. Т.1. Лица Москвы. Кн.3).

М.И.Певзнер

С 1921 года он систематически читал лекции по лечебному питанию для врачей, медицинских сестер и поваров. В 1924 г. он был утвержден доцентом 1 МГУ и читал курс болезней органов пищеварения и диетике, а в 1927 г., в должности профессора, он стал вести тот же курс в Институте курортологии. С 1932 г. М.И.Певзнер одновременно заведовал организованной на базе его клиники первой в стране кафедрой лечебного питания в Центральном институте усовершенствования врачей.

В 1930 г. руководимый М.И.Певзнером отдел лечебного питания был включен в структуру вновь созданного Центрального научного института пита-

ния Наркомздрава РСФСР¹⁰. В числе первых ассистентов клиники, утвержденных одновременно с М.И.Певзнером, были С.О.Бадзьлькес, О.А.Гордон и Г.Л.Левин¹¹. Клиника лечебного питания (в Большом Николоворобинском переулке у Яузских ворот) имела 120 кроватей и специализировалась на лечении, преимущественно лечебным питанием, пациентов с заболеваниями органов пищеварения и обмена веществ (ожирение, диабет); этой клиникой М.И.Певзнер руководил до конца своей жизни. С 1934 г. он был одновременно директором клиники питания и действительным членом совета Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). По совокупности работ без защиты диссертации ему была присуждена степень доктора медицинских наук (1934)¹².

Один из крупнейших отечественных гастроэнтерологов, М.И.Певзнер с учениками разрабатывал вопросы классификации и дифференцированной терапии язвенной болезни, гастритов, гепатитов, энтеритов и колитов. Одним из первых в России он применил желудоч-

¹⁰ В 1944 г. НИИ питания вошел в состав Академии медицинских наук СССР.

¹¹ Приказ по Государственному научному институту питания №5 от октября 1930 г. // Архив НИИ питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Личное дело М.И.Певзнера.

¹² Диплом доктора наук // Архив НИИ питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Личное дело М.И.Певзнера.

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ

ный зонд в диагностике и лечении болезней органов пищеварения, впервые обосновал целесообразность полноценного белково-витаминного питания при острых и хронических заболеваниях печени; положил начало изучению диетотерапии как фактора воздействия на целостный организм и его реактивность. Лечебное питание понималось М.И.Певзнером не в узком смысле ограничений в пищевом рационе при определенных болезнях (например, бессолевая диета при остром нефрите), но в самом широком смысле. А именно: как целенаправленное воздействие на биохимические реакции в организме путем соответствующей диеты, с целью коррекции нарушенного обмена веществ¹³. Он разработал номерную систему диет по нозологическому принципу, которая использовалась в практическом здравоохранении до конца XX века.

Клиника лечебного питания. Б.Николоворобьинский пер.

¹³ С учетом крайне скудного набора существовавших в то время эффективных лекарственных средств, такой подход к терапии внутренних болезней представляется вполне оправданным.

Его научное творчество характеризовал глубокий клинко-физиоло-гический подход. Еще в 1904 г. он выступил в Московском терапевтическом обществе с докладом о значении физиологических исследований И.П.Павлова для развития клинической медицины. С видным представителем научной школы Павлова И.П.Разенковым он поддерживал тесную творческую связь. Параллельно с клиническими исследованиями, в сотрудничестве с И.П.Разенковым, шла экспериментальная работа в созданной при клинике лечебного питания физиологической лаборатории. По М.И.Певзнеру, «Лечебное питание не эмпирия, а научно обоснованные изыскания на почве сопоставления экспериментальных данных на животных и на человеке с данными биохимических исследований и клинических наблюдений...». Им опубликовано более 100¹⁴, а по другим подсчетам – около 200 научных работ¹⁵, в том числе 10 монографий¹⁶.

Прекрасный клиницист, М.И.Певзнер видел в каждом больном не только его болезнь, но и личность, используя весь доступный ему арсенал лабораторно-инструментальных методов диагностики, оставался критически мыслящим врачом, а не «лабораторным диагностом»-гастроэнтерологом. Такой подход к клинике, к больному он прививал и своим ученикам¹⁷.

УЧЕНИКИ

Далеко не каждому крупному клиницисту дано оставить после себя оригинальную клиническую школу. М.И.Певзнеру это удалось. Его школу отличали целеустремленная раз-

работка одной области клинической медицины – вопросов гастроэнтерологии и лечебного питания; клинко-физиологический подход к про-

¹⁴ М.И.Певзнер (К 100-летию со дня рождения) // *Терапевтический архив*. 1972. Т.44. №9. С.106–108.

¹⁵ Ногаллер А.М. Мануил Исаакович Певзнер (К 100-летию со дня рождения) // *Клиническая медицина*. 1973. Т.51. №2. С.151–152.

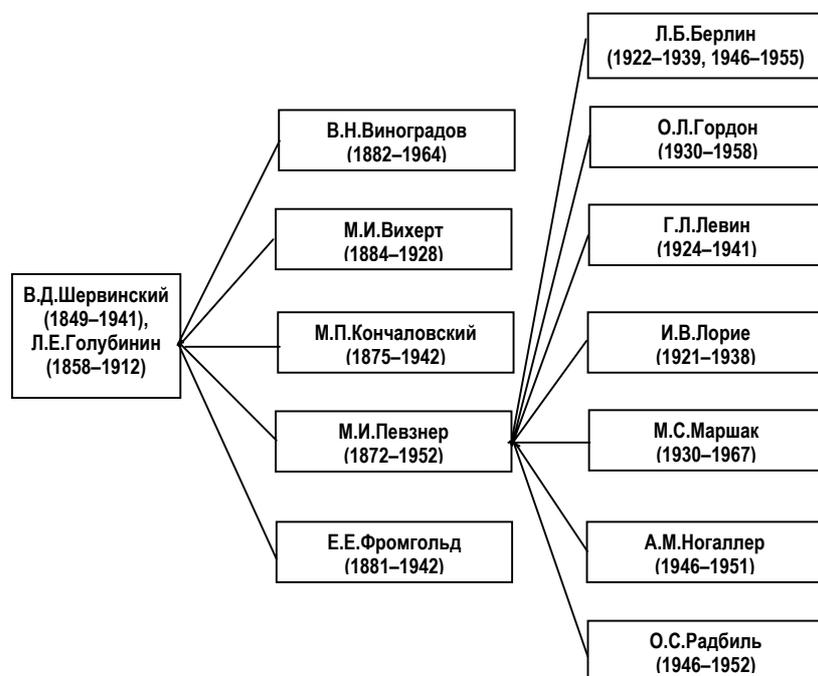
¹⁶ «Диагностика и терапия болезней желудочно-кишечного тракта и болезней обмена веществ» (1924, 1945); «Основы лечебного питания» (1937, 1949, 1958); «Язва желудка и двенадцатиперстной кишки» (1946); и др.

¹⁷ Ногаллер А.М. М.И.Певзнер (1872–1952) – основоположник диетотерапии и клинической гастроэнтерологии в СССР. Памяти учителя // *Заметки по еврейской истории: Сетевой журнал*. 2004. 22 августа. №45. URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer45>

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ

блемам патологии и диетотерапии; особое внимание к вопросам организации диетического питания. Ведущими представителями созданной им школы гастроэнтерологов и диетологов были Л.Б.Берлин, О.Л.Гордон, Г.Л.Левин, И.Ф.Лорие, М.С.Маршак, А.М.Ногаллер, О.С.Радбиль.

Научные клинические школы В.Д.Шервинского – Л.Е.Голубинина и М.И.Певзнера (указаны годы жизни представителей школы Шервинского – Голубинина и годы работы учеников М.И.Певзнера в клинике лечебного питания)

В автобиографии и личном листке по учету кадров Лев Борисович Берлин (1896–1955)¹⁸ указывал, что родился в Витебске в семье тор-

¹⁸ Дядя всемирно известного британского философа, литературоведа и политолога сэра Исайи Берлина, президента Британской АН (1971) (Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. Т.1. С.122).

говца «среднего достатка»¹⁹. Окончив медицинский факультет 1 МГУ (1922), работал в клинике лечебного питания Центрального института курортологии ординатором, аспирантом (1926–1929), ассистентом (с 1929 г.). В 1930 г. вместе с отделением был переведен в клинику лечебного питания Института питания, где работал старшим ассистентом, заведующим отделением и заместителем директора клиники по научной работе. Одновременно он вел педагогическую работу в качестве доцента кафедры лечебного питания ЦИУ врачей. В 1939 г. был избран по конкурсу заведующим кафедрой лечебного питания в Институте для усовершенствования врачей (Ленинград); в 1940 г. защитил докторскую диссертацию по проблеме колитов; в 1940–1942 гг. заведовал кафедрой терапии №2 в том же институте. На фронтах Великой Отечественной войны был (с 1942 г.) главным терапевтом 8-й армии, затем – Западного фронта ПВО. Полковник медицинской службы Л.Б.Берлин награжден боевыми орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны I степени».

В 1946 г. Л.Б.Берлин вернулся в клинику лечебного питания в качестве заведующего отделением обмена веществ; с 1948 г. – профессор. К 1952 году он был (по характеристике, подписанной М.И.Певзнером) автором свыше 40 научных работ, среди которых наибольшее значение имели исследования по вопросам клиники и лечебного питания при колитах, болезнях печени, гипертонической болезни, в том числе монография «Хронические колиты» (1951). После ареста в 1952 г. и освобождения с реабилитацией в 1954 г. вернулся в клинику лечебного питания в качестве старшего научного сотрудника.

Отделением болезней желудочно-кишечного тракта клиники Певзнера в 1931–1958 годах заведовал Осип Львович Гордон (1898–1958). Он родился в Риге в семье врача²⁰. По окончании 1 МГУ (1922) работал в системе железнодорожной медицины; в 1929 году организовал при железнодорожной поликлинике консультативный прием по гастроэнтерологии и руководил первой диетической столовой для железнодорожников²¹.

В 1930 г. вместе с М.И.Певзнером он начинал исследования по лечебному питанию в Институте питания, с 1939 г. был заместителем по

¹⁹ Биография // Архив НИИ питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Дело Л.Б.Берлина.

²⁰ Российская еврейская энциклопедия. Т.1. С.355.

²¹ Памяти профессора Осипа Львовича Гордона (1898–1958) // Вопросы питания. 1959. Т.18. №1. С.84.

научной части директора клиники лечебного питания. В характеристике (1941), подписанной директором клиники, отмечено, что О.Л.Гордон имеет 35 научных работ и «выявил себя как в высшей степени активный научный работник и хороший клиницист. Клинические и экспериментальные работы тов. Гордона О.Л. являются строго научными и важными для клиники»²². Одновременно он около 20 лет вел преподавательскую работу в качестве ассистента, затем доцента кафедры лечебного питания ЦИУ врачей, с большим успехом читал лекции по различным вопросам гастроэнтерологии.

Его исследования, посвященные физиологическому обоснованию и унификации методов исследования желудочно-кишечного тракта, проблемам диетотерапии, так называемых функциональных заболеваний желудка и др.²³, отличались блестящим применением клинко-экспериментального метода и комплексным подходом, часто проводились совместно с видными физиологами, хирургами, невропатологами.

Сын видного врача Кремлевской больницы Л.Г.Левина²⁴ Георгий Львович Левин родился в 1900 году, окончил медицинский факультет 1 МГУ в 1923 г. С 1928 г. – аспирант отделения диететики и болезней органов пищеварения Центрального государственного института курортологии. В 1930–1941 гг. являлся старшим ассистентом в клинике лечебного питания НИИ питания; одновременно вел преподавание в качестве доцента кафедры лечебного питания ЦИУ врачей²⁵. Таким образом, работая почти два десятилетия под руководством М.И.Певзнера, он сформировался как врач, педагог и исследователь. С 1942 г. Г.Л.Левин – военный врач на фронтах Великой Отечественной войны, затем начальник терапевтического отделения Главного военного госпиталя имени Н.Н.Бурденко (1947), доцент ЦИУ врачей. Современникам он запом-

²² Биография // Архив НИИ питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Личное дело Гордона О.Л.

²³ Гордон О.Л. Лечебное питание в госпиталях. М., 1943; Клиническое значение нарушений нейрогуморальной регуляции при некоторых патологических состояниях желудка. Л., 1948; Осложнения у язвенных больных после гастроэнтероскопии и резекции желудка. М., 1949; Хронический гастрит и так называемые функциональные заболевания желудка. М., 1959.

²⁴ Л.Г.Левин репрессирован в 1938 г. вместе с Д.Д.Плетневым по делу о правотроцкистском заговоре («бухаринский процесс») и в том же году расстрелян.

²⁵ Curriculum vitae. Доцент Левин Г.Л. // Архив АМН СССР – РАМН. Ф.2 (ВИЭМ). Оп.2. Ед.хр.125. Л.53, 53 об.

нился блестящими лекциями по гастроэнтерологии, тщательно продуманными и выстроенными, демонстрирующими артистический дар лектора и всегда завершавшимися аплодисментами курсантов²⁶. Его монография «Язвенная болезнь» (М., 1970) цитируется и в работах гастроэнтерологов XXI века.

Одним из старейших сотрудников М.И.Певзнера был видный отечественный гастроэнтеролог Иван Федорович Лорие (1889–1972) – видный организатор системы группового лечебного питания в нашей стране. Под его непосредственным руководством основаны первые диетические столовые на Кавказских минеральных водах, специальные отделения гастроэнтерологии и диететики в ряде московских больниц²⁷. В 1939–1957 гг. профессор И.Ф.Лорие работал в Московском областном клиническом институте. Его научные труды (свыше 80, в том числе 5 монографий) охватывают многие проблемы гастроэнтерологии; он является автором популярных многократно переиздававшихся руководств по диетологии и гастроэнтерологии²⁸.

Профессор Макс Соломонович Маршак (1899–1970) окончил 1 МГУ в 1923 году. В 1930–1967 гг. он заведовал организационно-методическим отделом клиники лечебного питания, был постоянным консультантом по диетологии министерств здравоохранения СССР и РСФСР, научным консультантом при составлении кулинарных руководств. В годы Великой Отечественной войны в рядах Советской Армии он непосредственно руководил организацией лечебного питания в военных госпиталях²⁹. Автор ряда книг о диетическом питании³⁰; за монографию «Организация лечебного питания» ему была присвоена степень доктора медицинских наук (1946).

²⁶ Запись беседы с проф. В.П.Жмуркиным в личном архиве В.И.Бородулина.

²⁷ Иван Федорович Лорие (к 80-летию со дня рождения) // *Клиническая медицина*. 1969. Т.47. №6. С.6.

²⁸ «Болезни кишечника» (М., 1957); «Диета при болезнях сердца и сосудов» (6-е изд. М., 1949); «Лечебное питание» (М., 1957); «Основы диететики» (5-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1941); «Язвенная болезнь» (М., 1958).

²⁹ Памяти профессора Макса Соломоновича Маршака // *Вопросы питания*. 1971. Т.30. №1. С.91.

³⁰ Маршак М.С. *Диетическое питание: пособие для диетсестер и поваров в больничных учреждениях* / Под ред. И.С.Савоценко, при участии Е.Н.Боринской и др. М.: Медицина, 1967. – 483 с.

Среди поздних учеников М.И.Певзнера наиболее известны А.М.Ногаллер и О.С.Радбиль. Александр Михайлович Ногаллер, терапевт, гастроэнтеролог, аллерголог, курортолог, родился в 1920 г., окончил 1-й Московский медицинский институт в 1941 г. В годы Великой Отечественной войны прошел путь от Москвы до Берлина: был врачом истребительного противотанкового артиллерийского полка, медсанбата, армейского полевого подвижного госпиталя. Специализация А.М.Ногаллера в области гастроэнтерологии проходила под руководством М.И.Певзнера. С 1946 г. он работал в клинике лечебного питания Института питания АМН СССР, здесь сформировался как терапевт-гастроэнтеролог, изучал гуморальные механизмы патогенеза и эффективность диетотерапии при болезнях органов кровообращения и пищеварения. В 1951 году в обстановке «погрома» в клинике лечебного питания был вынужден уехать из Москвы, работал старшим научным сотрудником, а затем заведующим Ессентукской клиникой Пятигорского НИИ курортологии и физиотерапии. В 1959 г. был избран заведующим кафедрой терапии Астраханского, с 1967 г. заведовал кафедрой пропедевтики внутренних болезней Рязанского медицинского института (ныне университета) им. И.П.Павлова. В 1996 г. А.М.Ногаллер эмигрировал в Германию. Является автором многочисленных публикаций, в том числе монографий по различным вопросам гастроэнтерологии и истории медицины³¹. Особенно высоко оценивался его вклад в изучение патогенеза, клиники, диагностики и лечения пищевой аллергии, иммунологических нарушений при болезнях пищеварения³².

Видный терапевт-гастроэнтеролог Оскар Самойлович Радбиль (1919–1993) окончил Киевский медицинский институт в 1941 г. С 1946 г. специализировался по гастроэнтерологии в клинике Певзнера. В 1950 г. руководитель клиники характеризовал Радбиля как «быстро

³¹ «Диагностика и лечение хронических заболеваний органов пищеварения» (1966); «Заболевания желчного пузыря и желчных путей» (1969); «Аллергия и заболевания органов пищеварения» (1975); «Хронические гепатиты и циррозы печени» (1977, в соавт.); «Гастроэнтерология в поликлинике» (1979, в соавт.); «Пищевая аллергия» (1983); «Хронический неязвенный колит» (1986, в соавт.); «Функциональные заболевания пищеварительного тракта» (1987, в соавт.); «Профилактика и лечение заболеваний органов пищеварения» (1991, в соавт.).

³² Александр Михайлович Ногаллер (к 70-летию со дня рождения) // Клиническая медицина. 1990. Т.68. №6. С.10.

растущего научного работника», который «читает на 10 иностранных языках», однако в июле 1952 г. он был по болезни освобожден от занимаемой должности³³. В 1957–1973 гг. О.С.Радбиль заведовал кафедрой терапии №2 Казанского института усовершенствования врачей³⁴. Многочисленные работы (по подсчетам сотрудников его кафедры, свыше 350 печатных трудов, в том числе 20 монографий)³⁵ позволяют считать его (вслед за С.И.Бадылькесом) одним из основоположников эндокринологического направления в отечественной гастроэнтерологии.

Если принадлежность к школе Певзнера семи названных выше видных советских профессоров-гастроэнтерологов очевидна, то в отношении Соломона Иосифовича Бадылькеса (1898–1956) – в середине XX в. одного из самых крупных гастроэнтерологов Москвы – эта связь представляется менее убедительной³⁶.

³³ Характеристика Радбиля О.С.; Приказ по АМН №349 от 12 июля 1952 г. // Архив Института питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Личное дело Радбиля О.С.

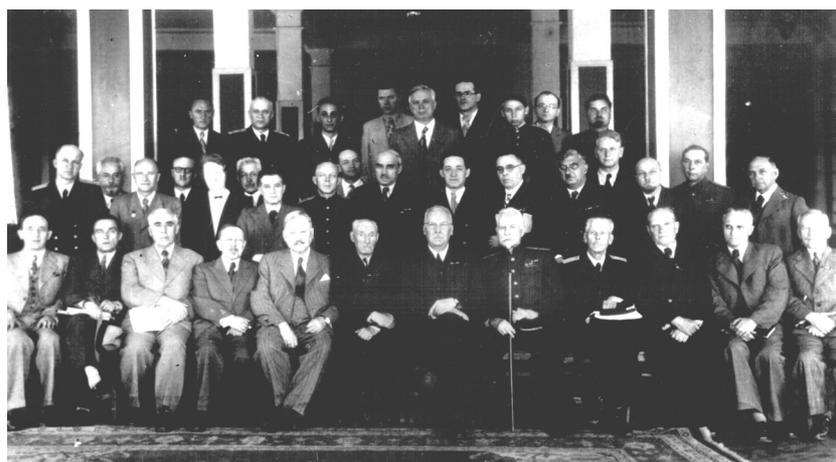
³⁴ Памяти Оскара Самойловича Радбиля // *Терапевтический архив*. 1993. Т.65. №12. С.87.

³⁵ Наибольшее значение имеют: монография «Язвенная болезнь и ее лечение» (Казань, 1969, с использованием материалов докторской диссертации, защищенной в 1958 г.); цикл исследований по вопросам взаимодействия эндокринных желез и органов пищеварения, включая монографии, написанные в соавторстве («Эндокринная система и желудок», Киев, 1973; «Эндокринный профиль заболеваний органов пищеварения», М., 1976; «Гормоны пищеварительной системы», М., 1995); фундаментальный справочник «Фармакотерапия в гастроэнтерологии» (М., 1991).

³⁶ В автобиографии (Архив Центрального института курортологии. Личное дело Бадылькеса С.И.) он указывал, что в 1930–1933 годах работал старшим ассистентом клиники лечебного питания (и одновременно – преподавал в ЦИУ врачей), то есть был в то время сотрудником М.И.Певзнера. Однако до этого он был ординатором факультетской терапевтической клиники 2 МГУ (1922–1925), которой руководил ученик А.А.Остроумова А.П.Ланговой, известный работами по вопросам патологии желудка и печени. С 1926 г. С.И.Бадылькес был аспирантом Медико-биологического института (директор – В.Ф.Зеленин); в 1924–1928 гг. он опубликовал шесть клинико-экспериментальных работ, посвященных изучению функции желудка, главным образом, вопросам гормонального влияния на желудочную секрецию. Совместных публикаций М.И.Певзнера и С.И.Бадылькеса нет. С 1933 г. С.И.Бадылькес работал старшим ассистентом факультетской терапевтической клиники 2 ММИ, в 1941–1950 гг. заведовал кафедрой внутренних болезней Московского стоматологического института, с 1951 г. руководил отделением лечебного питания Центрального института курортологии. Он никогда не упоминал о влиянии на него М.И.Певзнера, не называл себя его учеником. По-

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ

К середине XX века и среди коллег в научном сообществе, и в широких кругах практических врачей, и для необозримой очереди пациентов именно М.И.Певзнер олицетворял собой вершину гастроэнтерологии в СССР³⁷. На конференциях, съездах, конгрессах он выступал с установочными докладами; на представленной ниже фотографии президиума 13-го Всесоюзного съезда терапевтов он занимает почетное место в центре первого ряда. Выходили его фундаментальные труды: каждое десятилетие одна – две – три книги. На его кафедре повышали квалификацию все диетологи и терапевты-гастроэнтерологи страны. Его «диетстолы» легли в советской медицине в основу всей диетотерапии. Больные со всех концов страны обращались к нему за советом и помощью.

Президиум 13-го Всесоюзного съезда терапевтов (Ленинград, 1947).

В первом ряду в центре сидят М.И.Певзнер (4-й слева), В.Н.Виноградов, С.М.Мелких, Г.Ф.Ланг, М.И.Аринкин, Н.И.Лепорский.

этому представляется некорректным относить его к школе Певзнера.

³⁷ *Разумеется, сама гастроэнтерология была в это время еще в колыбели. Только в 60-х годах началось оформление ее как самостоятельной научно-учебной клинической дисциплины и врачебной специальности.*

М.И.Певзнер был председателем гастроэнтерологической секции Московского терапевтического общества, членом Международного общества гастроэнтерологов (с 1937 г.) и ряда других медицинских обществ; неоднократно представлял достижения отечественной гастроэнтерологии за рубежом. В 1935 г. вместе с Р.А.Лурия он был делегатом на гастроэнтерологическом конгрессе в Бельгии; в 1937 г. был избран членом Центрального совета Международного общества гастроэнтерологов; в 1939 г. продемонстрировал эффективность лечебного питания при ревматизме на ревматологическом конгрессе в Швеции. Его удостоили звания заслуженного деятеля науки (1936), орденов Трудового Красного знамени (1943) и Знак Почета (1944) и других правительственных наград. Когда в 1944 г. партийно-советское руководство страны приступило к созданию Академии медицинских наук СССР, М.И.Певзнер в числе нескольких ведущих советских терапевтов (академиками были назначены всего пятеро) фигурировал в предварительном списке – об этом ему сообщил сам министр здравоохранения СССР и председатель оргкомитета по созданию академии Г.А.Митерев; только вследствие вспыльчивого характера и невежливого по отношению к всеильному министру поведения он сам фактически снял вопрос о своей кандидатуре в академии³⁸.

**РЕПРЕССИРОВАННАЯ
МЕДИЦИНА: КЛИНИКА
ПЕВЗНЕРА И ТАК
НАЗЫВАЕМОЕ ДЕЛО ВРАЧЕЙ**

До 80 лет М.И.Певзнер сохранял работоспособность. Однако последние годы его жизни пришлись на один из самых мрачных этапов эпохи сталинизма. Послевоенные все-

общие надежды на благоприятные перемены в стране победителей, на ослабление политико-идеологического диктата в сфере культуры и нау-

³⁸ Семьи известного терапевта-кардиолога академика АМН В.Ф.Зеленина и М.И.Певзнера жили в соседних домах и находились в дружеских отношениях. По рассказу А.В.Зеленина, со слов жены М.И.Певзнера, тот был на приеме у министра с жалобой на дирекцию Института питания, которая не пошла ему навстречу в каких-то служебных вопросах. Министр попросил его не реагировать так остро на подобные пустяки, подчеркнул общее особое уважение к нему как врачу и ученому и пообещал: сейчас идет подготовка списков будущих академиков АМН и, конечно, имя Певзнера будет в списке. На это раздосадованный отказом в решении беспокоившего его конкретного вопроса Мануил Исаакович вспылил и крикнул: «Да чихать я хотел на вашу академию» – и хлопнул дверью.

ки не оправдались. Наоборот, конец 40-х – начало 50-х годов XX века ознаменовались состоянием «холодной войны» с ведущими державами Запада и «железным занавесом» с полной изоляцией от культурной и научной жизни остального мира; апогеем тоталитаризма и вновь набравшими силу репрессиями; государственной политикой «борьбы с космополитами», имевшей выраженный антисемитский характер. Для М.И.Певзнера эти годы были отмечены нарастающим давлением властей на созданную им клинику. Однако он еще оставался ее директором, когда 23 мая 1952 г. внезапно скончался от повторного инфаркта миокарда³⁹.

Дело о «националистической группе» в клинике лечебного питания развивалось следующим образом. 4 июля 1950 г. министр государственной безопасности СССР В.С.Абакумов в письме на имя заместителя председателя правительства и секретаря ЦК ВКП (б) Г.М.Маленкова, курировавшего вопросы здравоохранения, предложил Министерству здравоохранения СССР «принять меры к оздоровлению и очистке кадров клиники лечебного питания»⁴⁰. 2 августа в письме из ЦК ВКП (б) Г.М.Маленкову сообщалось, что «по имеющимся в МГБ СССР данным, в результате нарушения большевистского принципа подбора кадров в клинике лечебного питания Научно-исследовательского института питания АМН СССР создалась обстановка семейственности и групповщины... Некоторые должности научных сотрудников в ряде отделов замещены по представлению проф. Певзнера политически сомнительными лицами, скомпрометировавшими себя в прошлом, имеющими связь с родственниками, живущими за границей. Проф. Певзнер, происхождение из купцов, 1872 года рождения, беспартийный, в течение ряда лет подолгу проживал за границей, имеет родственников во Франции. Зав. отделением, проф. Гордон О.Л., 1898 года рождения, беспартийный, в

³⁹ «Исключить из списков сотрудников Института зав. отделом лечебного питания – директора Клиники лечебного питания профессора М.И.Певзнера с 23.5. с.г. ввиду смерти. Директор Института питания АМН СССР проф. О.П.Молчанова» (Выписка из приказа №68 от 26.5.1952 г. по Институту питания АМН СССР // Архив НИИ питания РАМН. Ф.44. Оп.4. Личное дело Певзнера М.И.).

⁴⁰ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общей ред. А.Н.Яковлева. Составитель Г.В.Костырченко. М., 2005. С.435–436. Документ №4-154. В.С.Абакумов – Г.М.Маленкову о «засоренности» кадров в клинике лечебного питания. 4 июля 1950 г.

Париже проживает его тетка, занимающаяся торговлей... Зав. отделением проф. Берлин Л.Б., 1896 года рождения, беспартийный, брат проживает в Англии...»⁴¹.

Нельзя не отметить, что объективные обстоятельства способствовали особому интересу партийно-советского руководства к клинике Певзнера. Национальный состав врачебного персонала и больных в этой клинике мог бы не удивлять разве что в официальной еврейской больнице, что в Российской империи имело место, но в Советском Союзе не случалось никогда. Так, в 1950 году 36 из 43 должностей руководящих и научных работников клиники были заняты лицами еврейской национальности (что отмечено в цитированном выше письме). Даже на фоне исключительно высокого «удельного веса» врачей-евреев, в том числе и профессоров медицины, в СССР в 1920-е – 1940-е годы клиника Певзнера «ставила рекорды». Руководитель клиники не скрывал своей активной (в течение всей его жизни) позиции в «еврейском вопросе» и своего участия в соответствующих благотворительных акциях. В конце 1940-х годов все это вызывало противостояло партийно-правительственным установкам. И меры были приняты. Ряд сотрудников старшего возраста отправили на пенсию, более молодых научных сотрудников (среди них А.М.Ногаллера и О.С.Радбиля) «выдавили» на периферию страны.

В 1951 г. был арестован Г.Л.Левин, который под давлением вынужден был дать нужные следователям показания: «в клинике... сложилась группа из националистически настроенных научных сотрудников во главе с директором клиники – профессором ПЕВЗНЕРОМ М.И., который в прошлом вел активную работу в еврейских националистических общественных организациях. Собранный ПЕВЗНЕРОМ еще в начале 20-х годов коллектив состоял в основном из лиц еврейской национальности, во всем поддерживавших друг друга, прочно державшихся за свои места в клинике и не желавших работать вне стен клиники на других участках советского здравоохранения». Были арестованы и другие сотрудники М.И.Певзнера – Л.Б.Берлин, Б.С.Левин. В силу политических соображений была поставлена под сомнение целесообразность самой диетотерапии.

⁴¹ Там же. Документ №4-155. Административный отдел ЦК ВКП (б) – Г.М.Маленкову о кадрах клиники лечебного питания НИИ Питания АМН СССР. С.436–437 (со ссылкой на: РГАСПИ. Ф.17. Оп.119. Д.12. Л.86–87).

Л.Б.Берлин на допросе 23 апреля 1952 года показал: «...Я признаю себя виновным в том, что... применял при лечении больных колитом, гепатитом и гипертонической болезнью порочную методику, заключающуюся в изолированном назначении этой категории больных только лечебного питания без сочетания его с рядом других весьма важных лечебных средств как лекарственных, так и физиотерапевтических. ...Я признаю себя также виновным и в том, что проверял действия диет с завышенным содержанием белка на людях, тогда как на животных эти диеты вообще не проверялись...»⁴². Аналогичные показания о порочности терапевтической методики, применявшейся в клинике лечебного питания, дали Б.С.Левин и Г.Л.Левин.

В карательном ведомстве дело о «националистической группе» в клинике лечебного питания и печально знаменитое «дело врачей» проходили как бы параллельно, но сразу же началось «подшивание» первого ко второму, которое к тому времени перешло в стадию активной разработки – как главная задача ведомства, поставленная самим И.В.Сталиным. Следует отметить, что еще в зловещем Списке единомышленников, высказывающих враждебные взгляды⁴³, фигурировал, наряду с М.С.Вовси и другими известными врачами, и М.И.Певзнер. По дальнейшей версии МГБ, М.И.Певзнер был «куратором» В.Н.Виноградова и пересылал секретные материалы через Л.Б.Берлина, которого устроил заведовать отделением в клинике лечебного питания, а последний отправлял эти материалы в посольство Великобритании, где работал его брат – Мендель Берлин⁴⁴. Мануил Исаакович Певзнер умер очень своевременно, так и не узнав о своей шпионской и вредительской деятельности.

После смерти И.В.Сталина, в связи с поступлением жалоб от Л.Б.Берлина, Г.Л.Левина и Б.С.Левина, была создана экспертная комиссия, на основании заключения которой в 1954 г. арестованные сотрудники клиники питания были освобождены и реабилитированы.

⁴² Государственный антисемитизм в СССР. Документ №4-159. Постановление МВД СССР об освобождении Л.Б.Берлина, бывшего заведующего отделением клиники лечебного питания. 03.02.1954. С.442–448.

⁴³ Этот список был направлен Абакумову старшим следователем Рюминым.

⁴⁴ Маслов А.В. Арестованная медицина // Исторический вестник ММА им. И.М.Сеченова. М., 2003. Т.ХVIII. С.70; Лясс Ф. Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся юдоцид. Изд. 3-е, доп. М.; Иерусалим, 2007. С.109.

Реабилитирована была и сама идея диетотерапии, которая сегодня не только не утратила своей актуальности, но становится все более популярной в современных условиях, когда многие пациенты разочаровываются в медикаментозной терапии, в связи с высокой стоимостью лекарств и частыми осложнениями, и проникаются идеей здорового образа жизни.

**НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ
И
МЕДИЦИНА XXI ВЕКА**

Созданная М.И.Певзнером в 1920-е – 1940-е годы крупная оригинальная школа гастроэнтерологов и диетологов была воплощением и высоким образцом научной клинической

школы. Оглядывая из нового двадцать первого века картину жизни московской терапевтической элиты середины минувшего столетия, мы можем на примере школы Певзнера говорить об особенностях клинических школ в советской медицине, разработывавших актуальные направления, исходившие из клинической практики, крупные идеи создателей школ; эти школы оказали прямое влияние на формирование новых перспективных разделов клиники внутренних болезней. Отметим, что срок жизни школы Певзнера полностью укладывается в обозначенные в начале статьи хронологические рамки. Закономерен вопрос: почему ученики М.И.Певзнера, даже И.Ф.Лорие, А.М.Ногаллер, О.С.Радбиль, не оставили своих «дочерних» школ?

Нам представляется, что ответ на этот принципиальный вопрос надо искать далеко за рамками гастроэнтерологии и даже клиники внутренних болезней в целом. Вся медицина, начиная с последней трети XX века, изменилась неузнаваемо. Современная медицина – узкоспециализированная (но утерявшая понимание личности больного и индивидуальный подход к пациенту), высокотехнологичная (но утратившая навыки непосредственного обследования больного), эффективная (но одновременно опасная для здоровья и жизни пациента), коммерциализированная (с утратой гуманного начала врачевания) область знания. Деятельность врача подчинена инструкциям, программам, рекомендациям и стандартам, которые разработаны и утверждены соответствующими медицинскими инстанциями и регламентируют объем и последовательность диагностических и лечебных действий: они оставляют слишком мало места для попыток использовать клиническое мышление врача.

К ИСТОРИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ

Сам характер науки, ее организационные формы, как и формы лечебной деятельности, претерпели в последней трети XX столетия такие изменения, что напрашивается вопрос, правомерно ли вообще применительно к современной медицине пользоваться без оговорок и пояснений традиционным понятием «научная клиническая школа»? Ведь в современных научных коллективах всё другое: и задачи коллективной работы, и принципы формирования коллектива, и процесс обучения, и организационные формы научного творчества, и характер взаимоотношений руководителя коллектива и его учеников. Надо констатировать: на рубеже XX – XXI столетий сформировался новый тип научных коллективов; анализ этого феномена – за рамками нашего исследования. Может быть, «научные школы» – этот интереснейший феномен в истории не только клинической, но и любой науки, – прожив столетнюю жизнь, оставили сцену терапевтической клиники в России навсегда?

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Лапин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук, заведующий отделом Новой истории
Санкт-Петербургского института истории РАН,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая
история» Финансового университета при Правительстве РФ

Нефедов Сергей Александрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент,
Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Полунов Александр Юрьевич

доктор исторических наук, доцент МГУ им. М.В.Ломоносова,
факультет государственного управления

Ксенофонтова Наталия Александровна

кандидат исторических наук, руководитель группы гендерных
исследований Института Африки РАН

Бородулин Владимир Иосифович

профессор, доктор медицинских наук,
главный научный сотрудник Института истории медицины РАМН

Тополянский Алексей Викторович

доцент, кандидат медицинских наук,
докторант Института истории медицины РАМН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor of Chair History of Russian Literature,
philological faculty of Moscow State University

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci, historian,
Professor of European University (Saint Petersburg),
the Head of department New history of Saint Petersburg Institute
of History (RAS)

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian,
assistant Professor of the chair for economical history,
Financial University under the Government of the Russian Federation

Nefedov Sergey Aleksandrovich

D.Sci. in history, head specialist,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS

Polunov Alexander Yur'evich

D.Sci. in history, assistant Professor,
Moscow State University, Department of Public Administration

Ksenofontova Nataliya Alexandrovna

Ph.D. in history, Institute of African of RAS,
head of group for gender studies

Borodulin Vladimir Iosifovich

D.Sci. in medicine, principal researcher,
Institute for history of medicine, RAMS

Topolyansky Aleksey Victorovich

Ph.D. in medicine, assistant Professor,
Institute for history of medicine, RAMS

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2012 г.

Теория и практика политических игр

Кургинян С.Е. *Время турбулентности. №1. С.6*

Кургинян С.Е. *Контрэлита. №2. С.6*

Кургинян С.Е. *Модели глобальной гегемонии и их влияние на мироустройство. №3. С.6*

Кургинян С.Е. *Энергия саморазрушения. №4. С.6*

Кургинян С.Е. *Кто будет исправлять ситуацию? Накануне цивилизационной катастрофы. №5. С.6*

Кургинян С.Е. *Преодоление хаоса: атомизированный социум и политика. №6. С.6*

Геоглобалистика

Александров О.Б. *Российско-прибалтийские отношения: возможна ли перезагрузка? №3. С.22*

Бовдунов А.Л. *Восточный вектор внешней политики Польши: геополитическая традиция и современность. №2. С.54*

Максимычев И.Ф. *Россия–Германия–Европа. От Советского Союза к Российской Федерации. Наши дипломаты в Берлине в 1990–1992 гг. (окончание). №1. С.22*

Симонова Т.М. *Несостоявшиеся победы: русские формирования в Польше (1919–1924). №2. С.24*

Грани катастрофы

Тхагапсоев Х.Г. *Образование в современной России – вверх по лестнице, ведущей... вниз (штрихи к портрету наших реформ). №5. С.22*

Ресурсы нации

Хасиев Р.С. *Азиатский водный транзит. №1. С.48*

Ярлыки и мифы

Антонов Д.И., Майзульс М.Р. *«Мечтания» и «illusions». Дьявольские наваждения между книжностью и иконографией. №4. С.112, №5. С.126*

Латин В.В. *Адмирал Нахимов в национальной памяти. №6. С.58*

Ранчин А.М. *Интеллигенция-4: прошлое и настоящее. №2. С.72*

Ранчин А.М. *К истолкованию теории «Москва – Третий Рим» в русской культуре Нового времени. №6. С.26*

Федотова М.С. *Севастопольская оборона 1854–1856 годов в пространстве памяти. №1. С.84*

Современные утопии

Мальков В.Л. *«Социализм» по-американски. К истории создания администрации долины реки Теннесси. №5. С.40*

Россия в мире

Бочарова З.С. *«Без оздоровления России невозможно восстановление Европы». Помощь Ф.Нансена голодающей России и международное сообщество. №1. С.110*

Ковалев М.В. *Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов. №3. С.120*

Полунов А.Ю. *Православие на международной арене. 1914–1918. Историко-*

культурный концепт и его эволюция. №6. С.112

Розенталь И.С. Русское зарубежье, еврейский вопрос ... (20-е – 40-е годы XX века). №1. С.130

Европейские параллели

Кожановский А.Н. Народы Испании: региональная общность против общности генетической. №1. С.64

Марьина В.В. Эдвард Бенеш: мысли о демократии. №4. С.28

Пути духовных исканий

Потапова Н.Д. Тема «памяти» в культуре модернизма. №3. С.86, №4. С.82

Страницы истории

Буранок А.О. Русско-японская война в восприятии российского крестьянства. №2. С.128

Каменев Е.В. Сыны отечества: к вопросу о формировании декабристской идеологии. №5. С.74

Мяжков М.Ю. Эхо Московской битвы: стратегическое положение и планы сторон весной 1942 г. №3. С.62

Мяжкова Е.М., Репников А.В. Образы Французской революции в общественной мысли России XIX века. №5. С.102

Нефедов С.А. О предпосылках сталинской коллективизации. №6. С.100

Савельев П.Ю. Какие партии были в Российской империи? №2. С.92

Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект. №3. С.40

Хайлова Н.Б. «Смотря на поход двенадцатого года глазами историка». А.А.Корнилов и М.М.Ковалевский о войне 1812 года. №6. С.88

Штеллер Ф. Династическая политика Австрийской, Прусской и Российской монархий в XVIII веке: сравнительно-исторический анализ. №4. С.50

Актуальный архив

Астахова М.С., Репников А.В. «Я думаю только об одном – о благе и величии Родины». №2. С.162

Герасимова В.А. К истории иудео-христианских взаимоотношений в России в первой половине XVIII века. №1. С.160

Митрофанов Н.Н. 300 лет номенклатурной переключки. №3. С.168

Печатнов В.О. Как Трумэн у Сталина Курилы просил. №4. С.140

Хайлова Н.Б. Люди из примечаний. «В кадетской партии я была своего рода enfant terrible». №3. С.150

Юрганов А.Л. После Сталина. Как остановился механизм репрессий. №4. С.158

Юрганов А.Л. Рождение двойных стандартов в советской идеологии. №5. С.154

Редакционная почта

Бородулин В.И., Тополянский А.В. К истории научных школ: основоположник учения о лечебном питании М.И.Певзнер и его школа. №6. С.158

Калинин А.А. Всего лишь предположение. №4. С.186

Ксенофонтова Н.А. Женские автодокументальные материалы как зеркало идентичности. №6. С.136

Медведева И.Я., Шишова Т.Л. «Ты этого хотел, Жорж Данден!» №4. С.174

The List of All Published Materials in 2012

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan Sergey. The Turbulent Time. №1. P.6

Kurginyan Sergey. The Counter-elite. №2. P.6

Kurginyan Sergey. Models of Global Hegemony and Their Impact on the World Organization. №3. P.6

Kurginyan Sergey. The Energy of Self-Destruction. №4. P.6

Kurginyan Sergey. Who will Fix the Situation? On the Eve of the Civilizational Disaster. №5. P.6

Kurginyan Sergey. Overcoming Chaos: the Atomized Society and Politics. №6. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

Aleksandrov Oleg. Is it Possible to "Reset" the Relations between Russia and the Baltic States? №3. P.22

Bovdunov Alexander. Eastern Vector Foreign Policy of Poland: Geopolitical Tradition and Modernity. №2. P.54

Maksimychev Igor'. Russia–Germany– Europe. From the Soviet Union to Russian Federation: Our Diplomats in Berlin in 1990–1992 (the end). №1. P.22

Simonova Tat'ana. Failed Victories: Russian Military Forces in Poland (1919–1924). №2. P.24

The Faces of Catastrophe

Tkhagapsoev Khazhismel'. Education in the Present Day Russia: Ascending the Descending Stairway? (Traits to the Portrait of our Reforms). №5. P.22

Resources of Nation

Khasiev Roman. Asian Water Transit. №1. P.48

Labels and Myths

Antonov Dmitriy, Mayzul's Mikhail. "Phantoms" and "Illusions": Devil's Delusions in Texts and Iconography. №4. P.112, №5. P.126

Fedotova Marina. Sevastopol's Defense 1854–1856 in the Memory Space. №1. P.84

Lapin Vladimir. Admiral Nakhimov in the National Memory. №6. P.58

Ranchin Andrey. Intelligentsia-4: Past and Present. №2. P.72

Ranchin Andrey. Interpretation of 'Moscow as the Third Rome' Theory in the Russian Culture of the Modern Time Revisited. №6. P.26

Modern Utopia

Mal'kov Victor. "Socialism" American Style. On the Creation of the Tennessee Valley Authority. №5. P.40

Russia in the World

Bocharova Zoya. "Economic rehabilitation of Russia as a Key to Europe's Recovery". F.Nansen's Help to Starving Russia (1921–1922) and International Community. №1. P.110

Kovalev Mikhail. Between Politics and Ideology: Metamorphoses of the Russian Emigration' Historical Memory, 1920–1940. №3. P.120

Polunov Alexander. Orthodoxy on the International Stage, 1914–1918. Historical Cultural Concept and Its Evolution. №6. P.112

Rosental' Isaak. The Russian Foreign Community, the Jewish Question... (from the 1920s to the 1940s). №1. P.130

European Parallels

Kozhanovskiy Alexander. Peoples of Spain: Ethnic Entities or Regional Ones? №1. P.64

Mar'ina Valentina. Edvard Beneš: Thoughts on Democracy. №4. P.28

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Potapova Natalia. Concept of Memory in Culture of Modernity. №3. P.86, №4. P.82

Pages of History

Buranok Alexander. Russian–Japanese War in the Perception of Russia's Peasantry. №2. P.128

Kamenev Evgeniy. The Fatherland's Sons: On Shaping of the Decembrist Ideology. №5. P.74

Khailova Nina. "Looking at the 1812 Campaign with a Historian's Eyes".

A.A.Kornilov and M.M.Kovalevsky about 1812 War. №6. P.88

Myagkov Mikhail. Echo of the Moscow Fight: Strategic Situation and Plans of the Sides in the Spring of 1942. №3. P.62

Myagkova Elena, Repnikov Alexander. Images of the French Revolution in the 19th Century Russian Social and Political Thought. №5. P.102

Nefedov Sergey. On Preconditions of Stalin's Collectivization. №6. P.100

Savel'ev Petr. Which Parties were in the Russian Empire? №2. P.92

Savin Andrey. Ethnicization of Stalinism? 'National' and 'Kulak' Operations of the NKVD: Comparative Aspect. №3. P.40

Stellner František. Dynastic Policy of Austria, Prussia and Russia in XVIII Century: Comparative Historical Analysis. №4. P.50

Topical Archive

Astakhova Marina, Repnikov Alexander. "I am Thinking of One Thing Only: of the Public Weal and Grandeur of the Motherland". №2. P.162

Gerasimova Viktoria. A Contribution to the History of the Judaism-Christian Relations in Russia in the 1st Half of the 18th Century. №1. P.160

Khailova Nina. People from Footnotes. "I was an Enfant Terrible of a Kind in the Constitutional-Democratic Party". №3. P.150

Mitrofanov Nikolai. 300 Years of Nomenclature Rollcall. №3. P.168

Pechatnov Vladimir. How Truman Sought the Kuriles from Stalin. №4. P.140

Yurganov Andrey. After Stalin. How the Mechanism of Repression Ran down. №4. P.158

Yurganov Andrey. Origination of Double Standards in the Soviet Ideology. №5. P.154

Readers' Letters

Borodulin Vladimir, Topolyansky Aleksey. About the History of the Scientific Schools: the Founder of the Concept of the Medical Nutrition M.I.Pevzner and his School. №6. P.158

Kalinin Alexander. Just a Hypothesis. №4. P.186

Ksenofontova Nataliya. Female Auto Documental Materials as the Mirror of Identity. №6. P.136

Medvedeva Irina, Shishova Tat'ana. "You Desired that, George Dandin!" №4. P.174

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5
магазин «Ноосфера»
ул. Малая Посадская, 4а (вход в арку) тел. (812)498-61-71

по всей России

**журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».**
**Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»).**
**Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
83496 - по каталогу Агентства «Роспечать»**

Альтернативная подписка:

ООО «ИнтерПочта-2003»

тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64

ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

Для иностранных читателей

подписка проводится

через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57

e-mail: export@periodicals.ru

**Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

В редакции подписка и продажа льготные.

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru,

bushueva@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2012.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 01.08.2012. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.

Тираж 1500 экз (1 з-д 1-1000 экз.). Заказ №

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

*Редакция поздравляет своих читателей
с наступающим 2013 годом
и надеется сохранить в будущем году
интерес к нашему журналу.*

6. 2012 november-december

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Overcoming Chaos: the Atomized Society
and Politics _____ **6**

Labels and Myths

Andrey Ranchin

Interpretation of 'Moscow as the Third Rome'
Theory in the Russian Culture
of the Modern Time Revisited _____ **26**

Vladimir Lapin

Admiral Nakhimov in the National Memory _ **58**

Pages of History

Nina Khailova

"Looking at the 1812 Campaign with a Historian's
Eyes". A.A.Kornilov and M.M.Kovalevskiy
about 1812 War _____ **88**

Sergey Nefedov

On Preconditions of Stalin's Collectivization _ **100**

Russia in the World

Alexander Polunov

Orthodoxy on the International Stage,
1914–1918. Historical Cultural
Concept and Its Evolution _____ **112**

Reader's Letters

Nataliya Ksenofontova

Female Auto Documental Materials
as the Mirror of Identity _____ **136**

*Vladimir Borodulin,
Aleksey Topolyanskiy*

About the History of the Scientific
Schools: the Founder of the Concept
of the Medical Nutrition M.I.Pevzner
and his School _____ **158**

РОССИЯ XXI